Троицкий

Психология.

М. Ф.

Лекціи по психологіи

ординарнаго профессора М. М. Троицкаго

читанныя въ 188⁴/₅ г. г.

СХІ

Пров 36
Пров. 1966

BF
121

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1193
32

16-IV-26
71064

Лекціи по психологіи

Въ этомъ году мнѣ предложенъ для Васъ курсъ чтенія по психологіи. Психологія по словопроизводству есть наука о духѣ; это опредѣленіе однако далеко не объясняетъ, что собственно составляетъ предметъ этой науки. Въ какомъ смыслѣ духъ можетъ быть предметомъ науки, научнаго изученія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ или взглядъ на этотъ предметъ, болѣе или менѣе установившійся въ современной наукѣ выработался не вдругъ. Прежде всего въ древнее время, у древнихъ Грековъ, до Аристотеля духъ человѣческій изучался, какъ особое существо, substantia. На свойства, или на особенности этой субстанціи были предложены различные взгляды, изъ которыхъ одни получили названіе матеріализма, другіе-спиритуализма. Образцомъ матеріалистическаго взгляда на духъ въ это время можетъ служить система такъ называемаго атомизма. Левкиппа и Демокрита. Въ системѣ Демокрита душа или духъ представляется субстанціей, отличной отъ тѣла, но субстанціей матеріальнаго свойства, подобно тѣлу душа составлена изъ атомовъ, впрочемъ атомовъ тонкихъ, эфирнаго свойства и круглой формы. Такимъ образомъ мы видимъ, что здѣсь душа представляется, какъ существо отдѣльное, или отличное отъ тѣла, но какъ существо весьма родственное ему. Это взглядъ матеріалистическій на душу или на духъ. Другой взглядъ, или образчикъ другаго взгляда мы имѣемъ, напр. у Анаксагора и Платона. Первый разсматриваетъ духъ точно также, какъ существо особенное, отличное отъ тѣла, и притомъ, какъ существо совершенное, противоположное тѣлу. Какъ тѣло матеріальное составлено изъ нѣсколькихъ частей, въ концѣ недѣлимыхъ, такъ напротивъ душа есть существо совершенное, простое. Анаксагоръ называетъ это существо умомъ. Такимъ образомъ въ первый разъ въ исторіи философіи мы видимъ здѣсь строгій дуализмъ, различающій въ природѣ живыхъ существъ два особыя существа

или двѣ особенныя субстанціи, - матеріальную - тѣло и не-матеріальную - духъ или душу подъ названіемъ ума. Нѣсколько иной взглядъ и спиритуалистическій характеръ мы встрѣчаемъ у Платона. Онъ разсматриваетъ душу, какъ существо отличное отъ тѣла, существо единичное, существо простое и потому не подлежащее разрушенію, существо безсмертное, но его взглядъ на простоту души нѣсколько иной, чѣмъ тотъ, какого придерживается Анаксагоръ. У послѣдняго душа совершенно противоположна тѣлу, душа же Платона есть произведеніе изъ двухъ субстанцій съ одной стороны - идеи, съ другой - матеріи. Для Платона только идеи, т. е. нѣкоторые вѣчные типы вещей, только онѣ совершенно нематеріальны; они безусловно просты и единичны; все-же остальное болѣе или менѣе сложно. Итакъ человѣческія души не суть существа безусловно простыя, но суть существа, образованныя съ одной стороны изъ идей, съ другой изъ матеріи; но тѣмъ не менѣе Платонъ продолжаетъ смотрѣть на душу, такъ образованную, какъ на единственное неразложимое и слѣдов. безсмертное. Итакъ вотъ мы имѣемъ на первый разъ изученіе души такого рода, которое называютъ метафизическимъ. Душа изучается, какъ особаго рода субстанція, параллельная, или родственная, или совершенно отличная, или противоположная тѣлу. Затѣмъ мы встрѣчаемъ у Аристотеля другой взглядъ на предметъ психологіи, нѣсколько иной, чѣмъ у Платона. Для него душа есть тоже своего рода существо, онъ называетъ ее идеей, иногда формой тѣла. „Идея или форма тѣла" въ этомъ взглядѣ Аристотель примыкаетъ къ Платону съ тѣмъ различіемъ, что у Платона подъ душей разумѣется нѣкоторый общій типъ единичныхъ вещей, а у Аристотеля это нѣкоторыя единичныя вещи. Потому Аристотель весьма многими и не безъ основанія считается отцемъ этой науки. Изученіе души, какъ особеннаго существа у Аристотеля состоитъ

въ изслѣдованіи не той неизвѣстной намъ области, въ которую хочетъ проникнуть Платонъ, но въ изученіи способностей души, притомъ изъ ихъ обнаруженій, проявленій.
Сочиненіе Аристотеля „De anima," которое послужило основой всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по психологіи, особенно плодотворно было изслѣдованіемъ души въ смыслѣ нѣкоторой психической способности силъ, изучаемыхъ, или наблюдаемыхъ въ ея проявленіяхъ. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь нѣкоторое раздвоеніе во взглядѣ на собственный предметъ психологіи, или на духъ, какъ предметъ науки. Затѣмъ нѣкоторое преобразованіе этаго предмета мы встрѣчаемъ въ новое время у Гоббса; онъ изучаетъ духъ, собственно, какъ совокупность психическихъ свойствъ человѣка, наблюдаемыхъ въ такъ называемыхъ фактахъ психическаго существованія. Слѣдовательно Гоббсъ устраняетъ совершенно прежній метафизическій взглядъ на духъ, какъ субстанцію. Его взглядъ приближается скорѣе къ матеріалистическому взгляду на психологію, которая ставитъ Гоббса во главѣ современнаго изученія; Гоббсъ собственно не развиваетъ своего взгляда; вся работа его сосредоточивается на изученіи психическихъ свойствъ. Такъ духъ человѣка онъ опредѣляетъ, какъ совокупность физическихъ и психическихъ свойствъ, конечно изучаемыхъ изъ состояній и дѣйствій, называемыхъ нами психическими, или душевными. Что заставляетъ насъ остановиться на Гоббсѣ. Нельзя не замѣтить, что Гоббсъ имѣлъ въ виду своихъ предшественниковъ, нѣсколько утрировавшихъ Аристотеля. Послѣдній изучалъ душу въ ея обнаруженіи, но Аристотель не придавалъ термину „способности" другаго смысла, кромѣ того, который заключается въ выраженіи внутреннихъ свойствъ. Между тѣмъ послѣ него изслѣдователи, менѣе проницательные, поняли способность, какъ особый агентъ въ природѣ души, до нѣкоторой

степени самостоятельный; также свойства поняли непросто какъ свойство человѣка, какъ умъ напр., а какъ особый дѣятель въ духѣ или въ человѣкѣ, называемый умомъ. Поэтому Гоббсъ счелъ своею обязанностью указать на простой, древній классическій смыслъ этого термина. Изучая способности, мы изучаемъ свойства; вотъ въ чемъ собственно важно это положеніе Гоббса. Теперь обратимся къ третьему взгляду, уже болѣе новому, которымъ собственно открывается новая исторія психологіи, — у Локка и его послѣдователей. Духъ, какъ предметъ науки, для Локка и его послѣдователей не есть неизвѣстная субстанція, а только явленія психическаго обнаруженія этой субстанціи. Что такое эта субстанція сама въ себѣ, помимо проявленій, мы не можемъ знать, по мнѣнію Локка. Все, что мы можемъ знать, ограничивается тѣмъ, что душа открываетъ въ своихъ обнаруженіяхъ, на которыхъ способности обнаруживаются. Итакъ, вотъ, слѣдовательно для школы Локка духъ, какъ предметъ науки, есть психологическія явленія, формы тѣхъ явленій и законы, въ силу которыхъ образуются эти формы. Локкъ и его школа настаиваютъ, что такъ называемая метафизика, то есть наука, которая надѣется разгадать субстанцію души независимо отъ того, какъ она обнаруживаетъ свою неподлежащую наблюденіямъ природу, — Локкъ не допускаетъ, чтобы эта наука была возможна. Знаніе нефеноменальное души недоступно человѣку. Все, что онъ можетъ знать, ограничивается формами явленій. Чтобы лучше оттѣнить этотъ взглядъ школы Локка, который собственно сдѣлался господствующимъ въ современной наукѣ, замѣтимъ, что это отрицаніе не есть отрицаніе метафизическихъ ученій. Невѣрно мы поняли бы, что отрицая науку души въ смыслѣ строгаго знанія, такимъ обра-

зомъ хотятъ оградить человѣка отъ всякаго соображенія относительно свойствъ того, что не подлежитъ наблюденію. Никогда нельзя возбранить человѣку составить себѣ метафизику, никогда нельзя лишить человѣка возможности составить себѣ понятіе о сущности душевной жизни, о долгѣ, обязанности и т. п. Разница между этими такъ наз. критиками и между прежними метафизиками заключается въ томъ, что тѣ полагали, что путемъ метафизическаго изслѣдованья они могутъ достигнуть точнаго знанія во всѣхъ вопросахъ; школа-же Локка думаетъ, что научное изученіе можетъ быть только феноменальное. Какъ примирить съ логикой и со всѣми научными открытіями тотъ или другой взглядъ на природу вещей, тотъ вопросъ, который можетъ рѣшаться метафизикой съ точки зрѣнія критическихъ писателей школы Локка? Эти писатели вовсе не думаютъ возбранить метафизическія изслѣдованія, не претендующія на характеръ точнаго знанія или науки. Заканчивая этотъ болѣе или менѣе установившійся взглядъ, мы замѣтимъ только для точности, что духъ, какъ предметъ психологіи, долженъ быть понимаемъ, какъ психическое явленіе индивидуальнаго существованія живыхъ существъ, потому что, слѣдуетъ замѣтить, что то, что составляетъ собственный предметъ наукъ политическихъ и соціальныхъ, точно также — психическія явленія, но какъ мы увидимъ далѣе, между ними громадная разница. Психологія ограничена только индивидуальными существами, между тѣмъ какъ явленія духа человѣчества принадлежитъ другой наукѣ. Итакъ предметъ психологіи духъ индивидуальнаго существа, психическія явленія индивидуумовъ. Но спрашивается дальше, что такое психическія явленія? Психическія явленія какъ пред-

метъ изученія психическаго, могутъ быть опредѣлены двояко. Ихъ опредѣляютъ, во первыхъ, по контрасту, съ явленіями другаго порядка, именно физическими; далѣе изслѣдуя общія черты всѣхъ психическихъ явленій. Первое опредѣленіе собственно отрицательнаго характера; только вторыя суть опредѣленія въ болѣе широкомъ логическомъ смыслѣ. Итакъ прежде всего психическія явленія могутъ быть опредѣлены по контрасту съ матеріальными. Въ этомъ случаѣ находятъ разницу между тѣми и другими, — отдѣляющую одинъ порядокъ отъ другаго. Во первыхъ разница заключается въ отношеніи тѣхъ и другихъ явленій къ пространству и времени. Явленія психическія могутъ быть изучаемы только въ порядкѣ времени; а тѣ, физическія и въ томъ и въ другомъ порядкахъ. Первыя изучаются, какъ явленія непротяженныя, а вторыя, какъ явленія протяженныя. Чтобы не оставлять недоразумѣнія на этотъ счетъ, замѣтимъ, что о психическихъ явленіяхъ очень часто говорятъ, что они имѣютъ свое мѣсто въ томъ или въ другомъ мѣстѣ мозга. Мѣсто, слѣд. нѣкоторое пространство, въ которомъ обитаетъ душа или въ которомъ сосредоточены психическія явленія; но это не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Когда говорятъ о мѣстѣ, то вопросъ собственно идетъ объ отношеніи психическихъ явленій къ той или другой части мозга, имѣющей тѣ или другія функціи. Доказываютъ напр., что такія явленія зависятъ отъ такихъ то частей въ нашему мозгу, — это незначитъ, чтобъ наши способности, напр. явленія рѣчи занимали мѣсто въ мозгу, но это значитъ, что эти явленія зависятъ отъ функцій нѣкоторыхъ долей мозга. Вся такъ

наз. локализація психическихъ явленій имѣетъ одинъ смыслъ, — названной зависимости тѣхъ или другихъ порядковъ психическихъ явленій отъ тѣхъ или другихъ мозговыхъ мѣстъ и функцій. Слѣд., здѣсь значенія буквальнаго нѣтъ. Никакое изученіе при помощи мѣръ или орудій недоступно относительно психическихъ явленій; мы не можемъ къ нимъ приложить никакихъ долей аршина, чтобы напр. опредѣлить какую-нибудь долю чувствъ. Теперь другое отличіе и еще болѣе важное, тоже отрицательнаго характера, заключается въ томъ, что психическія явленія принимали, какъ явленія внутреннія, противоположныя физическимъ, какъ внѣшнимъ. Это можетъ быть одно изъ самыхъ глубокихъ опредѣленій психическихъ явленій. Всѣ согласны въ томъ, что какъ-бы далеко мы не шли въ анализѣ вещей, всетаки мы должны остановиться въ этомъ движеніи; это движеніе, какъ-бы мы утонченно не представляли его, останется фактомъ внѣшнимъ, т. е фактомъ, подлежащимъ наблюденію, но не наблюдающимъ себя. Факты физическіе представляютъ факты подлежащіе наблюденію, но не наблюдающіе себя; другое дѣло — психическіе факты — это факты внутренніе въ томъ смыслѣ, что наблюдатель и наблюдаемое составляютъ здѣсь одно и тоже; они составляютъ самого наблюдателя. Вотъ существенная разница между тѣми и другими. Явленія физическія суть наблюдаемый объектъ или, какъ еще называютъ ихъ, явленія объективныя; психическія суть вмѣстѣ и наблюдающій субъекъ и объекъ наблюденія. Потому психическія явленія называются явленіями субъективными. Но мы сказали, что эти опредѣленія собственно отрицательныя. Какое-же мы можемъ дать положительное опредѣленіе? Есть-ли что-нибудь общее, на что можно было-бы указать, какъ на характеризующую черту всѣ психическія явленія. Есть такая черта, есть такой терминъ: явленія психическія всѣ, не исключая никакого класса, суть явленіе или состояніе сознанія. Какъ явленія или факты физическія, матеріальные суть факты безсознательнаго порядка, такъ явленія психическія сознательны. На первый разъ такое обобщеніе можетъ показаться неточнымъ, можетъ показаться, что оно необнимаетъ всѣхъ психическихъ явленій, но это на первый только разъ, а какъ скоро мы разложимъ это опредѣленіе

на составныя части, — увидимъ, что оно вѣрно. Если-бы предварительно указать на нихъ, то мы можемъ свести ихъ сейчасъ-же къ тремъ основнымъ порядкамъ, которые можно назвать умственнымъ сознаніемъ, сознаніемъ въ чувствахъ или реальнымъ и сознаніемъ дѣятельнымъ или практическимъ. Внѣ этихъ трехъ видовъ нѣтъ никакихъ другихъ порядковъ. Возьмите мысль. Что это сознаніе? Безъ сомнѣнія, да объ этомъ никто и не споритъ: темная мысль — темное сознаніе. Итакъ что касается умственныхъ какихъ-нибудь дѣйствій, то не можетъ быть спора, что это сознаніе. Весь процессъ наблюденія также, какъ процессъ пониманія, есть процессъ сознанія; но это кажется менѣе приложимымъ къ нашимъ чувствамъ. Неужели страхъ, нѣжность, тоже сознаніе? Сознаніе, М. Г. М. Г., сознаніе! Всѣ наши чувства можно раздѣлить на два порядка: на внѣшнія и внутреннія; и тотъ и другой представляютъ сознаніе. Возьмите такъ называемыя ощущенія. Никто не будетъ спорить, что ощущать значитъ сознавать. Возьмите теперь наши волненія. Неужели волненіе есть сознаніе? Да, несомнѣнно. Что такое страхъ? Страхъ есть извѣстное сознаніе чувства опасности, но чувствительное, чувство сильное, чувство потрясающее. Чувства красоты и долга также безъ сомнѣнія являются непосредственнымъ результатомъ сознанія. Есть еще классъ психическихъ явленій, къ которымъ приложеніе термина сознаніе кажется еще менѣе удобнымъ. Это такъ называемыя явленія хотѣнія. Неужели хотѣніе сознаніе и ничто болѣе? Да, ничто болѣе. Хотѣніе влечетъ стремленіе, въ которомъ обязательно присутствуетъ сознаніе. Правда, есть одинъ элементъ въ хотѣніи, который рѣзко отдѣляетъ хотѣніе отъ чувствъ и отъ идей. Это элементъ чисто физическій. Прибавьте къ психическому нѣчто физическое и получите аппетитъ, хотѣніе, желаніе, и т. д. Чувства и идеи соприкасаются здѣсь въ своемъ вліяніи. Итакъ психическія явленія суть факты или состоянія сознанія. Опредѣливши предметъ нашей науки, перейдемъ теперь къ раздѣленію ея.

Прежде всего замѣтимъ относительно этого предмета, что не слѣдуетъ придавать рамкамъ этого дѣленія какого-нибудь священнаго значенія. Слѣдуетъ помнить, что дѣленіе должно удовлетворять двумъ потребностямъ; оно должно удовлетворять логической

потребности и практической, а такъ какъ съ различныхъ точекъ зрѣнія представляются различныя удобства, то поэтому разныя дѣленія могутъ быть въ одно и то-же время весьма удовлетворительны. Мы думаемъ, что слѣдующее дѣленіе можетъ быть самымъ простымъ руководствомъ въ нашей наукѣ: психологію прежде всего можно раздѣлить на психологію человѣка и психологію животныхъ или зоопсихологію. Не слѣдуетъ пренебрегать этимъ дѣленіемъ, хотя зоопсихологія никогда не признавалась за психологію; что-же собственно считалось философской наукой, такъ это психологія человѣка. Теперь перейдемъ къ этой послѣдней психологіи. Психологія человѣка есть наука о формахъ и законахъ психическихъ явленій; эту науку мы можемъ раздѣлить на двѣ главныя части — психологію общую и сравнительную или дифференціальную. Что касается послѣдней то предметъ ея составляетъ нѣкоторая постоянная разница, которая получаетъ свое происхожденіе изъ органическихъ условій или поддерживается ими; сюда принадлежатъ особенности возраста. Особенно выдѣляется психологія дѣтскаго возраста, педопсихологія. Затѣмъ вторая разница — это разница половъ, потому что, по правдѣ говоря, мужчины изслѣдуютъ прежде всего себя, а потомъ уже женщинъ; такимъ образомъ выработалась опять таки особая дисциплина подъ названіемъ психическая гинекологія которая занимается изслѣдованіемъ психическихъ способностей женщинъ. Далѣе, разница народностей или расъ составляетъ два особыхъ отдѣла психологіи; мы можемъ ихъ соединить для краткости подъ названіемъ этнопсихологія, или, какъ называютъ обыкновенно нѣмецкіе ученые — народная психологія (völkerpsychologie). Затѣмъ сюда принадлежатъ разницы сна и бодрствованія. Наука, которая выдѣлилась изъ общей психологіи — это собственно наука объ особенностяхъ сна. Наука эта извѣстна подъ именемъ гипнологіи или, какъ французы её называютъ, сомнологіи. Сюда принадлежатъ также дисциплины психической недоразвитости; таковы о слѣпорожденныхъ и глухонѣмыхъ, весьма важныя, потому что на нихъ опираются и восполняютъ ими нѣкоторые неразрѣшенные другими отдѣлами вопросы. Затѣмъ психологія идіотовъ или крети-

низма. Наконецъ уклоненіе отъ нормы и здороваго типа составляетъ также особый отдѣлъ; сюда принадлежатъ во 1) явленія сомнамбулизма и во 2) умопомѣшательства. Все это предметы сравнительной психологіи. Что-же остается для общей психологіи человѣка? Она не касается всѣхъ разницъ и ограничивается изученіемъ общаго типа развитія личности, можно прибавить человѣческой, можно ограничится просто личностью, такъ какъ личностью обладаетъ одинъ человѣкъ. Что-же такое методы психологіи? Какимъ образомъ можетъ быть изучаемъ духъ человѣка или общій типъ развитія личности? Прежде всего психологія пользуется общими методами, т.е описаніемъ, наведеніемъ и дедукціей. Прежде всего, конечно, собираются факты; затѣмъ изъ нихъ пріобрѣтаютъ нѣкоторые простѣйшіе законы, которыми можно было-бы объяснить сложныя формы психическихъ явленій, а за симъ обобщеніе сложныхъ формъ идетъ дедуктивнымъ порядкомъ. Но психологія имѣетъ и свои спеціальные методы; въ этомъ отношеніи она имѣетъ весьма важныя пособія со стороны многихъ анализовъ, которые или только косвенно касаются ея, или входятъ въ составъ психологіи сравнительной. Эти изученія могутъ быть обращены въ спеціальные методы изученія общихъ формъ человѣческаго духа. Кромѣ этого вспомогательными средствами для разработки спеціальнаго метода служитъ физіологія, патологія, исторія культуры и т.п. Теперь перейдемъ къ вопросу объ отношеніи психологіи къ другимъ наукамъ. Она занимаетъ среднее мѣсто между физіологіей и біологіей и соціальными или политическими науками. Нѣкоторые писатели съ Контомъ во главѣ оспариваютъ необходимость установленія особой рубрики, полагаютъ, что психологія должна быть изучаема, какъ отдѣлъ физіологіи, между тѣмъ мнѣніе большинства, что для полноты изученія духа необходимо отдѣлить психологію отъ физіологіи. Такимъ образомъ психологія явилась въ классификаціи наукъ, какъ постоянное звено и какъ средина между физіологіей и соціологіей. Какое-же отношеніе нашей науки къ физіологіи? Задача физіологіи относительно духа заключается въ

изученіи отношеній между фактами психическими и физическими, между фактами, которые представляетъ устройство нервной системы и фактами психическими; установить эту зависимость между обоими порядками фактовъ можетъ только физіологъ. Психологъ можетъ только пользоваться тѣмъ, что ему предложено физіологіей. Психологія собственно, какъ это прекрасно выяснено Джономъ Стюартомъ Миллемъ, а затѣмъ Броуномъ, начинается тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ зависимостью однихъ психическихъ явленій отъ другихъ, съ зависимостью сложныхъ явленій отъ какихъ-нибудь простыхъ, желаній отъ идей и т. п. Эта-то зависимость однихъ психическихъ фактовъ отъ другихъ и составляетъ кругъ изученія психологіи. Затѣмъ другая граница психологіи это соціологія или науки политическія. Разница между психологіей и соціологіей отчасти аналогична той, которую мы представили относительно физіологіи и психологіи. Психологія имѣетъ дѣло съ личностями, между тѣмъ, какъ соціологія имѣетъ дѣло съ общественными явленіями существованія человѣка. Разница въ томъ, что психологія занимается изученіемъ внутренней зависимости психическихъ явленій существованія индивидуума, а соціальныя науки занимаются психическими явленіями въ ихъ отношеніяхъ внѣшнихъ: вліяніе какихъ-нибудь чувствъ въ одномъ кругу на дѣйствія людей другаго круга и т. п. явленія, которыя мы должны признать внѣшними. Соціальная общественная зависимость психическихъ явленій - вотъ что составляетъ предметъ наукъ политическихъ сравнительно съ психологіей. Что касается до значенія психологіи, то нельзя не признать, что оно весьма велико для наукъ сопредѣльныхъ, а затѣмъ и въ кругу философскихъ наукъ вообще. Нельзя не замѣтить, что если физіологія вообще составляетъ собственно подготовку къ работамъ психологическимъ, антецедентъ, который необходимо имѣть въ виду для успѣшныхъ занятій психологіей, то и психологія не есть что-нибудь безполезное для физіологіи, потому что, по пра-

вдѣ сказать, всѣ задачи физіологіи смѣшаннаго характера, всѣ онѣ не могутъ быть разрѣшены съ надлежащей точностью безъ изученія психологіи; какъ прекрасно замѣтили физіологи, не слѣдуетъ изолироваться физіологамъ, чтобы имѣть точныя данныя для истолкованія физіологическихъ явленій. Допустимъ, что всѣ психическія явленія находятся въ зависимости отъ физическихъ, но чтобы идти въ глубь, надо имѣть строгій анализъ психическихъ явленій, и потому, если угодно даже для того, чтобы въ концѣ концовъ уничтожить психологію, все таки необходимо раньше создать эту науку. Теперь обратимся къ отношенію психологіи къ соціологіи. Несомнѣнно и признано тѣми писателями, которымъ мы обязаны разработкой соціальныхъ наукъ, что психологія имѣетъ важное значеніе для разработки этихъ наукъ. Соціологія занимается установленіемъ фактовъ общественныхъ явленій, конституцій общества, исторіи общества; занимается установленіемъ эмпирическихъ законовъ, которые только въ послѣдствіи принимаютъ характеръ строго научныхъ законовъ, благодаря точнымъ законамъ біологіи и психологіи. Такимъ образомъ психологія имѣетъ огромное значеніе для наукъ соціальныхъ. Теперь, что касается наукъ философскихъ, то значеніе психологіи въ этой области двоякаго рода: прежде всего она должна быть признана основой всѣхъ философскихъ наукъ. Было время, когда основой этихъ наукъ считалась метафизика, тогда психологія играла второстепенную роль и считалась введеніемъ въ философію, но когда строгое изученіе метода ограничило важность метафизики, тогда явилась надобность въ другой основѣ и этой основой признана психологія. Это мы видимъ въ Германіи со времени Гербарта. Психологія - вотъ настоящая основа философіи - это разъ, но психологія имѣетъ значеніе не сама только по себѣ, какъ корень философскихъ знаній; важное значеніе этой науки видно изъ того также, какое она имѣетъ значеніе для разработки практическихъ сторонъ философскихъ наукъ. Таково ея значеніе для логики.

Миллъ въ своей системѣ логики не касается психологіи, потому что нѣтъ надобности при изложеніи логики постоянно бросать въ глаза психологію, но для разработки логики нужно точное знаніе психологическихъ наукъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о литературѣ нашего предмета. Мы отсылаемъ къ нашему сочиненію желающихъ познакомиться съ нѣмецкой литературой по психологіи; тамъ-же весьма много данныхъ для англійской литературы. Мы укажемъ только на выдающіеся труды. Такимъ трудомъ мы прежде всего считаемъ трактатъ Локка „Опытъ о человѣческомъ умѣ"; хотя онъ былъ писанъ съ другими цѣлями, однако здѣсь положено собственно начало тѣмъ изслѣдованьямъ по психологіи, результаты которыхъ мы имѣемъ въ настоящее время, такъ что Локкъ можетъ быть названъ отцемъ аналитической психологіи. II Догальдъ Стюартъ „Индуктивная философія человѣческаго духа" III Броунъ, сочиненіе котораго „Лекціи о философіи человѣческаго духа" представляются въ высшей степени достойнымъ рекомендаціи; оно прекрасно, глубоко, содержательно и затѣмъ важно собственно потому, что въ немъ изчерпаны вопросы методологическаго характера, такъ, какъ это послѣ никѣмъ не было сдѣлано. IV Затѣмъ сочиненіе Джемса Милля, отца Джона Стюарта Милля, которое было издано уже его сыномъ, сочиненіе, въ которомъ особенно хорошо представлено ученіе о законахъ ассоціацій и нѣкоторыя другія ученія. V Затѣмъ „Психологія" Спенсера, превосходное сочиненіе, въ которомъ авторъ вмѣстѣ съ многими данными чисто психологическаго ученія соединяетъ данныя физіологіи, сочиненіе заслуживающее всякаго вниманія, сочиненіе сравнительнаго характера изъ данныхъ, заимствованныхъ изъ естественной исторіи, физіологіи животныхъ и т. д. Послѣдняя часть, именно пятая, важна въ томъ отношеніи, что составляетъ переходъ отъ психологіи къ наукамъ соціальнымъ.

Бэнъ. Во 1) обширное сочиненіе въ 2 тома „Ощущеніе и умъ"; во 2) Compendium психологіи, и въ 3) „Духъ и тѣло"

Что касается Бэна, что достаточно сказать, что Д. С. Милль признал его сочиненія образцовыми, а Г. Спенсеръ, ограничиваясь нѣкоторыми общими объясненіями психологическихъ фактовъ, прямо отсылаетъ къ Бэну, какъ къ лучшему писателю по этому предмету. Можно было-бы привести подобные отзывы и многихъ другихъ извѣстныхъ писателей. Отличительными чертами сочиненій Бэна служитъ строгая точность и большая подробность въ изложеніи собственно психологическихъ ученій. VII Затѣмъ можно рекомендовать сочиненіе Льюиса „Вопросы о жизни и духѣ"; она у насъ явилась въ переводѣ подъ редакціей Боборыкина. VIII Изъ французскихъ писателей укажемъ на Тэна „Психологія" въ переводѣ Страхова. IX Изъ нѣмецкихъ укажемъ на превосходныя работы Вунта во 1) „Душа человѣка и животныхъ; во 2) „Физіологическая психологія" переводъ Кондинскаго. У насъ можно указать на слѣдующихъ писателей: X Ушинскаго сочиненіе въ 2 т. подъ названіемъ „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія"; XI потомъ Владиславлева „Система психологіи"; наконецъ позвольте обратить Ваше вниманіе на наше сочиненіе „Наука о духѣ".

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію науки, позвольте объяснить тотъ курсъ, который мы намѣрены предложить Вамъ, М. Г. М. Г., въ теченіи этаго года. Общій предметъ психологіи — формы и законы психическихъ явленій индивидуальнаго существованія человѣка. Въ предшествующіе годы мы излагали ученіе о законахъ; въ теченіи нынѣшняго года мы будемъ излагать другой курсъ, именно о формахъ психическихъ явленій. Вопросъ о томъ, что раньше предлагать ученіе-ли о формахъ или ученіе о законахъ, можетъ быть рѣшаемъ различно: образованіе сложныхъ формъ невозможно безъ знанія законовъ, но съ другой стороны знакомство или изученіе законовъ не возможно безъ знанія формъ. Такъ какъ всѣ Вы почти не слушали нашего прежняго курса, то мы постараемся сообщить краткія свѣдѣнія о законахъ въ ученіи о формахъ. Вотъ самый порядокъ курса

Издатели: Тюриковъ и Крыловъ

предварительно мы остановимся на самыхъ элементарныхъ психическихъ явленіяхъ: во I) на ощущеніяхъ, во II) на дѣйствіяхъ и въ III) на чувствѣ. При изложеніи этихъ элементарныхъ формъ мы укажемъ и на основные законы психическихъ явленій: законъ относительности, законъ самосохраненія и законъ ассоціаціи. Затѣмъ перейдемъ къ ученію о сложныхъ формахъ, къ которымъ мы отнесемъ слѣдующія: во I) явленія ума во II) явленія сердца или душевныхъ волненій, въ III) проявленія воли. Всѣ эти явленія сложны, всѣ они представляютъ комбинаціи простѣйшихъ; разница этихъ формъ заключается въ томъ, что въ этихъ комбинаціяхъ одинъ элементъ преобладаетъ: въ явленіяхъ воли преобладаетъ дѣйствіе и надъ ощущеніями и т.п. Въ IV) явленія личности. Въ сложныхъ явленіяхъ личности мы видимъ порядокъ психическихъ явленій, которыя сообщаютъ психическому существованію человѣка единство и цѣльность; сюда относятся во I) явленія творчества, во II) явленіе возвратныхъ отношеній и въ III) то, что мы называемъ способностями ума, потенціями.

Мы замѣтили, что всѣ формы психическихъ явленій можно свести къ двумъ классамъ или порядкамъ – элементарныя формы и сложныя. Мы начнемъ съ изложенія элементарныхъ формъ или съ того, что называютъ элементарнымъ анализомъ человѣческаго духа. Къ элементарнымъ психическимъ явленіямъ принадлежатъ слѣдующіе порядки или отдѣлы: во I) ощущенія или иначе внѣшнія ощущенія – sensationes. На лат. языкѣ слово sensationes хорошо выражаетъ характеръ того отдѣла явленій, о которомъ мы говоримъ, потому что sensatio происходитъ отъ слова sensus, значеніе котораго – „внѣшнія чувства". Слѣдовательно sensatio надо понимать, какъ внѣшнее ощущеніе; можно сказать, что въ послѣдніе 10^ти лѣтъ мы такъ пріучились къ этому термину, что недоразумѣній быть не можетъ. Такъ и въ англійскомъ языкѣ слово etrfindgtepерь понимается въ смыслѣ sensatio. Во французскомъ и англійскомъ языкахъ употребляются выраженія весьма подобныя въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ ясно, что мы разумѣемъ подъ этимъ терминомъ ощущеніе внѣшнихъ вещей и внѣшнихъ чувствъ. II) порядокъ элементовъ психическихъ явленій – это дѣйствіе, выполняемыя образомъ подъ вліяніемъ ощущеній; поэтому мы называемъ это элементомъ дѣйствій подъ вліяніемъ ощущеній – это будетъ ясно указано нами ниже. Вносимъ

Описки 1го листа: 1) Стр. 2, строка 4. вмѣсто „къ" читай „какъ", 2) Стр 3 стр. вмѣсто „дальнѣйшихъ – дальнѣйшихъ работъ, 3) Стр 5. строка 24 вмѣсто „существа" – существованія 4) Стр 6, строка 29 вмѣсто „такія читай „такія-то".

Листъ 3^й

дствіи. Дѣло въ томъ, что ощущенія страдательныя, пассивныя состоянія духа. Изъ однихъ этихъ пассивныхъ элементовъ духа вы не создадите всей психической дѣятельности; чтобы получить дѣятельность, будетъ ли это дѣятельность умственная или практическая или явленія нашей воли; необходимъ нѣкоторый дѣятельный элементъ, нѣкоторое первичное дѣйствіе, преобразованіе которыхъ дало-бы высшія формы. Такимъ образомъ къ числу элементарныхъ мы должны отнести дѣйствія именно подъ вліяніемъ ощущеній. III) порядокъ элементарныхъ явленій мы называли идеями. Вся наша психическая жизнь такова, что ее можно представлять себѣ подъ двумя видами: 1) какъ жизнь оригинальную, жизнь живыхъ впечатлѣній и 2) какъ жизнь вторичную, отраженную, жизнь умственную, идеальную, мысленную. Чтобы получить явленія втораго порядка необходимо имѣть впереди нѣкоторые простые элементы этихъ явленій; ощущенія, какъ-бы ихъ ни группировали, все дадутъ простыя ощущенія. Но намъ нужно получить умственныя явленія; этаго не возможно достигнуть иначе, какъ имѣя элементы умственнаго порядка; это мы имѣемъ въ томъ, что называютъ мыслями, но именно мыслями страдательнаго характера; вотъ что такое идея. Это умственное мысленное отраженіе живыхъ существъ и дѣйствій. Итакъ вотъ три порядка элементарныхъ явленій духа: ощущенія, дѣйствія и идеи. Мы начнемъ нашъ элементарный анализъ съ ощущеній. Скажемъ нѣсколько словъ о значеніи ощущеній въ экономіи нашей психической жизни вообще. Ощущенія являются простѣйшими, первичными состояніями нашего сознанія, простѣйшими и первичными состояніями нашего духа. Эти два термина „простота" и „первичность" иногда смѣшиваютъ, но между ними существуетъ большая разница: точное значеніе этихъ терминовъ нужно всегда имѣть въ виду при изученіи другихъ порядковъ психическихъ явленій. Чтобы объяснить ихъ характеръ, возьмемъ другія классы явленій духа, о которыхъ мы говорили. Возьмемъ простѣйшія дѣйствія; какія это будутъ дѣйствія? Это будутъ движенія подъ вліяніемъ ощущеній, но изъ самыхъ терминовъ ясно, что дѣйствія, самыя простыя все таки гораздо сложнѣе ощущеній, потому что, чтобы получить дѣйствіе, надобно къ ощущенію прибавить еще нѣчто; надо получить вліяніе ощущеній на нашу мускульную систему; слѣдовательно всякое дѣйствіе есть явленіе гораздо болѣе слож

Библиотека Политехнич. Академии

чѣмъ ощущенія или какія-бы то ни было чувства. Такъ вотъ сравнительно съ этими простѣйшими дѣйствіями ощущенія являются болѣе простыми; слѣдовательно это простѣйшіе изъ самыхъ простыхъ элементовъ. Затѣмъ терминъ „первичный". Его опять таки можно объяснить всего лучше сравнительно съ третьимъ порядкомъ - съ идеями; идеи могутъ быть также просты, какъ ощущенія и даже болѣе просты. Эта простота часто сбиваетъ съ толку, заставляетъ по простотѣ судить о независимости отъ какихъ либо другихъ явленій. Но явленія могутъ отличаться сравнительной простотой и быть всетаки въ зависимости, какъ явленія вторичныя. Всѣ идеи, какъ-бы онѣ не были просты, тѣмъ не менѣе всегда находятся въ зависимости отъ предшествующихъ оригинальныхъ впечатлѣній, идеи находятся въ зависимости отъ ощущеній; эти первичныя, а тѣ - вторичныя. Онѣ могутъ отличаться такой-же простотой, напр. идеи нѣкоторыхъ впечатлѣній зрительныхъ; зрительныя впечатлѣнія - это оригинальныя впечатлѣнія, а идеи - это вторичный элементъ. Итакъ ощущенія являются простѣйшими и первичными состояніями нашего сознанія. Нечего говорить, что это ясно выступаетъ въ сравненіи ихъ съ сложными элементами. Наблюдая болѣе сложныя умственныя явленія, наши понятія, наши умственныя операціи, явленія воли и рѣшимости, мы увидимъ, что прямо или косвенно всѣ эти сложныя явленія состоятъ въ связи съ нашими ощущеніями, что всѣ онѣ представляютъ различные виды или формы развитія тѣхъ-же ощущеній. Идея развитія всѣхъ психическихъ явленій изъ нашихъ ощущеній отнюдь не новая идея. Чтобы показать, что дѣйствительно эта идея была господствующей въ исторіи развитія психологіи, достаточно будетъ указать на главнѣйшія психологическія системы. На первомъ мѣстѣ стоитъ Аристотель; это писатель, который подарилъ намъ превосходную систему психологіи. Тутъ мы имѣемъ первую систему, которая остается до сихъ поръ поучительнымъ произведеніемъ не смотря на успѣхи, которые сдѣлала психологія съ того времени. У названнаго писателя мы находимъ психологическій опытъ развитія всѣхъ психическихъ явленій ума и воли изъ нашихъ ощущеній. Первичными для Аристотеля состояніями нашего сознанія служатъ ощущенія. Въ этомъ отношеніи у Аристотеля между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ разницы; душа ощущающая, душа человѣческая и животная, душа въ нѣкоторыхъ

отдѣльное чувство, именно въ ощущеніяхъ не представляютъ резкихъ
границъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ радикалъ, самъ и существуетъ, но
не въ пользу человѣка; именно этимъ путемъ изъ этихъ ощущеній простѣйшихъ
(характеръ) чувство болѣе сложнаго характера, чувство, которое Аристотель на-
зываетъ критическимъ. Затѣмъ за чувствами слѣдуетъ воспоминаніе,
воображеніе, опытъ, который вырабатывается изъ воспоминаній, пони-
маніе, которое вырабатывается изъ опыта, принципы, которые вырабаты-
ваются изъ наукъ понятій, берущихъ свое начало изъ опыта. Затѣмъ
все, что касается явленій воли, все это происходитъ подъ вліяніемъ
то ощущеній, то высшихъ явленій умственнаго порядка. Вотъ пер-
вообразный развитія всѣхъ нашихъ явленій сознанія изъ этой первой
формы, изъ ощущеній. Когда мы приходимъ къ новой психологіи и
застаемъ на первыхъ порахъ одного изъ величайшихъ писателей по пси-
хологіи, который до сихъ поръ остается во многихъ отношеніяхъ об-
разцовымъ; это Гоббсъ, подъ прямымъ вліяніемъ котораго находятся Кэ.
Кондильякъ, Гербартъ и позднѣйшая физіологическая школа. Они стоя-
по исторіи своего развитія въ связи съ доктринами Гоббса. Что-же
народилъ у Гоббса. Онъ выводитъ всѣ психическія явленія изъ нашихъ
ощущеній; для Гоббса ощущенія зрительныя, слуховыя и т. п. не
имѣютъ первоначально никакого качества пріятности или непріят-
ности и изъ такихъ-то безразличныхъ ощущеній образуется остат-
въ формѣ идей. Идеи эти имѣютъ чувственныя теченія, которыя на-
зываетъ чувственными законами, эти теченія идей даютъ воспоми-
ніе, воображеніе и т. д. При усложненіи этихъ умственныхъ явленій,
явленія являются сложныя формы, т. е. при усложненіи въ актив-
ной волѣ являются высшія умственныя явленія. Затѣмъ, когда
ощущенія принимаютъ характеръ пріятности или непріятности,
являются высшія чувства, порождаемыя волненіями; эти волненія от-
даются на нашей мускульной и нервной системѣ и являются тѣ
образомъ мотивами нашей воли. Затѣмъ вотъ эта мотивовъ-
обладаніе одинъ надъ другими, – состояніе разумности. Такимъ
долженъ изъ одного состоянія ощущеній у Гоббса выводятъ всѣ пси-
хическія явленія. Переходимъ теперь къ Локку. Чтобы объяс-
нѣкоторыя черты ученія Локка и шотландской школы, затѣмъ
чувственной школы Кондорсе, слѣдуетъ замѣтить, что точка зрѣнія
на первый разъ кажется удаляющейся отъ Гоббса; послѣдній ут-

видеть, что кроме другого источника знаний, кроме ощущений, и так ощущения суть только физические акты, то все духовные явления и даже Божество сводятся к простейшим вещественным перипетиям. Не следует увлекаться такими понятиями: понятие о Боге, как о ответе, не было чуждо даже некоторым христианским отцам церкви; такое понятие мы находим у Тертуллиана, для которого три лица св. Троицы суть три тела. Чуть собственно в понятии телесности души и Божества мы не имеем того, что называют материализмом, это нечто иное. Под материализмом понимают отрицание субстанции души, отдельной от субстанции тела. Локк утверждает, что Гоббс неправильно понимал дело, что есть два источника нашего знания: ощущение само по себе не есть еще самый важный источник знаний; самое главное - это наблюдение наших собственных операций духа. Идей, которые получаются таким путем, т.е. когда дух останавливается на своих собственных операциях, чувства не могут дать. Таковы именно: сомнение, вера, рассуждение, желание и все различные действия нашего собственного духа; но если чувства не могут дать этого, то откуда мы имеем их? Мы имеем их из другого рода способностей - наблюдающей, способности внутреннего порядка. Наблюдая этими способностями, мы получаем другой порядок идей столь же различных, как и от тех, обязанных нам на наши чувства. Итак здесь другой источник знаний, который повидимому не имеет ничего общего с телом, так что разница между Локком и Гоббсом на почве гносеологических понятий, не ограничивается с психологической точки зрения, как далеко они расходятся с Гоббсом? Признает-ли он эту связь духовных явлений с ощущениями? Вот важный вопрос. Связь этих умственных операций с ощущениями для Гоббса была несомненна, и так как все духовные состояния имеют по Гоббсу каждая свою историю, начало своего существования, то метод Гоббса назвать был исторический. Следовательно с психологической точки зрения Локк вовсе не расходится с Гоббсом. Почему, это мы сейчас объясним, почему, каким образом Локк может в одном отношении расходиться с Гоббсом, а в другом нет. Допустите, что разнообразие наших собственных душевных действий духа суть самостоятельные психические операции, они все вытекают из ощущений не через простое слияние, а через

преобразованіе; что мы получимъ? Мы можемъ получить нѣчто такое, что можетъ не напоминать этихъ ощущеній, нѣкоторыя свойства этихъ состояній, которыя мы не можемъ видѣть въ ощущеніяхъ, давшихъ поводъ къ ихъ происхожденію. Возьмите, напр. какое-нибудь химическое соединеніе; два газа при такомъ-то соединеніи даютъ такую-то субстанцію, которую мы называемъ водой; какое сходство между послѣдней и образовавшими её газами? Множество качествъ отличаетъ воду отъ нихъ и качества эти являются только тогда, когда является вода; слѣдовательно сколько-бы мы не трудились надъ тѣми газами, мы уже пришли-бы къ познанію качествъ воды; очень возможно, что нѣкоторыя черты сходствъ названныхъ субстанцій и воды останутся, — оказывается, напр., что вѣсъ воды и газовъ будетъ одинаковъ. Вотъ эти-то остатки въ новыхъ психическихъ комбинаціяхъ позволяютъ намъ угадывать, что такія-то явленія связаны съ такими-то, но съ точки зрѣнія психологической мы должны признать новыми, вторыми порядками идеи, которые мы получили изъ первыхъ порядковъ, изъ ощущеній. Слѣдовательно Локкъ былъ правъ, защищая мысль о существованіи не однако только порядка, но съ психологической точки зрѣнія онъ не расходится съ Гоббсомъ: такъ какъ онъ не отдѣлялъ стѣною этихъ порядковъ, говоря, что въ концѣ концовъ всѣ порядки психическихъ явленій стоятъ въ связи съ ощущеніями; до какой степени эти точки зрѣнія справедливы, видно изъ того, что весьма строгая съ точки зрѣнія морали шотландская школа тѣмъ не менѣе удерживаетъ эту точку зрѣнія. Того-же ученія придерживается и Д. Стюартъ. Есть нѣкоторыя особенности у этихъ шотландскихъ писателей въ томъ, что они принимаютъ различные виды зависимости другихъ психическихъ явленій отъ нашихъ ощущеній: по ихъ мнѣнію нѣкоторыя психическія состоянія являются только по поводу ощущеній, слѣдовательно по своему внутреннему содержанію совершенно отличны. Въ этомъ взглядѣ мы видимъ попытку указать нѣкоторый новый источникъ идей подлѣ ощущеній, которыя вытекаютъ изъ того, что многія психическія состоянія являются изъ ощущенія только вслѣдствіе ощущенія. Затѣмъ, можетъ быть, никто не представилъ этого такъ ясно, какъ Кондильякъ. Изъ ощущеній вытекаютъ два порядка явленій по Кондильяку, во 1-хъ) умственныя и во 2-хъ) нравственныя; сперва вниманіе, память и т. д.; ощущенія удовольствія или неудовольствія полагаютъ начало волненію, это

зарождаетъ акты. Нѣкоторые полагаютъ, что Кондильякъ выработалъ это не безъ помощи Гоббса; къ этому мы должны прибавить, что тѣ же мы находимъ у германскихъ психологовъ и въ позднѣйшей школѣ физіологовъ; у Гербарта первоначальныя явленія психическаго порядка — наши ощущенія; эти ощущенія даютъ начало тому, что мы называемъ представленіями или идеями. Затѣмъ борьбой этихъ представленій объясняется забвеніе, воспоминаніе, воображеніе; затѣмъ изъ этихъ простѣйшихъ явленій сознанія образуются болѣе сложныя явленія ума и воли. Затѣмъ волненія и всѣ акты воли гербартіанцы надѣятся получить изъ одной борьбы идей, — одностороннее направленіе, которое было слѣдствіемъ ихъ зависимости отъ Декарта, у котораго собственно аттрибутомъ души указано мышленіе и изъ этого основнаго свойства выводятся всѣ остальныя духовныя явленія. Засимъ нечего говорить о физіологической школѣ Вунта, которая все выводитъ изъ состоянія ощущенія. Затѣмъ одинъ только вопросъ, — выводя все изъ ощущеній не подаемъ-ли мы поводъ къ сенсуализму, который въ свою очередь ведетъ къ матеріализму. Мы сказали, что ощущеніе мы должны признать простѣйшимъ и первичнымъ фактомъ нашего сознанія, что такого именно взгляда держались и держатся, за самыми немногими исключеніями, всѣ лучшіе психологи. Исключеніе отъ сюда представляютъ собственно не психологи, а школы другаго порядка — гносіологи или критики. Такимъ образомъ, напримѣръ въ системѣ Канта этого нельзя было-бы сказать по системѣ критической, не не психологической; конечно Кантъ въ своей психологіи держится того-же мнѣнія, какъ и въ критикѣ; съ точки зрѣнія критической мы полагаемъ необходимымъ отличить нѣкоторую долю психическихъ способностей, которыя такой связи съ нашей чувственностью не имѣютъ.

на основаніи критики, т. е на основаніи анализа актовъ нашего сознанія онъ отдѣлялъ нѣкоторые акты нашего сознанія, ему казалось необходимымъ объяснить эти факты именно соединеніемъ двухъ порядковъ первоначальныхъ фактовъ: съ одной стороны ощущеній, съ другой стороны независимыхъ отъ ощущеній способностей, которыя имѣютъ свое основаніе въ особенныхъ трансцендентальныхъ свойствахъ нашего духа. Кантъ разсуждалъ, какъ критикъ. Теперешніе критики замѣчаютъ тѣмъ не менѣе, что какъ психологъ онъ былъ весьма отсталый, собственно какъ психологъ онъ ничего не сдѣлалъ и пользовался тѣмъ, что было сдѣлано до него, такъ что придавать

значеніе ученію Канта здѣсь, въ психологіи, нѣтъ никакого основанія; нужно имѣть въ виду знанія лучшихъ психологовъ, а эти указанія чисто апріорнаго характера на тѣ или другія способности, которыя мы находимъ у Канта, не имѣютъ для насъ никакого значенія. Выводя всѣ явленія нашего сознанія изъ этого, такъ сказать, сѣмени всего психическаго существованія человѣка, изъ ощущеній, не даемъ-ли мы повода вывести отсюда сенсуализмъ и матеріализмъ. Это, М.Г. М.Г., предразсудокъ, который давно былъ отвергнутъ. Въ чемъ-же дѣло? Какъ мы сказали всѣ наши состоянія сознанія выводятся изъ ощущеній, но Локкъ въ то-же время находитъ возможнымъ указать на два источника нашихъ идей. Мы-бы могли сказать, что можно-бы указать на 2, на 3, на 4, на 5 отдѣловъ, потому что всякій отдѣлъ таковъ, что онъ становится источникомъ нашихъ идей и такихъ идей, которыя изъ ощущеній вывести нельзя. Но мы не должны при этомъ раздѣлять теорію Гоббса, что всѣ наши идеи суть такъ или иначе видоизмѣненныя идеи тѣла. Итакъ постановка нашего состоянія сознанія въ зависимости отъ ощущеній, какъ мы видимъ, напр. у Локка и другихъ писателей вовсе не заставляетъ насъ держаться въ гносіологіи сенсуализма. Затѣмъ можетъ-ли подобная доктрина подать поводъ къ доктринѣ, которую называютъ матеріализмомъ, хотя-бы мы все, къ гносіологіи, выводили изъ ощущеній, изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны въ догматикѣ держаться мнѣній Гоббса, такъ что слѣдуетъ сказать, что подобная теорія не имѣетъ никакихъ естественныхъ стремленій располагать къ сенсуализму или къ матеріализму. Что составляетъ предметъ психологіи? Внутренняя зависимость психическихъ явленій. Чѣмъ нашъ предметъ отдѣляется отъ физіологіи? Тѣмъ, что послѣдняя изслѣдуетъ внѣшнюю ихъ зависимость. Спрашивается, какимъ образомъ мы можемъ удовлетворять задачѣ нашей психологіи, если мы поставимъ связь всѣхъ психическихъ явленій съ какимъ-нибудь первичнымъ порядкомъ, который самъ не имѣетъ основанія психическаго. Невозможно работать. Надъ чѣмъ мы будемъ работать? Задача именно заключается въ познаніи внутренней связи психическихъ явленій т.е. зависимости однихъ отъ другихъ, такъ что, когда думаютъ, что выводя всѣ психическія явленія изъ ощущеній, мы естественно предрасполагаемъ къ матеріализму, забываютъ, что

достоинство человѣческаго духа заключается въ томъ, что онъ управляется своими собственными законами, которые характеризуютъ только его природу и не характеризуютъ природы другихъ существъ, тоже сознательныхъ, но низшихъ его. А развѣ мы, выводя всѣ психическія состоянія изъ ощущеній, уничтожаемъ самостоятельность его законовъ въ умственной и практической сферѣ? Нисколько; даже напротивъ, тутъ эти законы особенно рельефно и представляются. Именно потому, что есть нѣкоторая разумная особенность законовъ человѣческаго психическаго существованія, эта зависимость нисколько не уничтожаетъ, а еще рельефнѣе выставляетъ все превосходство человѣческой природы, превосходство, которое надо искать не въ началѣ психической дѣятельности, а въ концѣ ея. Въ началѣ вы не видите ничего, что-бы отличало человѣка отъ животныхъ, но въ дальнѣйшемъ развитіи, въ томъ, чѣмъ онъ оканчиваетъ, вы видите, что его природа представляетъ не аналогію только, но и несходство съ природой животныхъ.

Отъ этого ученія о значеніи нашихъ ощущеній перейдемъ теперь къ подробностямъ ученія объ ощущеніяхъ и прежде всего опредѣлимъ наши ощущенія. А такъ какъ по ложкѣ простыя вещи не допускаютъ опредѣленія, то мы дадимъ описаніе. Ощущенія — это состоянія духа, обусловленныя вліяніемъ внѣшнихъ вещей на организмъ тѣла, составляющія источникъ нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ. Такъ можно опредѣлить въ самыхъ общихъ чертахъ всѣ наши ощущенія. Говоря, что ощущенія обусловлены внѣшнимъ вліяніемъ, мы хотимъ именно сказать, что это тотъ порядокъ состоянія сознанія, который находится въ нѣкоторой внѣшней зависимости отъ явленій другаго порядка — явленій физическихъ. Затѣмъ выраженіемъ „вліяніе на организмъ тѣла" мы хотимъ указать на тѣ особенности, которыя свойственны ощущеніямъ, и которыя объясняются именно присутствіемъ органовъ въ тѣлѣ. Затѣмъ, называя ихъ источникомъ знанія о внѣшнемъ мірѣ, мы хотимъ сказать, что это тѣ состоянія сознанія, которыхъ предметное содержаніе составляетъ матеріалъ нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ и комбинація которыхъ составляетъ то, что мы называемъ явленіями внѣшняго міра. Дальнѣйшія понятія объ ощущеніяхъ заключаются въ слѣдующемъ: прежде всего ученіе о различіи ощущеній. Говоря о различіи мы укажемъ прежде всего на различіе качества ощущеній; съ точки зрѣнія тѣхъ вліяній, которыя ощущенія оказываютъ на наши дѣйствія, ученіе о качествѣ ощущеній имѣетъ особенную важность. Качествомъ ощущеній Бэнъ называетъ ихъ пріятность, непріятность или

состояніе безразличія, нейтральности. Слѣдуетъ замѣтить, что въ прежнее время вообще полагали, что удовольствіе или неудовольствіе стоятъ рядомъ съ нашими ощущеніями, и что ощущенія сами по себѣ, а удовольствія сами по себѣ, такъ что удовольствія только сопровождаютъ чувства; но стоятъ отдѣльно отъ нихъ. Этотъ взглядъ характеризуетъ первые опыты психологическихъ ученій. Пріятность или непріятность суть свойства самыхъ чувствъ и не стоятъ рядомъ съ ними. Что сказано вообще о чувствахъ, то прилагается къ ощущеніямъ. Для ощущеній пріятность или непріятность есть ихъ внутренняя черта, а не что-нибудь рядомъ съ ними стоящее. Поэтому, когда мы говоримъ о вліяніи чувствъ, то такъ какъ это вліяніе заключается въ этомъ качествѣ или чувствъ, ясно, что мы будемъ говорить здѣсь о вліяніи не какихъ-нибудь состояній сознанія, отдѣльныхъ отъ нашихъ чувствъ, но о вліяніи самихъ чувствъ. Итакъ вотъ качество ощущеній есть пріятность или непріятность, или безразличность ихъ, какъ внутренняя черта нашихъ ощущеній. То, что подаетъ поводъ отдѣлять качество отъ нашихъ ощущеній, это именно то, что качество не есть что-нибудь постоянное въ текучемъ чувствѣ, а есть нѣкоторый текучій элементъ чувства. Качество непремѣнно предполагаетъ смѣну. Въ этомъ отношеніи ощущеніе напоминаетъ все органическое; — все сначала бываетъ молодымъ, потомъ увядаетъ. Потеря свѣжести обнаруживаетъ именно потерю этого качества пріятности или непріятности. Если чувство было пріятно, сначала начинаетъ приходить въ равнодушіе; перешедши въ безразличное, оно, если продолжено, вызываетъ скорбь. Если мы возьмемъ глотокъ какого-нибудь пріятнаго напитка, то сначала почувствуемъ самую живую пріятность, но затѣмъ постепенно этотъ напитокъ перестанетъ производить тѣ же дѣйствія, и пріятность можетъ наконецъ перейти въ отвращеніе. Возьмемъ другой примѣръ — ощущенія движенія. Первое время послѣ сна или отдыха человѣкъ чувствуетъ необыкновенное удовольствіе въ движеніяхъ, а затѣмъ по мѣрѣ усталости напряженность удовольствія переходитъ въ равнодушіе, а при дальнѣйшемъ утомленіи чувства можетъ получить другое совершенно качество — непріятность. Эта-то измѣнчивость качествъ нашихъ ощущеній, которая играетъ огромную роль и подала то разсматривать эти качества, какъ что-то такое, что только существуетъ подлѣ ощущеній, а не въ самыхъ ощущеніяхъ. Но слѣдуетъ сказать, что эта измѣнчивость ощущеній простирается не только на пріятность

— дать напряженность, но и другую качества побольше завладеть. Мерь этой
напряженности нашим чувством мы не имеем никакого регулятора по-
добного чувству, никакого указания на то, должны ли мы остановиться, сде-
лать, должны-ли совершенно оставить, достаточно-ли всего в такой мере иметь
дело с данным известное действие. Теперь укажем на вторую градацию ощущений,
которая опять также необходима для объяснения некоторых свойств
нашего чувства. Все ощущения имеют ту или другую степень и прибегая
к степеням 2-го вида — степень интенсивности и степень экстенсивности.
Первая указывает на остроту, силу, глубину ощущения; иначе говоря, наши ощу-
щения отличаются различной остротой, различной силой и т. д. Притупи и
тем самым степень, указывающий на данный вид степень — интенсивность.
Затем есть другой вид степени ощущений, который называется экстен-
сивностью. Это тот, что объемы чувства, широта чувства. Давайте примем
теперь градацию именно этого вида. Положим, мы проведем по листу бе-
лой бумаги линию красным карандашом. Тонкий карандаш — слабое дав-
ление — тонкая линия; можно произвести давление сильное и ощущение крас-
ного цвета. В чем состоит это давление? Это давление интенсивности.
Но теперь вместо того, чтоб продолжать черту одну черту, мы прива-
вим еще новых две, одна из этой линии плоскость; ощущение красного
цвета, но где? Протяжение относительно объема; ощущение красного
цвета увеличивается здесь по объему, по ширине. Таким было увеличение
красного цвета по интенсивности, здесь по экстенсивности. Еще пример.
Положим, мы взяли тон на рояле; мы можем взять его, ударяя слабей тон
потом постепенно усиливать. Тогда мы получим давление тона.
Какое? Интенсивное. Но мы можем поступать иначе: вместо одного раза
ударить 2, 3, 4, 5 и мы получим слитное ощущение звуков. Здесь тоже
произойдет давление объема, массивности. Тон, который играет
скрипка и тон, который издает оркестр, между ними градация та-
кая: один отличается силой давления объемом, а звуки ор-
кестра прибавят своего массивностью. Так вот — это градация в
отношении: 1) в отношении к напряжению и остроте и 2) в отношении к ко-
личеству, массе или объему. Теперь, самая важная градация в теоре-
тическом отношении — это предметная градация ощущений или пре
дметная градация. Давно уже была замечена эта градация, и
давно по ней градацию ощущений были сведены все 5 чувствований: зре-
ние, слух, осязание, вкус, обоняние. В новейшее время прибавле

тонкомъ психическомъ анализѣ, начало которому положилъ Броунъ, успѣли отдѣлить въ осязаніи два порядка: собственно, строго говоря, ощущенія осязательныя и потомъ мускульныя, которыя прежде сливались потому что источниками осязанія служатъ кожа и мускулы. Затѣмъ еще позднѣе вынуждены были отдѣлить отъ этихъ 5 порядковъ чувствъ цѣлый новый классъ подъ названіемъ органическихъ ощущеній, которыхъ никакъ нельзя слить съ другими, такъ что нужно было отдѣлить еще новый порядокъ ощущеній. Что касается объективнаго содержанія этихъ 7 классовъ, то нужно замѣтить прежде всего относительно зрѣнія, что оно объективно даетъ намъ свѣтъ, цвѣтъ и блескъ или идеи свѣта, цвѣта и блеска. На первый разъ такое содержаніе зрѣнія, кажется очень бѣднымъ, кажется, что въ дѣйствительности посредствомъ зрѣнія мы получаемъ несравненно болѣе. Но какъ мы увидимъ позднѣе такое представленіе невѣрно. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, что даетъ само зрѣніе независимо отъ другихъ ощущеній, между прочимъ ощущенія мускульнаго; зрительныя ощущенія, кк. вообще полагаютъ, никогда не бываютъ чистыми, они всегда происходятъ въ связи съ мускульными; чтобы видѣть, нужно упражнять органы зрѣнія, слѣдовательно и мускулы. Вотъ этой комбинаціи мы обязаны тѣмъ, что зрѣніе, которое первоначально знакомитъ насъ только съ внѣшними предметами, даетъ намъ понятіе перспективы, пространства и т. д. Оно производитъ это не само по себѣ, а именно въ силу соединенія зрительныхъ ощущеній съ мускульными. Разъ мы имѣемъ въ виду осложненныя зрительныя ощущенія, фигуры, перспективу и т. д. мы можемъ сказать, что зрѣніе открываетъ намъ міръ тѣлъ, свѣтящихся и темныхъ и міръ физическихъ движеній. Понятіе движенія, массъ такимъ образомъ является прежде всего дѣломъ зрѣнія; съ тѣлами и ихъ движеніемъ мы прежде всего знакомимся посредствомъ зрѣнія, но не самого по себѣ, а въ связи съ мускульными ощущеніями. Что составляетъ предметъ слуха, или какое физическое качество дается нашему уму слухомъ, называется звукомъ. Всевозможные звуки, шумъ, трескъ, тонъ — все это звуки; всѣ звуки, которые издаются животными, всѣ звуки, свойственныя растеніямъ, всѣ звуки, издаваемыя человѣкомъ, со всѣмъ этимъ мы знакомимся посредствомъ слуха. Что касается осязанія, то содержаніе предметное этого чувства гораздо сложнѣе. Здѣсь мы имѣемъ, во первыхъ, ощущеніе прикосновенія мягкихъ, острыхъ предметовъ, различные порядки ощущенія прикосновенія, потомъ осязательныя ощущенія точекъ, прикасающихся, — это впечатлѣніе перво-

начальныя, дальше которыхъ идти нельзя, — простое впечатлѣніе одной, двухъ, или нѣсколькихъ точекъ; пунктовъ. Есть случаи, когда бываетъ поражена кожа какимъ нибудь предметомъ, на поверхности котораго распредѣленъ рядъ острыхъ линій или пунктовъ; если случайно будетъ сдѣланъ ударъ по кожѣ, то получается неотразимое впечатлѣніе множества точекъ. Я припоминаю одинъ свой очень неудачный опытъ въ этомъ родѣ, когда я, не зная глубины воды, сдѣлалъ скачекъ въ воду и ударился частью лица о песокъ; это впечатлѣніе песка продолжалось около часа, т. е. лицо было словно обсыпано пескомъ. Это осязаніе — впечатлѣніе простое. Затѣмъ оказывается, что кромѣ прикосновенія осязаніе даритъ насъ ощущеніемъ давленія, которое нельзя сливать съ другими ощущеніями. Когда прикосновенія получаютъ нѣкоторую силу, они переходятъ въ это ощущеніе давленія. Затѣмъ для насъ весьма важно еще одно содержаніе чувства осязанія. Именно, подобно зрѣнію, осязательныя ощущенія въ комбинаціи съ мускульными даютъ намъ новый родъ впечатлѣній. Осязанію вмѣстѣ съ мускульными чувствами мы обязаны ощущенію противодѣйствія; затѣмъ этой-же комбинаціи обязаны мы ощущеніемъ твердаго, мягкаго, далѣе чувству протяженія. Слѣд., именно сочетанію ощущеній осязательныхъ съ мускульными мы обязаны этими существенными идеями о матеріи, потому что въ анализѣ мы матерію понимаемъ, какъ нѣчто протяженное, сопротивляющееся. Иди эти даны намъ ощущеніями, которыя составляютъ комбинаціи ощущеній осязательныхъ съ мускульными. Такъ какъ эти идеи не отличаются просто той, то естественно было оставаться многимъ въ недоразумѣніи на счетъ ихъ происхожденія. Декартъ, напр. считалъ ихъ врожденными; потому что разсматривая то, что даетъ осязаніе, нельзя придти къ мысли, что это дается намъ внѣшними чувствами. Что касается до мускульнаго чувства, то оно тогда не было извѣстно. Затѣмъ переходимъ къ послѣднимъ двумъ классамъ — обонянію и вкусу. Относительно содержанія ихъ приходится сдѣлать немного замѣчаній, потому что обоняніе даетъ намъ то, что называютъ запахомъ, а ощущенія вкуса то, что называютъ вкусомъ. Объективный характеръ ощущеній этого рода для насъ слишкомъ ничтоженъ. Скорѣе во вкусахъ можно признать субъективныя ощущенія; тѣмъ не менѣе есть нѣчто, что заставляетъ насъ признать въ нихъ указаніе на объективныя свойства вещей. Перейдемъ теперь къ ощущеніямъ мускульнымъ. Мы уже упоминали о нихъ. Что такое мускульное ощущеніе? Что собственно даютъ намъ они, или что мы получаемъ при рас-

редствѣ мускуловъ нашихъ. Всѣ они первоначально сводятся къ двумъ клас-
самъ — къ ощущенію напряженія и къ ощущенію движенія, которыя соотвѣтс-
твуютъ опять таки двумъ состояніямъ нашихъ мускуловъ — напряженію му-
куловъ и упражненію ихъ. Первое даетъ намъ ощущеніе мертваго напряже-
нія; напр. если мы возьмемъ въ руки тяжесть, получаемъ ощущеніе; ка-
кое это будетъ ощущеніе? Если ощущеніе не измѣняется, то мы полу-
чаемъ ровное ощущеніе напряженія, которое въ данномъ случаѣ имѣетъ
характеристическій оттѣнокъ тяжести, какъ въ другомъ случаѣ мы
можемъ имѣть ощущеніе тоже мертваго характера, которое будетъ
характеризоваться сопротивленіемъ. Но при всѣхъ разницахъ мы им-
ѣемъ одно основное ощущеніе движенія. Мы говоримъ, что мы такія-
ощущенія получаемъ при такомъ-то состояніи нашихъ мускуловъ.
Это не слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, чтобы въ этихъ на-
шихъ ощущеніяхъ мы имѣли въ самомъ дѣлѣ указаніе на самую при-
роду вещей. Мы говоримъ объ этомъ только сопоставляя факты наш-
внутренняго сознанія; одинъ порядокъ опытовъ всегда сопровождаетъ
другой, но сказать, чтобы мы изъ этихъ ощущеній, напр. изъ ощущен-
движеній получили-бы идеи относительно самой природы движенія, бы-
бы ошибочно. Достаточно сказать, что мы имѣемъ въ мускульны-
ощущеніяхъ ощущеніе напряженія, а затѣмъ ощущеніе продолженія
напряженія или движенія. Когда вы держите въ рукѣ тяжесть — это
будетъ одно впечатлѣніе, но затѣмъ, смотря потому, держали-ли
вы одну секунду, минуту, 2 минуты и т. д. есть нѣкоторая разница въ
сознаніи; въ чемъ-же? Только въ продолжительности этого этого впечат-
лѣнія; есть нѣкоторыя ощущенія продолжительности. Мы не можем
сказать, что какая нибудь новая умственная операція подарила нам
это ощущеніе. Это даетъ намъ въ первый разъ въ грубомъ видѣ и
продолженія. Это весьма важно, ибо идея продолженія лежитъ въ основѣ
того, что мы называемъ идеей времени; какъ идея протяженія лежитъ
въ основѣ того, что мы называемъ пространствомъ. Вотъ первый
элементъ идей протяженія и продолженія. Затѣмъ прибавимъ, что это
продолженіе не есть только впечатлѣніе мертваго характера, но что и
продолжительность, кратковременность, — все это наши ощущенія.
Мы чувствуемъ, что вотъ это движеніе сравнительно съ тѣмъ продолж-
тельнѣе и это чувство разницы есть непосредственное ощущеніе, е-
мы не можемъ получить никакими соображеніями позднѣйшими.

Это наши впечатлѣнія первыя, первичныя, первый матеріалъ нашихъ идей. Затѣмъ перейдемъ къ органическимъ ощущеніямъ. Въ нихъ объективная сторона также закрыта, какъ въ ощущеніяхъ обонянія или вкуса. Конечно очень часто случается испытывать органическое ощущеніе знета, тяжести, положимъ въ груди, или какія-нибудь другія подобныя ощущенія, слѣд. есть то, что напоминаетъ намъ характеръ объективныхъ впечатлѣній, но тѣмъ не менѣе характеръ этотъ значительно скрытъ; между тѣмъ этотъ классъ ощущеній никакъ не можетъ быть смѣшанъ съ предыдущимъ классомъ, такъ какъ эти органическія ощущенія своего порядка и не могутъ быть смѣшаны не только съ мускульными, но и съ ощущеніями пяти вышеупомянутыхъ чувствъ. Эти специфическія ощущенія сопровождаютъ работу различныхъ системъ организма, напр. работу системы дыханія, питанія, кровообращенія, нервной системы и нѣкоторыя работы мускульной системы, которыя дадутъ не то, что мы называли мускульными ощущеніями, а нѣчто другое, напр. въ системѣ дыханья ощущеніе удушья, которое испытывается при нѣкоторыхъ страданіяхъ этой системы, или ощущенія легкаго дыханія, которое испытываютъ здоровые люди, когда втягиваютъ въ себя свѣжій воздухъ, — все это специфическія ощущенія системы дыханія. Или возмите теперь ощущенія, которыя приписываются одновременно системѣ питанія и вмѣстѣ кровообращенія; ощущенія жажды, голода, — ихъ нельзя отождествить съ какими нибудь другими ощущеніями. Или, напр., нервная усталость послѣ продолжительной умственной работы — это особеннаго рода ощущеніе: долго кто нибудь работалъ и чувствуетъ утомленіе. Это не будетъ утомленіе мускуловъ, потому что онъ могъ сидѣть неподвижно; это своего особаго рода ощущеніе, которое вызывается временнымъ истощеніемъ самыхъ тканей мозга и которое уничтожается приливомъ новыхъ питательныхъ матеріаловъ. А когда мы напрягаемъ мускульную систему, мы получаемъ другія ощущенія; напр. ощущенія усталости послѣ продолжительной ходьбы или ощущеніе покоя, когда послѣ продолжительнаго движенія мы даемъ себѣ отдыхъ, — это ощущенія, которыми мы обязаны нашей мускульной системѣ, но не мускульныя ощущенія, но органическія. Таковы предметныя разницы нашихъ ощущеній. Теперь вопросъ, чѣмъ обусловлена эта разница нашихъ ощущеній. Разницы нашихъ предметныхъ ощущеній мы должны поставить въ зависимость отъ самой разницы органовъ внѣшнихъ чувствъ. Конечно это предметъ физіологіи, а не

психологіи и тѣ данныя, на которыхъ мы должны основываться, принадлежатъ другой наукѣ. Но въ виду нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ этого ученія мы должны коснуться его. Доказательство высказаннаго заключенія слѣдующее. Въ первыхъ она основывается на разницѣ ощущеній, которыя мы находимъ въ ощущеніяхъ обонянія, вкуса, осязанія, зрѣнія, слуха; иначе мы не можемъ смотрѣть на эти разницы, какъ на нѣкоторыя обособленія содержанія осязанія. Зрѣніе есть своего рода преобразованное осязаніе, точно также и другіе порядки. Осязаніе мы должны разсматривать, какъ основной классъ между всѣми другими порядками нашихъ ощущеній. Это доказывается совершенно наглядно той постепенностью въ исторіи развитія живыхъ существъ, животныхъ, съ какой формируются всѣ эти органы внѣшнихъ чувствъ, и той ихъ почти неразличимостью на первыхъ стадіяхъ развитія, которая всѣмъ извѣстна. Что такое слухъ? Нѣкоторое преобразованіе кожи, какъ органа ощущенія осязанія. Эта теорія, которая разсматриваетъ всѣ наши чувства, какъ преобразованіе чувства осязанія, кромѣ этихъ данныхъ имѣетъ много другихъ для подтвержденія гипотезы. Такъ, гдѣ не достаетъ нѣкоторыхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, тамъ нѣтъ предметной стороны ощущеній. Такимъ образомъ, напр. на слѣпорожденныхъ, на глухонѣмыхъ мы имѣемъ возможность убѣдиться, что тѣ классы живыхъ, которые не надѣлены органами зрѣнія или слуха не имѣютъ и соотвѣтствующихъ ощущеній, зрительныхъ или слуховыхъ; это ясно доказываетъ на всю зависимость этихъ спеціальныхъ классовъ ощущеній отъ органовъ чувствъ. Затѣмъ потеря органовъ сейчасъ же сопровождается потерей ощущеній, а ненормальное развитіе органовъ ведетъ къ искаженію здоровыхъ ощущеній. Современные физіологи идутъ въ своихъ измѣненіяхъ еще дальше; если мы на осязаніе и должны смотрѣть какъ на основное чувство, то на этомъ психо-физіологическій анализъ не останавливается; потому что въ анализѣ осязанія мы можемъ идти дальше. Опытъ показываетъ, что это не есть простой фактъ психическаго порядка; чтобы получить осязаніе мы должны имѣть встрѣчу множества фактовъ, которые сами по себѣ еще не даютъ яснаго ощущенія осязанія, потому что въ основѣ самыхъ ощущеній осязанія лежатъ факты болѣе простого примитивнаго характера, изъ совокупности которыхъ изъ сложенія-ли или какого-нибудь преобразованія вытекаетъ впервые то, что мы называемъ осязаніемъ. Слѣд., если и всѣ другія ощущенія должны быть разсматриваемы, какъ преобразованіе

Издатели: Тюриковъ и Крыловъ.

осязания, то самыя простѣйшія ощущенія будутъ еще болѣе сложными произведеніями, чѣмъ ощущеніе осязанія. Такъ что когда мы говорили о простотѣ ощущеній, то говорили объ этой простотѣ только сравнительно. Мы хотѣли только сказать, что, дѣлая анализъ психическихъ явленій, мы приходимъ къ такимъ элементамъ, гдѣ нашъ анализъ долженъ остановиться - это именно наши ощущенія. Но сложнаго характера психо-физическій анализъ показываетъ, что было бы ошибочно, если бы мы приписывали безусловную простоту нашимъ ощущеніямъ, которыя составляютъ элементы нашего сознанія. Перейдемъ теперь къ тому, что называютъ тонкостью. Она не должна быть смѣшана съ интенсивностью, или тѣмъ, что называется силой, остротой чувствъ. Интенсивность соотвѣтствуетъ увеличенію, раздраженію; а тонкость чувства того или другого класса живыхъ существъ обусловлена анатомическимъ устройствомъ его тѣла. Тонкость нашихъ ощущеній соотвѣтствуетъ совершенству устройства нашихъ органовъ ощущенія. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить извѣстные опыты Вебера, которые онъ произвелъ надъ различными органами нашихъ внѣшнихъ ощущеній, въ особенности надъ органами осязанія, потомъ надъ органами зрѣнія, именно надъ нашей, такъ называемой, сѣтчатой оболочкой глаза. Мы укажемъ на опыты въ области осязанія. Опыты эти пріобрѣли большую знаменитость. Веберъ прилагалъ циркуль къ различнымъ частямъ кожи человѣческаго тѣла - опыты, которые доказали, что тонкость нашихъ осязательныхъ ощущеній обусловлена анатомическимъ устройствомъ тѣла. Осязаніе даетъ намъ точки въ прикосновеніи. Когда полагаютъ концы циркуля раздѣленными, то должно получиться впечатлѣніе двухъ точекъ. Теперь спрашивается, при какихъ условіяхъ получается это впечатлѣніе двойства, когда циркуль накладывается на различныя части кожи? Замѣчательно, что Веберъ не открылъ такихъ точекъ, чтобъ получилось впечатлѣніе двойства, если циркуль будетъ раздвинутъ менѣе, чѣмъ на одну половину миліи, именно на ¼, ⅛, а не ½ миліи уже получается впечатлѣніе двойства, т.е. чтобъ получить гдѣ-нибудь какое-нибудь ощущеніе двойства въ той части тѣла, которая, вообще, способна получить его, надобно, чтобъ концы циркуля имѣли раздвиженіе не менѣе полмиліи. Если раздвоить циркуль на ½ милліи и концы его поставить на кончикъ языка, получится впечатлѣніе двухъ точекъ; если раздвиженіе меньше, никакого впечатлѣнія двойства не получится, а получится впечатлѣніе одной точки.

Далее, чтобы получить впечатление двойства на каком-нибудь из пальцев, надобно поставить оба конца циркуля на расстоянии одной линии; если здесь, на кончиках пальца, циркуль будет на расстоянии полулинии, то впечатление двойства не получится; вы будете чувствовать впечатление одной точки; так что пальцы дают нам ощущение менее тонкое, вдвойне грубое, нежели кончик языка. Слизистая оболочка нижней губы при расстоянии концов циркуля на 2 линии получает впечатление двойства, при расстоянии менее этого губой нельзя почувствовать двойства. Кончик носа менее чувствителен; он требует расстояния концов циркуля на 2 линии, чтоб в результате получилось ощущение 2 х точек. Затылок средняя часть языка имеют свою чувствительность, именно получают впечатление двойства на расстоянии концов циркуля на 4 линии. Ладонь руки при расстоянии концов циркуля в 5 линий. Верхняя часть головы – 15 линий. Заметим, что кожа груди получила впечатление двойства, расстояние между концами циркуля должно быть в 20 линий и т.д. Мы не будем приводить всюду данные. Из этого всего видно, как самое устройство нашего организма обусловливает собою тонкость ощущений. Тоже самое найдено относительно нашего зрения. Есть местечко в нашем глазу называемое светлой точкой; части, постепенно удаляющиеся от нее, отличаются все меньшей и меньшей чувствительностью. Смотря на предметы, как они рисуются со стороны, мы не видим в такой-же отчетливости, как в центре.

Перейдем теперь к новому учению об ощущениях, именно об относительности ощущений. Под относительностью ощущений мы разумеем, во-первых, их условность, во-вторых, их ограниченность. Все наши ощущения условны, обусловлены и во многом отношении великое ощущение прежде всего обусловлено устройством физической системы того или другого органов. Эта внешняя условность наших ощущений составляет предмет физиологии. Но есть другая условность – внутренняя, взаимная обусловленность ощущений; одни ощущения обусловлены другими, именно ощущения последующие обусловлены характером предыдущих. Эта внутренняя обусловленность лучше всего может быть доказана наблюдениями, которые первоначально были сделаны Фехнером и разработаны Вундтом и во новейшее время приняты как составная часть физиологической психологии. Сущность учения Фехнера и Вундта, которые явля-

ются во главѣ ученія въ этой части психологіи, сводится къ слѣдующему. Какъ скоро дано какое-нибудь ощущеніе въ одномъ изъ тѣхъ классовъ чувствъ, о которыхъ было нами сказано, ощущеніе такое получилось, очевидно, какъ слѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ условій, которыя называются внѣшними впечатлѣніями. Чтобы получить 2ое ощущеніе того-же порядка, требуется нѣкоторая опредѣленная мѣра раздраженія. Какъ скоро въ прибавленіи раздраженія къ прежнему раздраженію вы не достигаете извѣстной мѣры, ощущеніе останется прежнее; замѣчательно, что эта мѣра остается при всѣхъ измѣненіяхъ первыхъ ощущеній. Какое-бы вы ни получили въ 1ый разъ ощущеніе, присутствіе этого ощущенія обусловливаетъ второе ощущеніе, такъ что второе находится въ непремѣнной зависимости отъ предыдущаго; это не совсѣмъ ясно и потому на этомъ слѣдуетъ остановиться. Возьмемъ объясненіе Вундта оно сводится къ слѣдующему: „попросите кого-нибудь, говоритъ онъ, положить руку на столъ и затѣмъ отвернуть глаза отъ своей руки; потомъ положите ему на руку какую-нибудь тяжесть въ унціяхъ, гранахъ или лотахъ, положимъ въ унціяхъ, и за симъ прибавляйте меньшія тяжести къ этой положенной тяжести; оказывается, что можно сдѣлать много такихъ прибавленій при такихъ условіяхъ, что тотъ, надъ которымъ дѣлаютъ экспериментъ, ничего не почувствуетъ; можете прибавить, напримѣръ, къ унціи много долей ея, и онъ не почувствуетъ. Что нужно, чтобы онъ почувствовалъ, что тяжесть увеличилась? Для этого надобно, чтобы прибавляемая тяжесть достигла извѣстной мѣры. Но разъ найдено отношеніе этой прибавочной тяжести къ первой, то окажется, что если дѣлать опыты надъ фунтомъ, пудомъ и т. д. то отношеніе будетъ все тоже самое." Пусть, напр., говоритъ онъ, будетъ сдѣланъ опытъ съ 10 фунтами. Если-бы оказалось при нашихъ опытахъ надъ унціей, что тотъ, надъ кѣмъ былъ производимъ опытъ, получилъ второе ощущеніе только тогда, когда тяжесть была увеличена на 1/4 унціи, тогда это отношеніе сохранится и во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е., если-бы потомъ мы стали производить опытъ съ фунтомъ, то нужно было-бы положить 1/4 фунта, чтобы почувствовать увеличившуюся тяжесть и т. д." Я объяснилъ примѣромъ самого Вундта, что это отношеніе взято примѣрно, но должно выражать необходимость постоянства извѣстной мѣры, которую нужно прибавить къ даннымъ ощущеніямъ, чтобы получить новое ощущеніе, говоря иначе, чтобы увеличить интенсивность

ощущенія тяжести, свѣта, звука и т. п. Это указываетъ, такимъ образомъ, что ощущенія всѣхъ порядковъ обусловлены въ своемъ присутствіи присутствіемъ первыхъ ощущеній; раздраженіе, вслѣдствіе котораго только и можетъ быть получено новое ощущеніе должно быть извѣстной мѣры, чтобы при данныхъ ощущеніяхъ получилось новое. Теперь укажемъ на цифры, которые были получены Вунтомъ. Въ области зрѣнія, чтобы получить новое ощущеніе, и чтобы получить ощущеніе увеличеннаго свѣта, данное ощущеніе должно быть увеличено до 0,01. Между тѣмъ въ ощущеніяхъ давленія такое увеличеніе должно быть сдѣлано на 1/17. Затѣмъ въ области температуры, слуха на 1/3. Сводится все это ученіе къ тому, что развитіе ощущеній не будетъ параллельно увеличенію раздраженія. Можно было-бы думать, что насколько усилится раздраженіе, настолько и ощущеніе, на на самомъ дѣлѣ нѣтъ этого параллелизма между раздраженіемъ и ощущеніемъ. Въ тѣхъ сферахъ гдѣ были сдѣланы изслѣдованія, найдено, что для различныхъ классовъ ощущеній есть своя мѣра увеличенія раздраженія. Если-бы этотъ законъ нашелъ примѣненіе къ нашимъ волненіямъ или высшимъ чувствамъ, если бы мы могли также найдти степень необходимой прибавки раздраженія, чтобы при какомъ-нибудь чувствѣ получить новое, то мы съ этимъ новымъ закономъ получили-бы много данныхъ для разъясненія многихъ вопросовъ. Объяснимъ это примѣромъ. Человѣкъ получилъ наслѣдство и былъ въ восторгѣ; спрашивается, сколько ему нужно получить еще, чтобы быть въ такомъ-же восторгѣ? Вы сами очень хорошо знаете, что, какъ сказалъ одинъ французскій писатель, то-же удовольствіе не доставляетъ того-же наслажденія; что это значитъ? А вотъ что: чтобы дѣйствительно наши чувства достигали высшей интенсивности, они должны быть увеличены въ извѣстной мѣрѣ. Если-бы для внутреннихъ чувствъ мы могли бы выставить числовыя данныя, то это было-бы весьма важно для насъ. Такимъ образомъ ясно, что чувства наши, ощущенія ли, волненія-ли стоятъ въ извѣстной зависимости отъ предыдущихъ ощущеній, что послѣдующія чувства обусловлены въ своемъ присутствіи первыми. Это внутренняя условность или зависимость нашихъ чувствъ. Теперь перейдемъ къ другому свойству нашихъ ощущеній, которое мы назвали ограниченнос

Какъ мы уже сказали ощущенія - это виды нашего сознанія; всѣ они представляютъ различные факты сознанія. Когда мы говоримъ объ ограниченности ощущеній, мы говоримъ объ ограниченности ихъ, какъ фактовъ сознанія. Она состоитъ въ томъ, что сознаніе мы должны разсматривать, какъ сознаніе вещей, не какъ они существуютъ въ самихъ себѣ, а, единственно, какъ сознаніе ихъ данности; на самыя ощущенія мы должны смотрѣть, какъ на символъ этой данности. Въ идеяхъ, которыя мы получаемъ изъ ощущеній, мы ничего не узнаемъ о сущности вещей. Но не слѣдуетъ преувеличивать значенія символическаго характера ощущеній; когда говорятъ о символизмѣ, то, что разумѣютъ подъ этимъ? Надо въ этомъ случаѣ держаться, какъ исходнаго пункта, того положенія, что присутствіемъ ощущеній отмѣчается присутствіе вещей, вызывающихъ эти ощущенія; - есть ощущеніе, есть и предметъ, вызывающій ихъ, мы не знаемъ какой предметъ, но онъ есть. Положимъ, я имѣю впечатлѣніе тяжести, какой предметъ даетъ мнѣ впечатлѣніе тяжести я не знаю, но онъ есть. Что иногда тяжесть можетъ быть производима не внѣшними вещами, что можетъ быть даже иллюзія въ этомъ отношеніи, это нисколько не измѣняетъ правила, потому что исключеніе изъ этого общаго правила имѣетъ свои характеристическія черты, вслѣдствіе которыхъ мы можемъ отличать нормальныя впечатлѣнія отъ болѣзненныхъ. Итакъ присутствіе впечатлѣнія указываетъ на присутствіе предмета, измѣненіе впечатлѣнія на измѣненіе въ самыхъ предметахъ. Вотъ, значитъ, основная точка, отъ которой мы отправляемся въ нашемъ знаніи внѣшняго міра; не самыя ощущенія для насъ тутъ важны, а ихъ присутствіе. Это похоже на то, когда кто-нибудь принимаетъ на телеграфной станціи депешу и получаетъ рядъ точекъ и линій; въ этомъ случаѣ все равно походятъ-ли точки и линіи на то, что сообщаютъ; сходства между точками и получаемымъ извѣстіемъ никакого, однако тотъ, кто получаетъ, отлично читаетъ, потому что разъ полученъ такой-то рядъ точекъ и линій значитъ передается извѣстное сообщеніе. Далѣе, какъ мы должны отнестись къ самому содержанію ощущеній, т. е къ тому, что даетъ намъ вкусъ, запахъ и т. д.? Соотвѣтствуетъ-ли въ дѣйствительности чему нибудь,

въ вещахъ въ себѣ все то, что мы называемъ свойствомъ вещей? На это слѣдуетъ дать отвѣтъ отрицательный. Мы не имѣемъ права сказать существуетъ-ли гдѣ-либо свѣтъ, кромѣ нашего глаза. А что вызываетъ впечатлѣніе этого свѣта мы не знаемъ и вѣроятно никогда не будемъ знать.

Можетъ-ли открыть сущность вещей внѣшняго міра какая-нибудь другая способность, это можетъ оставаться вопросомъ, но внѣшнее чувство не составляетъ ключа къ рѣшенію этого вопроса. Мы должны предварительно замѣтить, что то, что нами сказано объ относительности ощущеній, т.е. условности ихъ и ограниченности, прилагается не только къ ощущеніямъ, но и ко всѣмъ вообще порядкамъ психическихъ явленій; всѣ состоянія сознанія обусловлены одни другими, потомъ всѣ онѣ ограничены въ смыслѣ сознанія, т. е. то, что мы имѣемъ въ состояніяхъ нашего сознанія, не простирается на сущность, на субстанцію вещей, на то, какъ вещи суть сами въ себѣ, независимо отъ нашего сознанія. Сознаніе наше мы вообще должны разсматривать, какъ нѣкоторую своеобразную символику существующаго. Можетъ показаться, что это не есть только одна символика, потому что вмѣстѣ съ пассивнымъ сознаніемъ мы находимъ сознаніе дѣятельности, которое опредѣляетъ извѣстное положеніе человѣка среди вещей, сущность которыхъ ему неизвѣстна, но во всякомъ случаѣ это символика, активная или пассивная — это все равно. Такимъ образомъ относительность есть общее свойство всѣхъ состояній нашего сознанія и мы должны прибавить, что это-то и называется закономъ относительности, по крайней мѣрѣ называлось до сихъ поръ. Это нѣсколько иное употребленіе термина законъ, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ. Когда мы будемъ говорить о законахъ ассоціаціи, то тамъ будемъ разумѣть подъ закономъ извѣстное отношеніе текущихъ фактовъ другъ къ другу. Что касается закона относительности, то значеніе его весьма осложнено, это ученіе выражаетъ не какой-нибудь простой законъ, а нѣкоторыя свойства психическихъ явленій, которыя привыкли называть закономъ; къ этому мы должны прибавить, что законъ относительности одинъ изъ самыхъ составляетъ неразработанныхъ вопросовъ психологіи и философіи вообще. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о томъ, о чемъ такъ часто говорятъ психологи, о разницѣ ощущеній примитивныхъ, оригинальныхъ и ощущеній пріобрѣтенныхъ, вторичныхъ. Ощущенія первичныя каждаго чувства вовсе не таковы, какими обладаетъ человѣкъ зрѣлый. Это нѣчто весьма

простое сравнительно съ тѣмъ, что мы имѣемъ въ нашемъ зрѣломъ состояніи; послѣднее есть уже нѣчто весьма осложненное и вслѣдствіи того весьма опредѣленное; каждое осложненіе сообщаетъ все больше и больше опредѣленности нашимъ впечатлѣніямъ; для поясненія этой мысли укажемъ на примѣръ, какимъ пояснялъ въ свое время Локкъ разницу между нашими ощущеніями первоначальными и пріобрѣтенными. Когда мы смотримъ на какой-нибудь шаръ, который стоитъ передъ нами, мы замѣчаемъ всѣ три измѣренія, свойственныя этому предмету: мы видимъ его высоту, долготу и объемъ, мы можемъ, если стоитъ другой шаръ, сравнивать ихъ по объему. Однако въ дѣйствительности зрѣніе вовсе не даетъ намъ 3-го измѣренія; если имѣть въ виду собственно то, что даетъ намъ зрѣніе, то мы должны сказать, что мы обманываемся, когда думаемъ, что видимъ 3-е измѣреніе и должны заключить, что это иллюзія, но мы не имѣемъ права такъ выражаться, потому что иллюзіей мы называемъ нѣкоторое уклоненіе отъ нормальнаго психическаго состоянія, а это нормальное явленіе нашего сознанія; но особенность его та, что въ немъ къ тому, что дается нашимъ зрѣніемъ, присоединяется нѣчто новое, что дается намъ знаніемъ или опытомъ, зрѣніе даетъ намъ собственно только плоскость или круглую поверхность съ различнымъ распространеніемъ свѣта, тѣней и цвѣтовъ. Для зрѣнія шаръ только кружокъ, а если мы видимъ шаръ, то это уже зависитъ отъ зрѣлости нашихъ зрительныхъ впечатлѣній; отъ соединенія впечатлѣній зрѣнія съ мускульными и осязательными, зрѣлость эта пріобрѣтена вслѣдствіи долгаго упражненія. Но опыты, взятые изъ другихъ чувствъ, вслѣдствіи постоянства впечатлѣнія такъ сливаются съ зрительными, что мы не можемъ отдѣлить ихъ иначе, какъ путемъ научнаго анализа, и это опредѣляется состояніемъ духа зрѣлаго человѣка, т. е. пріобрѣтенными ощущеніями, а не первоначальными. Мы должны строго различать, что дается первоначально и что потомъ вырабатывается путемъ работъ, о которыхъ мы можемъ только намекать, работъ весьма сложнаго характера, которыя въ настоящее время объяснены быть не могутъ; мы сдѣлаемъ это, когда разсмотримъ первые порядки элементарныхъ явленій нашего сознанія. То, что было сказано здѣсь относительно 3-го измѣренія, прилагается ко всѣмъ сложнымъ ощущеніямъ зрѣнія, именно къ наблюденіямъ разстоянія, положенія, перспективы и т. д. Въ области слуха, что мы

собственно имѣемъ, это звукъ, но когда мы слышимъ разстояніе и направленіе слуха, то это опять таки наше пріобрѣтеніе; слухъ не даетъ намъ этого; а дается намъ это слуховыми ощущеніями, осложненными другими. Тоже самое мы наблюдаемъ въ области осязательныхъ и мускульныхъ впечатлѣній. Этимъ-то объясняется, почему намъ трудно допустить, чтобы мы впечатлѣніямъ матеріи были обязаны комбинаціей нѣкоторыхъ простыхъ впечатлѣній. Только научный анализъ доказываетъ, что впечатлѣнія матеріи получаются изъ нѣкотораго осложненія ощущеній мускульныхъ съ осязательными, къ которымъ присоединяются зрительныя. Ощущенія протяженія, сопротивленія не являются результатомъ одного чувства осязанія, а нѣкоторой комбинаціи ощущеній осязательныхъ съ мускульными и зрительными. Ощущенія противодѣйствія это ощущенія мускульныя. Если слить все это то мы получимъ ощущеніе матеріи, но намъ очень трудно довѣриться научному анализу; матерія, какъ будто дается намъ сразу; нѣтъ, не сразу, а это есть результатъ опытности, произведеніе нашего духа. Въ этомъ отношеніи глубокая разница между психологіей и всѣми другими науками. Тѣ всегда начинаютъ съ готовыхъ тѣлъ, съ готовыхъ существъ; говоритъ, напримѣръ, физика о простыхъ свойствахъ, дальше которыхъ она идти не можетъ, но что для физики простое чувство, то для психологіи не простое, такъ что анализъ духа доходитъ до самыхъ простыхъ элементовъ. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе объ ощущеніяхъ, какъ элементахъ красоты. Чувство прекраснаго, эстетическое волненіе имѣетъ своихъ факторовъ, своихъ производителей. Такими производителями являются частью наши ощущенія, частью наши идеи. Теперь вопросъ объ ощущеніяхъ, какъ производителяхъ эстетическаго чувства. Слѣдуетъ замѣтить, какъ общее правило, что только то ощущеніе, та идея могутъ быть въ числѣ факторовъ эстетическаго волненія, которыя отличаются качествомъ пріятности; надобно, чтобы ощущеніе не вызывало никакихъ непріятныхъ идей и тогда оно будетъ настоящимъ факторомъ эстетическаго чувства. Художники иногда намѣренно вводятъ нѣкоторыя непріятныя впечатлѣнія, также и музыканты вводятъ диссонансы, но именно съ

намѣреніемъ произвести лучшее впечатлѣніе, слѣдовательно это допускается не въ противорѣчіе общему правилу, а въ виду требованій искусства. Итакъ факторами красоты являются только ощущенія пріятнаго характера. Какія-же между нашими ощущеніями отличаются качествомъ пріятности, не вызываютъ непріятныхъ мыслей и, слѣдовательно, косвенно не могутъ быть причиной неудовольствія. Это чувство зрѣнія и чувство слуха. Зрительныя впечатлѣнія сами по себѣ снабжаютъ насъ разнообразными удовольствіями; главными источниками удовольствія служатъ простой свѣтъ, цвѣтъ и блескъ. Комбинація зрительнаго ощущенія съ мускульнымъ даритъ намъ удовольствія зрительнаго движенія, формы, фигуры; а также кривой линіи, которая, не смотря на свою простоту служитъ важнымъ источникомъ эстетическаго удовольствія. Эти-же самыя впечатлѣнія, взятыя въ большемъ объемѣ суть особенно важные источники эстетическаго волненія, хотя въ особенно высокой степени этимъ свойствомъ обладаютъ цвѣта. Свѣтъ солнца, блестящая, сверкающая поверхность, напримѣръ поверхность поля, покрытаго снѣгомъ, производятъ особенный эффектъ. Что касается звуковъ, то нѣкоторые звуки пріятны сами по себѣ и массивные звуки занимаютъ въ этомъ отношеніи болѣе высокое положеніе; напр. шумъ потока, раскаты водопада поразительны и сами по себѣ вслѣдствіе своего объема. Въ произведеніи художественнаго удовольствія участвуютъ высота, усиленіе и ослабленіе звука.

Что касается другихъ сторонъ нашихъ ощущеній, то онѣ постепенно раскроются для насъ, когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ элементарныхъ формъ нашего сознанія, сначала дѣйствій, потомъ идей, потому что, какъ мы уже замѣтили, подъ дѣйствіями мы разумѣемъ тоже элементарные психическіе факты, но уже не отличающіеся тою элементарностью, какъ наши ощущенія. Дѣйствіе сравнительно съ ощущеніемъ уже болѣе сложный фактъ. Что называется дѣйствіемъ? Дѣйствіемъ, въ строгомъ смыслѣ, называется движеніе, совершаемое подъ вліяніемъ сознанія, чувства, идеи, умственныхъ работъ. Опредѣляя дѣйствіе такимъ образомъ, мы отличимъ его отъ движенія. Дѣятель въ строгомъ смыслѣ есть только существо живое

и чувствующее. У него есть движеніе, которое называется его дѣйствіемъ. Между тѣмъ всѣмъ другимъ порядкамъ существъ принадлежитъ только движеніе. Если-же говорятъ о дѣйствіяхъ внѣшней природы, то это выраженіе метафорическое и неточное: никакихъ агентовъ въ неодушевленной природѣ нѣтъ. Дѣйствіе явленіе сложное и состоитъ изъ движенія и потомъ тѣхъ или другихъ состояній сознанія, вліяющихъ на это движеніе, и есть, слѣдовательно, движеніе подъ вліяніемъ сознанія. Что касается первичныхъ дѣйствій, изъ которыхъ вырабатываются всѣ другія, то ихъ отличаютъ отъ дѣйствій вторичныхъ, болѣе сложныхъ; дѣйствія первичныя - это тѣ движенія, которыя исполняются подъ вліяніемъ нашихъ ощущеній. Такая форма дѣятельности свойственна, какъ полагаютъ, всѣмъ чувствующимъ существамъ: гдѣ есть какая нибудь примѣта чувствительности, тамъ есть и движеніе, которое слѣдуетъ за раздраженіемъ и ощущеніемъ. Это простѣйшая форма дѣятельности. Теперь вопросъ сводится къ тому, какъ образуются формируются наши первичныя дѣйствія. Очевидно, что для того, чтобъ формировалось дѣйствіе, требуется, во первыхъ, движеніе, обусловленное не сознаніемъ нашимъ, а другимъ факторомъ, затѣмъ ощущеніе и наконецъ связь ихъ, именно связь такого рода, когда ощущеніе оказываетъ нѣкоторое вліяніе на движеніе. Какъ можетъ составиться связь движеній съ ощущеніями? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что есть цѣлый порядокъ движеній, которыя предшествуютъ ощущеніямъ или которыя не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ ощущеній, по крайней мѣрѣ при первомъ ихъ возникновеніи, а напротивъ ощущенія тутъ зависимы отъ движеній. Таковы движенія ощущенія механическія подъ вліяніемъ толчка, удара, давленія со стороны другихъ тѣлъ. Вліяніе со стороны другихъ тѣлъ на наше тѣло можетъ придать ему движеніе, но это послѣднее будетъ имѣть чисто внѣшнюю причину, нисколько не зависящую отъ состоянія нашего сознанія. Затѣмъ другой порядокъ - это такъ наз. движенія рефлективныя. Это такія движенія, которыя зависятъ единственно отъ раздраженія или возбужденія, стимуляціи нашей нервной системы, системы мозга, которыя идутъ впереди какихъ-бы то ни было ощущеній и могутъ имѣть мѣсто безъ всякихъ ощущеній и быть движеніями соверше-

нно безсознательными. Эти движенія 1) зависятъ отъ приложенія стимуловъ къ поверхности нашего тѣла, нашихъ органовъ чувствъ, той стимуляціи, которая ~~их~~ вызываетъ ощущеній, свойственныхъ этимъ органамъ. Пояснимъ это примѣромъ. Иное прикосновеніе къ кожѣ можетъ вызвать движеніе, но послѣднее будетъ обусловлено не ощущеніемъ прикосновенія, а единственно тѣмъ раздраженіемъ, которое могло сопровождаться ощущеніемъ, но могло и не сопровождаться. Если движеніе вышло единственно изъ раздраженія, а не изъ ощущеній, то оно будетъ рефлективнымъ. Возьмите человѣка спящаго; очень часто прикосновеніе къ поверхности руки, можетъ сдѣлать то, что человѣкъ сонный подниметъ или положитъ руку въ сторону. Раздражающее вліяніе на кожу, напр. щипокъ или какое-нибудь вліяніе на поверхность тѣхъ наз. чувствительныхъ нервовъ (эти нервы соединены или связаны въ нашемъ позвоночномъ мозгу съ нервами двигательными) сообщается двигательнымъ нервамъ и результатомъ бываетъ сокращеніе мускуловъ. Ощущеній въ данномъ случаѣ не бываетъ, дѣло совершается само собой. Это движеніе есть, значитъ результатъ стимуляціи независимо ни отъ какого ощущенія, хотя-бы эта стимуляція сопровождалась какимъ-нибудь неяснымъ ощущеніемъ. Мы можемъ предположить, что въ нашемъ бодрственномъ состояніи есть много движеній рефлективнаго характера, которыхъ мы не замѣчаемъ только потому что онѣ безсознательны. Вліяніе на кожу даетъ намъ ощущеніе и потому мы можемъ движеніе ставить въ связь съ этимъ ощущеніемъ, но несомнѣнно, что это движеніе не имѣетъ никакой связи съ нашими ощущеніями: послѣднія только сопровождаютъ ихъ. Для примѣра возьмемъ то движеніе, которое постоянно совершаютъ наши вѣки-морганіе. Здѣсь уже не вліяніе на чувствительные кожи нервы, а на зрительные нервы. Отчего зависитъ въ данномъ случаѣ движеніе? Морганіе, это-нѣкотораго рода раздраженіе нервовъ органа зрѣнія. Теперь спрашивается, сопровождается-ли это вліяніе какимъ-нибудь ощущеніемъ? Въ большинствѣ случаевъ нѣтъ. Если свѣтъ раздражаетъ нашу зрительную сѣтку очень сильно, можно думать, что закрытіе глаза, которое дѣлается при сильномъ раздраженіи, зависитъ отъ силы свѣта и что въ этихъ случаяхъ закрытіемъ глаза мы обязаны не какимъ-нибудь ощущеніямъ: въ большинствѣ случаевъ мы ничего не чувствуемъ, когда моргаемъ. Слѣдовательно несомнѣнно, что у насъ есть масса рефлективныхъ движеній

во I-ю въ состояніи сна, во II-ую въ состояніи бодрствованія. Значитъ есть масса движеній, которыя мы смѣшиваемъ съ дѣйствіями только потому, что стимулы, которые производятъ движеніе, сами сопровождаются ощущеніями и потому какъ будто стоятъ въ зависимости отъ сопровождающихъ ихъ ощущеній, но послѣднія никакого вліянія на нихъ не оказываютъ. Это выступаетъ наглядно въ опытахъ физіологическаго характера, напр. при опытахъ съ лягушкой,

отрѣзавши лапку въ ней можно вызвать тѣ же движенія, какъ и при обладаніи лягушки своей лапкой; мало этого можно отрѣзавши голову отпрепарировать лапку, именно обнаружить нервы чувствительные, нервы двигательные, мускулы и т. д. въ извѣстной степени сохранивши связь между ними, и эта препарированная лапка будетъ производить тѣ-же движенія, какъ когда лягушка не была обезглавлена. Это доказываетъ, что движенія лягушки и тогда, когда она была при полномъ обладаніи своими частями и когда была обезглавлена, не зависитъ отъ дѣятельности центровъ, но что они зависятъ единственно отъ нервной системы, отъ нервовъ чувствительныхъ, связанныхъ съ нервами двигательными; эта связь чувствительныхъ нервовъ съ двигательными дана въ нашемъ позвоночномъ мозгу, который есть связующій центръ во всемъ человѣческомъ тѣлѣ. Какъ далеко простирается этотъ рефлективный элементъ, сказать съ отчетливостью трудно, но самый фактъ не можетъ быть отрицаемъ. За симъ III-ій порядокъ движеній, опять таки не зависимый отъ нашихъ ощущеній, это такъ называемыя инстинктивныя движенія. Есть много движеній, отличающихся сложностью, которыя никакъ не могутъ быть приписаны какимъ-либо вліяніямъ психическаго характера и которыя носятъ названіе инстинктивныхъ движеній. Это такія движенія, которыхъ факторы сформировались въ нѣкоторыхъ частяхъ мозга въ теченіи развитія живыхъ существъ. На человѣкѣ такія инстинктивныя движенія не такъ наглядны, потому что движенія человѣка формируются медленно, но онѣ весьма наглядны на существахъ низшихъ порядковъ. Напр. цыпленокъ, какъ только вылупится изъ яйца, сейчасъ-же начинаетъ бѣгать; тутъ не было никакой подготовки никакого упражненія; теленокъ, какъ только увидитъ Божій свѣтъ, сейчасъ-же встаетъ, начинаетъ искать грудь матери и сосетъ ее.

никакой практики у него опять таки не было. Какъ мы можемъ объяснить такія движенія иначе, чѣмъ инстинктомъ, т.е. нѣкоторою органическою способностью къ исполненію движеній, способностью, которая собственно дана въ устройствѣ мозга и нервной системы. На человѣкѣ эти инстинктивныя движенія на первый разъ незамѣтны, но, присматриваясь къ его дѣятельности, мы замѣтимъ массу таковыхъ. При нѣкоторыхъ ощущеніяхъ есть свои типическія выраженія: при ощущеніи страданія, которое вызывается давленіемъ, и слѣдующей за нимъ болью, обыкновенно отражается на лицѣ типическимъ выраженіемъ. Страданіе, которое мы испытываемъ, когда обоняемъ отвратительный запахъ, выражается инымъ движеніемъ мускуловъ лица. При сильномъ вліяніи впечатлѣній звуковыхъ получается опять иное выраженіе, такъ что очень часто, когда мы сидимъ вдали отъ какого-либо лица, мы угадываемъ о его страданіяхъ по выраженію его лица. Есть свои типическія движенія въ минуты страха, гнѣва, въ минуты нѣжности, радости и т.д. Это наши инстинктивныя движенія; ихъ масса и намъ не легко отдѣлять ихъ отъ другихъ движеній, но при анализѣ они постепенно выдѣляются изъ массы нашихъ произвольныхъ движеній, или движеній, которыя зависятъ отъ какихъ либо ощущеній. Не нужно никогда забывать, что это движенія, которыя сопровождаются только ощущеніями, но которыя въ своей формѣ нисколько не зависятъ отъ нихъ. Теперь чтобъ составить дѣйствіе произвольное, намъ нужны ощущенія, которыя-бы вліяли на движеніе. Замѣчу, что ощущенія, которыя вызываются текущими движеніями имѣютъ способность обратнаго вліянія на эти движенія. Не всѣ ощущенія, не всѣ чувства способны оказывать вліяніе на движенія, которыя родились помимо чувствъ, но только тѣ ощущенія имѣютъ эту способность, которыя вызваны самыми этими движеніями. Теперь вопросъ въ томъ - движенія, которыя произошли помимо всякихъ ощущеній, вызываютъ-ли сами какія-нибудь ощущенія и, во вторыхъ, ощущенія, вызванныя движеніями, имѣютъ-ли способность обратнаго вліянія на эти движенія; онѣ требуетъ особеннаго вниманія. Мы сдѣлаемъ анализъ этихъ движеній. Въ этомъ простомъ анализѣ заключается ключъ къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ о нашей волѣ.

Итакъ способны-ли движенія, происшедшія помимо ощущеній, вызывать ощущенія? Несомнѣнно. ~~Начиная съ того, что~~ Прежде всего, какъ мы уже сказали какіе-нибудь стимулы, раздражающіе поверхность нашей кожи, вызываютъ извѣстное движеніе помимо какихъ-бы то ни было ощущеній. Но движенія, которыя въ бодрственномъ состояніи вызваны у насъ, эти движенія при извѣстныхъ условіяхъ отличаются интенсивностью, объемомъ и сопровождаются ощущеніями мускульными. Движеніе-это работа мускуловъ; какъ-бы оно ни было дано, - механически, рефлективно, или ~~интенсивно~~ стимулятивно, разъ есть работа, должны быть мускульныя ощущенія; разъ эти движенія имѣютъ нѣкоторое напряженіе, нѣкоторый объемъ, они непремѣнно сопровождаются мускульными ощущеніями этихъ движеній. Слѣдовательно, мускульныя ощущенія могутъ сформироваться при всѣхъ движеніяхъ. Затѣмъ косвенно движенія вызываютъ не только мускульныя ощущенія, но и ощущенія всѣхъ другихъ порядковъ. Напр. раскрытіе вѣкъ или глаза послѣ сна даритъ впечатлѣніями, которыя даютъ отчетливыя зрительныя ощущенія. Конечно, это подарокъ очень косвенный, но глаза не могутъ дать этихъ впечатлѣній, по крайней мѣрѣ, отчетливо, если не раскрыты вѣки. Затѣмъ при всякой смѣнѣ нашего положенія, вызванной движеніемъ, точно также наши ощущенія измѣняются; перемѣщеніе человѣка изъ одного пространства въ другое вызываетъ новое впечатлѣніе слуха. Словомъ сказать, съ движеніемъ связаны ощущенія не только мускульныя, но и ощущенія всѣхъ другихъ порядковъ. Теперь второй вопросъ: эти ощущенія, которыми безсознательно сопровождаются наши движенія имѣютъ-ли и могутъ-ли имѣть обратное вліяніе на вызвавшія ихъ движенія? Это фактъ несомнѣнный и доказанный. Всякое ощущеніе, вызванное какимъ-нибудь текущимъ движеніемъ, имѣетъ обратное вліяніе на это движеніе если только оно обладаетъ нѣкоторымъ качествомъ пріятности или непріятности; если-же оно будетъ безразличнаго качества, то никакого обратнаго вліянія не произведетъ. Эта мысль, М.М.Г.Г., о вліяніи нашихъ удовольствій и страданій, направляющихъ наши дѣйствія, мысль давняя, она встрѣчается въ теченіи всей исторіи психологіи и сдѣла-

лась господствующей со времен Локка, утверждавшаго, что единственными стимулами нашей воли могутъ быть только такія состоянія, которыя обладаютъ качествомъ пріятности или непріятности. Слѣдовательно, движенія были уже давно поставлены въ зависимость отъ текущихъ чувствъ пріятныхъ или непріятныхъ; неясно было только, какъ именно удовольствія, всякія-ли удовольствія и страданія вызываютъ движеніе? Человѣкъ можетъ испытывать массу страданій и удовольствій, которыя не окажутъ никакого вліянія на движенія его. Напр. таковы устьенные процессы. Вопросъ этотъ лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи мало по малу разъяснили, т. е. что только ~~тѣ~~ чувства, вызванныя движеніями, имѣютъ способность вліять на наши движенія, и которыя обладаютъ качествомъ пріятности или непріятности. Можно-ли указать какой-нибудь законъ этого вліянія, вотъ вопросъ, который былъ заданъ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Бэномъ, который, по справедливости, можетъ быть названъ первымъ психологомъ нашего времени; и ему удалось формулировать этотъ законъ; законъ этотъ называется закономъ самосохраненія и выражается такимъ образомъ. Пріятныя чувства, вызываемыя какимъ-нибудь движеніемъ стремятся продолжать и усиливать эти движенія, а чувства непріятныя, или страданія, вызываемыя какимъ-нибудь движеніемъ стремятся ослаблять и прекращать ихъ. Этъ законъ самосохраненія даетъ намъ общую формулу въ приложеніи къ нашимъ чувствамъ вообще. Слѣдов. относительно ощущеній законъ этотъ долженъ быть выраженъ такъ: ощущенія, вызванныя какимъ-нибудь движеніемъ и обладающіе качествомъ пріятности, стремятся къ продолженію и усиленію этихъ движеній, а ощущенія этого-же рода, обладающія непріятнымъ качествомъ, стремятся къ ослабленію и прекращенію этихъ движеній. Названіе этого закона закономъ самосохраненія понятно. Еслибъ наоборотъ, еслибъ живыя существа стремились къ тому,

что причиняетъ имъ страданія, то существованіе ихъ было-бы немыслимо. Какая-нибудь вещь причиняетъ страданія живому существу; послѣднее имѣло-бы тенденцію, такъ сказать, поддерживать эту вещь и даже усиливать страданіе; результатомъ этого могла-бы быть только гибель. Это первый принципъ нашей природы, которымъ поддерживается существованіе всѣхъ живыхъ существъ.

Ощущенія пріятныя, которыя вызваны какими-нибудь движеніями имѣютъ на нихъ обратное вліяніе; какое. Продолжающее и усиливающее. Ощущенія непріятныя имѣютъ также вліяніе, но противоположное, вліяніе ослабляющее и прекращающее. Употребляя при выраженіи этого закона слово „стремятся", мы выражаемся точно также, какъ и при другихъ обстоятельствахъ, когда излагаемъ формулу какого-нибудь закона; выраженіе „стремятся" указываетъ на то, что разъ вызванное ощущеніе имѣетъ пріятное качество, оно будетъ имѣть обратное вліяніе усиливающее, если не будетъ къ тому никакого препятствія; но произойдетъ-ли въ этомъ случаѣ, какъ мы описали, продолженіе, усиленіе, или не произойдетъ вслѣдствіе препятствія, стремленіе это останется неизмѣнно. Вотъ почему мы выражаемся „стремятся". Теперь перейдемъ къ объясненію или доказательству этого закона нашихъ ощущеній. Что таково отношеніе ощущеній къ вызвавшимъ ихъ дѣйствіямъ, можно убѣдиться прежде всего на мускульныхъ ощущеніяхъ, такъ какъ они находятся въ прямой зависимости отъ нашихъ движеній, послѣднія вызываютъ ощущенія; эти ощущенія то пріятны, то непріятны. По закону самосохраненія пріятныя ощущенія должны оказать какое-нибудь вліяніе на нашу мускульную работу; - непріятныя должны оказать свое, противоположное вліяніе. Такъ-ли это? Несомнѣнно такъ; наши текущія мускульныя дѣйствія прежде всего управляются теченіемъ тѣхъ ощущеній, какія вызываютъ эти мускульныя дѣйствія. Безъ всякаго сомнѣнія сюда

приходятъ нѣкоторыя иныя вліянія со стороны волненій, идей, явленій воли, явленій высшаго порядка, но это нисколько не исключаетъ первую работу, работу въ направленіи нашихъ ощущеній. Возьмемъ примѣръ. Что служитъ опредѣлителемъ нашей готовности къ мускульной работѣ, или труду. Подумайте, можемъ ли мы рѣшить это, какъ говорятъ, a priori; вотъ человѣкъ усталый отъ работы, заснулъ, потомъ проснулся; готовъ онъ или нѣтъ къ работѣ? Возстановлены-ли его силы? Имѣетъ-ли онъ всю мускульную свѣжесть? A priori онъ никогда этого не рѣшитъ съ точностью; единственный опредѣлитель-это его ощущенія мускульныя: вотъ если онъ сдѣлаетъ нѣсколько движеній по направленію къ работѣ, они дадутъ ему мускульныя ощущенія; послѣднія и опредѣлятъ, готовъ онъ къ работѣ или нѣтъ. Если онъ почувствуетъ прежнюю усталость-это одно; если не почувствуетъ -другое; ~~если~~ чувство усталости дастъ ему понять, что онъ еще не имѣетъ всей свѣжести, что сонъ не возстановилъ его силъ. Какимъ образомъ онъ почувствуетъ это? Однимъ-ли чувствомъ тяжести вызванныхъ ощущеній? Мало того, что вызваны ощущенія непріятныя ощущенія, но тутъ еще приходитъ то обстоятельство, что эти тяжелыя ощущенія не располагаютъ его вставать, а располагаютъ къ противоположному; они ослабляютъ и способны прекратить начатое движеніе. Вотъ измѣритель нашей готовности, нашей свѣжести, а не какія-нибудь соображенія нашего ума. Итакъ очевидно, мы измѣряемъ нашу готовность тѣми ощущеніями, которыя вызываются нашими первыми попытками движенія. Теперь возьмемъ второе; какимъ образомъ мы оцѣниваемъ потребность движенія? Мы часто говоримъ о потребности движенія и покоя; ихъ мы точно также оцѣниваемъ съ начатіемъ нашихъ движеній, потому что потребность выведенная апріорно можетъ быть ошибочна. Если мы начали движеніе и это движеніе вызвало массу пріятныхъ ощущеній, которыя поддержали это движеніе, то мы будемъ продолжать его. Подъ вліяніемъ другихъ стимуловъ мы поступаемъ иначе. Стало быть нашу потребность мы измѣряемъ присутствіемъ пріятныхъ ощущеній, которыя вызываются начатіемъ движенія. Теперь

какъ мы оцѣниваемъ наши мускульныя силы? Какъ разрѣшаемъ вопросъ, можемъ-ли мы что-либо дѣлать или нѣтъ? Только посредствомъ нашихъ мускульныхъ ощущеній. Какъ скоро мы беремся за какую-нибудь тяжесть, еще неизвѣстную намъ, что намъ скажетъ, можемъ-ли мы справиться съ ней или нѣтъ? Тяжелое чувство покажетъ намъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ предметомъ, который далеко не по нашимъ силамъ; напротивъ чувство легкости покажетъ, что нашихъ силъ достаточно, даже можетъ быть болѣе, чѣмъ сколько требуется для преодолѣнія этой тяжести. Мало этого, собственно съ помощью нашихъ ощущеній, пріятныхъ и непріятныхъ, мы оцѣниваемъ самую потребную мѣру мускульной работы въ различныхъ случаяхъ; съ помощью ихъ устанавливается и продолжительность работы: если человѣкъ вслѣдствіе короткости или безпокойнаго сна не освѣжилъ своихъ силъ, то тяжелое чувство сейчасъ-же покажетъ ему тотъ минимумъ работы, который онъ можетъ нести. Постепенно ослабляя мѣру работы, онъ увидитъ, сколько онъ можетъ работать, не надрывая своихъ мускульныхъ силъ; непріятныя ощущенія будутъ ослаблять его энергію; послѣдняя останавливается на извѣстномъ уровнѣ. Точно также талітит работы устанавливается мускульными ощущеніями. Человѣкъ свѣжій хватается за какую-нибудь работу обыкновенно необузданно; ощущенія пріятныя, которыя въ немъ вызваны, поддерживаютъ энергію его дѣйствій, но затѣмъ обыкновенно случается, что усиливая тамъ и здѣсь нѣсколько излишнюю энергію, онъ получаетъ ощущенія боли, неудобства, такъ что эти ощущенія нѣсколько ослабляютъ его движеніе; движенія ослабленныя не вызываютъ непріятныхъ ощущеній и устанавливаютъ тахітит энерги. Что прежде всего служитъ показателемъ наши ощущенія. Наконецъ, что касается продолжительности работы, то она также устанавливается нашими мускульными ощущеніями; послѣднія вызванныя въ первый разъ, обыкновенно бываютъ свѣжи, пріятны, но эта пріятность не есть ихъ постоянное свойство и послѣ нѣкотораго времени пріятность ослабѣваетъ, ощущенія становятся нейтральными и наконецъ тяжелыми. Какъ скоро мускульныя упражненія вмѣсто того, чтобы давать удовольствіе, начинаютъ вызывать

страданіе, это естественный конецъ всякой работы, работы физической, умственной, практической и т. д.

Само собой разумѣется, что такъ какъ стимулы нашей дѣятельности различныхъ порядковъ, — кромѣ этихъ чувственныхъ ощущеній есть чувства высшаго порядка, — (мы не говоримъ, чтобъ все этимъ исчерпывалось, но этимъ сказать, что это вліяніе ~~никогда не изчезаетъ~~ есть), то мы можемъ продолжить подъ вліяніемъ высшихъ соображеній дѣйствія, но если мы утомились, это всетаки будетъ намъ постоянно указывать на естественный конецъ нашихъ дѣйствій, или время, когда слѣдуетъ кончить. Итакъ несомнѣнно, что мускульныя ощущенія пріятныя или непріятныя, вызываемыя нашими дѣйствіями, являются первыми для насъ опредѣлителями въ распознаваніи нашей готовности, способности, силы къ движенію и первыми-же опредѣлителями самой степени энергіи въ движеніи, которую мы можемъ допустить, не надрывая здоровья. Слѣд., Вы видите здѣсь работу, во первыхъ мускульныхъ ощущеній, потомъ работу въ извѣстномъ направленіи и все сводится къ тому, чтобъ не разстроить мускульныхъ силъ; вся тенденція мускульныхъ ощущеній сводится къ поддержанію цѣлости здоровья, слѣд. это есть частный случай самосохраненія. Перейдемъ теперь къ другимъ порядкамъ ощущеній, но разъяснивши этотъ законъ довольно подробно на мускульныхъ ощущеніяхъ, мы не будемъ долго останавливаться на другихъ порядкахъ ощущеній. Возьмите органическія ощущенія въ области зрительной системы. Ощущеніе утомленія глаза, положимъ при чтеніи книги очень часто бываетъ у людей, которые напрягаютъ зрѣніе, они чувствуютъ при этомъ боль, что будетъ результатомъ этого? А то, что чтеніе прекратится, потому что боль будетъ дѣйствовать на работу, которая связана съ упражненіемъ нашего зрѣнія, нашихъ мускуловъ. Теперь спрашивается, что можетъ намъ сказать, готовы-ли мы вновь къ работѣ, или нѣтъ, что опредѣлитъ намъ нашу органическую готовность? Никакія соображенія a priori не рѣшатъ этого вопроса. Чтобъ убѣдиться, мы должны взять книгу и прочесть нѣсколько строкъ, если мы увидимъ, что таже боль ощущается при чтеніи, то мы не готовы; въ противномъ случаѣ готовы. Что здѣсь служитъ мѣриломъ? Тоже самое, ощущенія.

Теперь обратимся къ слуховымъ ощущеніямъ. Прежде всего слѣдуетъ

замѣтить, что характеръ вліянія зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній особенно отличенъ отъ того вліянія, какое мы замѣтили на нашихъ мускульныхъ ощущеніяхъ. Если ощущенія зрительныя, вызываемыя какимъ-нибудь предметомъ, пріятны, то наше вниманіе на этотъ предметъ задерживается и усиливается; если напротивъ того, ощущенія будутъ другаго качества, напр. безразличны, то нашъ глазъ будетъ скользить по предмету, не задерживаясь на немъ. Тоже самое можно сказать относительно слуха. Если звуки пріятны, то слухъ останавливается на нихъ; если нѣтъ, напротивъ того; мы иногда зажимаемъ уши. Итакъ вліяніе зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній состоитъ въ степени вниманія къ цвѣтамъ, блеску, фигурамъ, движенію и звукамъ. Пріятныя ощущенія этихъ порядковъ стремятся къ усиленію вниманія, слѣдов. Ясно, что, если предметное содержаніе этихъ ощущеній будетъ получаться въ большемъ объемѣ и въ тоже время производить на насъ пріятное впечатлѣніе, то онѣ должны особенно долго удерживать наше вниманіе. Всѣ предметы большаго объема въ области зрѣнія, масса свѣта, напр. бѣлаго (на снѣжной равнинѣ), голубаго (на морѣ и на небѣ) или масса зеленаго, краснаго цвѣта несомнѣнно особенно долго задерживаютъ наше вниманіе; массивные цвѣта и звуки соотвѣтствуютъ этой тенденціи пріятныхъ впечатлѣній усиливать вниманіе. Что касается слуховыхъ ощущеній то нѣкоторые звуки въ высшей степени для насъ пріятны. Задерживаютъ-ли они наше вниманіе? Несомнѣнно; напр. пѣніе соловья. Напротивъ того, если мы получимъ ощущеніе скрипа арбы или двери, или какихъ-нибудь массивныхъ угнетающихъ звуковъ, то вниманіе наше неохотно останавливается на такихъ звукахъ и мы чувствуемъ стремленіе отдѣлаться отъ нихъ. Возьмемъ теперь примѣръ изъ круга осязательныхъ ощущеній. Прикосновеніе на къ сырой и холодной стѣнѣ всегда непріятно, и всякій это знаетъ и избѣгаетъ тщательно такихъ прикосновеній. Ощущеніе вкуса такое-же-ли имѣетъ вліяніе, какъ другія? Безъ сомнѣнія. Пріятное или непріятное ощущеніе вкуса - это для насъ первый критерій для того, что намъ нужно, или не слѣдуетъ ѣсть. Конечно наша опытность можетъ впослѣдствіи все это подсказывать намъ, но никогда это обстоятельство не упразднитъ работы ощущеній

вкусъ. Есть вещи, которыя могутъ показаться вкусными, пока мы объ нихъ думаемъ, но когда возьмемъ въ ротъ, почувствуемъ, что ѣсть не слѣдуетъ, нѣтъ аппетита. Значитъ, судъ аппетита можетъ обманутъ, пока разсуждаемъ только умомъ, но судъ ощущеній — другое дѣло. Итакъ много особенностей мы знаемъ по опыту, знаемъ, что то-то будетъ непріятно, а то-то пріятно; потому что испытали это и испытываемъ каждый разъ, при всякомъ опытѣ. Продолженіе, прекращеніе дѣйствій — простой, въ данномъ случаѣ, результатъ ощущеній. Тоже самое можно сказать и объ обоняніи: оно дѣйствуетъ въ томъ-же самомъ направленіи. Если человѣкъ вступилъ въ среду воздухъ, которая исполнена тяжелыхъ испареній, — первое его движеніе будетъ движеніемъ понятнымъ; надобно имѣть особое намѣреніе, чтобъ идти дальше.

Этими примѣрами изъ области мускульныхъ ощущеній и другихъ порядковъ органическихъ ощущеній мы старались доказать и объяснить тотъ законъ, который называется закономъ самосохраненія. Теперь намъ стало ясно, что въ кругу нашихъ ощущеній дѣйствительно существуетъ такой законъ, именно законъ обратнаго вліянія ощущеній на вызывающія ихъ движенія. Слѣдовательно для насъ понятно, какимъ образомъ изъ движеній, не имѣющихъ никакого психическаго характера, формируются дѣйствія, которыя носятъ въ себѣ психическій характеръ. Но теперь мы должны сказать, что законъ самосохраненія не есть только законъ нашихъ ощущеній, а законъ универсальный, которому подчиняются и наши чувства и наши идеи и волненія, т. е. волненія, вызываемыя какимъ нибудь текущимъ движеніемъ или дѣйствіемъ, съ своей стороны оказываютъ обратное вліяніе на это движеніе или дѣйствіе. То, что здѣсь сказано объ ощущеніяхъ, еще болѣе прилагается волненію, т. е. что существуетъ вліяніе нашихъ волненій на движенія или дѣйствія, или, что законъ самосохраненія прилагается и къ волненіямъ. Если какое нибудь дѣйствіе вызвало какое-нибудь волненіе и если это волненіе будетъ пріятно или непріятно, то оно непремѣнно отзовется обратнымъ вліяніемъ на вызвавшемъ его дѣйствіи. Мы укажемъ нѣсколько примѣровъ, что дѣйствительно законъ самосохраненія универсаленъ. Возьмемъ напр. чувство силы; это чувство имѣетъ весьма много видовъ и сила имѣетъ различныя обнаруженія,

-есть сила физическая, сила умственная, сила средствъ или состоянія, сила знанія и т. д. Слѣд. это чувство силы точно также разнообразно, поэтому и волненія силы разнообразны. Волненіе силы всегда пріятно; какъ контрастъ ея всегда - волненіе непріятное, даже горькое и тяжелое. Понятно какое вліяніе оказываютъ эти чувства и понятно, какія будутъ перемѣны въ нашей дѣятельности подъ ихъ вліяніемъ. Чувства силы будутъ первыми опредѣлителями въ рѣшеніи вопроса о нашей способности, талантѣ къ чему нибудь. Если человѣкъ, взявшись въ первый разъ за какое-нибудь, почувствуетъ силу въ этомъ случаѣ, то это чувство остановитъ его на данномъ родѣ дѣятельности, слѣд. задержитъ его на томъ именно, въ чемъ его сила, а если бы онъ попробовавши этого рода дѣятельности, почувствовалъ свое слабосиліе, то получилъ-бы результатъ совершенно обратный, т. е. это чувство подсказало-бы ему необходимость оставить этого рода работу и сдѣлало-бы это именно своимъ ослабляющимъ энергію вліяніемъ. Этимъ-то чувствомъ человѣкъ опредѣляетъ прежде всего то, что составляетъ призваніе къ тому или другому труду, дѣятельности. Я не отрицаю, что какіе-нибудь другіе стимулы могутъ также руководить въ выборѣ труда, профессіи, но, несомнѣнно, эти чувства - первые показатели.

Возьмемъ волненіе гармоніи. Гармонія или дисгармонія - это чувства или состоянія, которыя испытываются при различныхъ случаяхъ. Кромѣ гармоніи эстетической или музыкальной есть гармонія умственная, практическая въ трудахъ литературныхъ и иныхъ. Но на что мы хотимъ обратить ваше вниманіе, это опять таки на гармонію и дисгармонію, которыя часто непреодолимо опредѣляютъ личную дѣятельность лица, когда онъ выбираетъ ту или другую профессію, которая именно соотвѣтствуетъ таланту его. Но есть еще одна сторона, направленіе и среда, которыя могутъ опредѣлиться чувствомъ гармоніи. Человѣкъ часто не въ силахъ дать своему труду то направленіе, а не другое. Почему-же? По чувству гармоніи или дисгармоніи работу можно вести согласно со своими способностями, своимъ талантомъ, воспитаніемъ, наклонностями, можно вести и на перекоръ этому. Въ первомъ случаѣ она придастъ новый успѣхъ, разовьетъ талантъ, а направленіе, которое расходится съ талантомъ дастъ иной результатъ, въ первомъ случаѣ чувство гармоніи будетъ окрылять человѣка, во второмъ чувство дисгармоніи отнимать всякій успѣхъ въ работѣ. Возьмемъ вліяніе волненія новости. Волненіе новости одно изъ самыхъ пріятныхъ чувствъ для человѣка и волненіе это оказываетъ великое вліяніе на нашу дѣятельность, стремленіе къ

оригинальности въ томъ или другомъ родѣ труда поддерживается отчасти волненіемъ новости, которое пріятно и для того, кто его лично испытываетъ и для тѣхъ, кому он даетъ возможность его испытывать. Стремленіе къ оригинальности несомнѣнно связано съ этимъ чувствомъ новости. Теперь скажемъ нѣсколько словъ еще объ однихъ чувствахъ, о чувствахъ соціальныхъ, для объясненія той-же самой темы. Чувства, называемыя чувствами правды, неправды, правоты, неправоты и затѣмъ чувства одобренія и осужденія, чувства, которыя играютъ такую огромную роль въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, — разъ они возбуждены, они оказываютъ громадное вліяніе на тѣ дѣйствія, которыя ихъ вызвали. Когда человѣкъ начинаетъ говорить неправду и если эта неправда почувствовалась имъ, положимъ на судѣ, то это чувство неправды своихъ собственныхъ словъ въ данную минуту (если онъ только не окончательно безстыдный человѣкъ) подѣйствуетъ на него какъ ослабляющее, путающее его рѣчь обстоятельство. Онъ началъ какую-нибудь выдумку и не кончитъ вслѣдствіе именно этого тяжелаго чувства неправоты, неправды, лжи всего этого разсказа или выдумки. Это лучшій или одинъ изъ прекрасныхъ критеріевъ для опредѣленія истины простая манера рѣчи часто достаточно хорошо показываетъ правду говорить человѣкъ, или нѣтъ. Трудно иногда подвергнуть логическому анализу это впечатлѣніе, но оно есть. Или чувство одобренія или осужденія самыхъ разнообразныхъ формъ. Человѣкъ постоянно судитъ или про себя, или въ обществѣ про дѣйствія другихъ, и сужденіе это, особенно публичное, литературное имѣетъ огромное значеніе. Сужденіе, которое вызываетъ чувство одобренія вызываетъ одинъ родъ дѣятельности, сужденіе противоположнаго характера иной родъ дѣятельности. Конечно, человѣкъ увѣренный и энергичный можетъ идти наперекоръ послѣднимъ, но если онъ постоянно слышитъ только упреки осужденія, то это не можетъ поощрять его, потому что такова сила чувства; оно будетъ работать въ направленіи охлаждающемъ. Поэтому мы видимъ, что многіе писатели превосходно начали работу, которая доставила имъ успѣхъ, но потомъ работа брошена, почему? Подъ вліяніемъ именно осужденія, отнимавшаго у нихъ силу, энергію. Вотъ каково вліяніе волненія; ясно, что они подчинены тому-же самому закону самосохраненія. Разъ они вызваны какимъ-нибудь дѣйствіемъ, разъ чувства будутъ имѣть

какое-либо качество, они будутъ оказывать вліяніе на ту дѣятельность, которая ихъ вызвала. Разсмотримъ еще одинъ порядокъ-фактовъ умственныхъ именно нашихъ идей; онѣ подлежатъ тому-же закону, если только не идеи, а чувства въ формѣ идей и имѣютъ подтому качество пріятности или непріятности. Иногда мы должны принять, что наша умственная дѣятельность не такъ холодна и безпристрастна, какъ мы привыкли воображать себѣ. Эти-то идеи, лишь сколько имъ имѣютъ элементъ страстный; (а такихъ идей страстнаго характера масса) только и имѣютъ вліяніе на нашу дѣятельность, а безстрастныя, нейтральныя идеи не обнаруживаютъ никакого вліянія на нашу дѣятельность; разъ идеи носятъ отпечатокъ чувствъ, которыя насъ подарили этими идеями, не сохраняютъ ихъ качество пріятности, или непріятности, - онѣ обладаютъ той-же способностью дѣйствовать обратно на тѣ дѣйствія, которыя когда-то вызвали тѣ чувства, т.е. оригинальныя идеи продолжаютъ тутъ работать точно также, какъ наши ощущенія въ ослабленной формѣ. Положимъ человѣкъ пробовалъ поднять какую-нибудь тяжесть, мускульное чувство дало понять ему, что это ему не по силамъ и это ощущеніе заставило его отказаться отъ этого опыта, попробуетъ-ли онъ произвести тотъ-же опытъ еще разъ? Вѣроятно, нѣтъ. Почему? Воспоминаніе, идея не позволяютъ ему: онъ оставилъ намѣреніе подъ вліяніемъ ощущенія, не хочетъ приняться снова за его осуществленіе подъ вліяніемъ идеи. Эти идеи можно разсматривать, какъ ослабленное чувство; идеи рѣдко даютъ намъ испытывать ту-же пріятность или то-же страданіе, какія мы испытываемъ, когда чувствуемъ. Большая разница слушать о чьихъ-нибудь страданіяхъ или самому испытывать то-же самое. Разницу вліяній, конечно, существуетъ, и въ первомъ примѣрѣ; какъ не тяжело поднять огромную тяжесть, человѣкъ подъ вліяніемъ какого-нибудь чувства, повторитъ опытъ; это значитъ, что идея не имѣла такого задерживающаго вліянія, какъ ощущеніе, но несомнѣнно она его имѣетъ. То-же самое съ волненіями. Подъ вліяніемъ волненія идея дѣйствія можетъ переходить въ дѣйствіе. На этомъ вопросѣ, впрочемъ, мы остановимся со временемъ; здѣсь только приводимъ примѣръ. Извѣстенъ примѣръ одного разсчитавшагося продавца горшковъ

въ фабской сказкѣ, послѣдствіемъ мечты котораго было весьма реальное и печальное для него дѣйствіе — толчекъ, сопровождавшійся разбитіемъ горшковъ.

Итакъ законъ самосохраненія есть законъ универсальный, которому подчиняются всѣ наши состоянія сознанія, обладающія тѣмъ или другимъ качествомъ, будутъ-ли это ощущенія, идеи, мечты и т.п. — все равно. Теперь въ заключеніе этого общаго очерка о дѣйствіи закона самосохраненія, скажемъ нѣсколько словъ объ аппетитѣ. Очень часто въ старыхъ психологіяхъ ученіе объ аппетитахъ приводилось, какъ ученіе объ элементарныхъ фактахъ нашего сознанія. Слѣд., у насъ вопросъ чисто критическій — должны-ли они быть поставлены въ сферѣ элементарныхъ фактовъ нашего сознанія или нѣтъ? На это мы должны отвѣтить отрицательно; они не представляютъ никакого отдѣльнаго элементарнаго класса, они зависятъ отъ органическихъ условій и отличаются нѣкоторою сложностью, которую нельзя наблюдать въ ощущеніяхъ. Вотъ изъ особенности, которыя не позволяютъ ставить ихъ въ особый разрядъ элементарныхъ фактовъ. Аппетитомъ назъ нѣкоторую органическую потребность, періодически возвращающуюся у человѣка и животныхъ — есть аппетитъ движенія, покоя, голода, жажды, сна и т.д. Что-же это такое? Возьмемъ примѣръ аппетитовъ, которые называютъ голодомъ и жаждой. Достаточно припомнить, что намъ пришлось говорить, когда мы говорили объ органическихъ ощущеніяхъ, именно объ ощущеніяхъ которымъ мы обязаны нашей системой питанія и кровообращенія. Чувство жажды, ощущеніе жажды — ощущеніе органическое, слѣд. порядокъ фактовъ, о которыхъ мы уже говорили. Но чувство жажды или голода не составляетъ еще апетита; въ послѣднемъ есть нѣчто добавочное, нѣкоторое стремленіе (актъ воли), которое связано съ этимъ ощущеніемъ, т.е. нѣкоторое вліяніе испытываемыхъ нами органическихъ ощущеній на нашу дѣятельную систему, на наши мускулы. Разъ только обнаружились какія-нибудь дѣйствія, отвѣчающія особенно рода скорби, которая и есть внѣшнее впечатлѣніе духа, и разъ эта дѣятельность направлена къ ослабленію скорби и вызываетъ пріятныя чувства, мы чувствуемъ то, что называютъ удовлетвореніемъ аппетита, appetitus (стремленіе

Безъ этихъ актовъ стремленій аппетита въ собственномъ смыслѣ мы не имѣли-бы. Если мы находимся подъ вліяніемъ перваго составного элемента аппетита — ощущенія, то мы испытываемъ только нѣкоторое неудобство, состояніе духа, которое свойственно маленькимъ дѣтямъ, не умѣющимъ дать себѣ отчета о томъ, чего они хотятъ; у нихъ есть только безотчетное ощущеніе безпокойства. Итакъ одинъ элементъ аппетита, или тѣлесной потребности это — скорбь, другой — желаніе облегчить ее, а періодичность зависитъ отъ того, что тѣло бываетъ промежутками въ томъ состояніи, которое служитъ причиной этихъ особенныхъ духовныхъ впечатлѣній, скорбей.

Объ идеяхъ. Прекрасное замѣчаніе относительно идей мы встрѣчаемъ у одного англійскаго писателя — (Тэлора) (Тонкера (Томскаго)), „идея, говоритъ онъ, это, иначе, образъ [imago], видъ [species] вещей, которыя подвергались нашему наблюденію. Но образъ, видъ — термины, не совсѣмъ удобные для такихъ предметовъ, которые подлежатъ наблюденію не посредствомъ зрѣнія, а посредствомъ другихъ органовъ, образъ звука или запаха враждуетъ съ нашимъ вкусомъ, а идея того и другаго сходитъ легко, поэтому ученые ввели терминъ „идея," означающій образъ или видъ и которому сообщили болѣе широкое значеніе; отсюда идея тоже самое въ отношеніи къ вещамъ вообще, что образъ въ отношеніи къ предметамъ зрѣнія." Это одно опредѣленіе; но есть другое отличное —, представленное Миллемъ, который глубже опредѣляетъ этотъ предметъ. „Если какими-бы то ни было причинами однажды было возбуждено въ насъ какое-нибудь состояніе сознанія, то низшая степень того-же состоянія сознанія, состояніе сходное съ первымъ, но менѣе интенсивное, можетъ быть произведено въ насъ и при отсутствіи той причины, какая первоначально возбудила его. Если мы однажды видѣли и осязали предметъ, то можемъ впослѣдствіи мыслить объ немъ, хотя бы онъ и не находился въ кругѣ нашего зрѣнія и нашего осязанія. Если при какомъ-нибудь событіи мы чувствовали скорбь или радость, то можемъ думать или вспоминать объ этой скорби и радости, хотя-бы даже и не произошло никакого новаго событія счастливаго или прискорбнаго свойства. Если поэтъ составилъ образъ какого-нибудь воображаемаго предмета, замокъ беззабот-

ности, Ину или Гамлета, то онъ можетъ думать впослѣдствіи объ идеальныхъ предметахъ своего творчества, не прибѣгая къ новому акту духовной комбинаціи. Употребляя Юма этотъ законъ выражаютъ такъ. каждое духовное впечатлѣніе имѣетъ свою идею" Вотъ это то и есть въ противоположность впечатлѣніямъ то, что называютъ идеями. Для примѣра, пусть поэтъ, какъ Шекспиръ, создалъ типъ, положимъ Гамлета или Отелло, - иное дѣло - создать этотъ типъ, и иное - послѣ имѣть его въ идеѣ. Чтобы создать его потребовалась совсѣмъ другая умственная работа, чѣмъ чтобъ вызвать его послѣ въ памяти, послѣдній - только образъ идея того типа, который разъ былъ созданъ, послѣдній вызывается безъ употребленія той работы, которая нужна была для созданія того типа; то, что приложимо здѣсь къ художественнымъ типамъ приложимо ко всѣмъ оригинальнымъ впечатлѣніямъ. Мы можемъ воспроизвести впечатлѣніе въ отсутствіе тѣхъ внѣшнихъ причинъ, которыя первоначально его вызвали. Это - новое состояніе, которое обусловливается какими-нибудь новыми причинами; слѣд. идеями наз. тѣ состоянія духа, въ которыхъ воспроизводятся какія-нибудь впечатлѣнія оригинальныя въ отсутствіе тѣхъ причинъ, которыя ихъ первоначально вызвали. Психологическій вопросъ объ идеяхъ сводится, стало быть, къ вопросу какъ далеко простирается начало воспроизведенія духовныхъ состояній? Мало по малу объяснилось, что воспроизведеніе охватываетъ не только нашу умственную жизнь, но и наши волненія и желанія. Итакъ все имѣетъ свою идею, что разъ было создано внѣшними-ли, внутренними-ли причинами. Нѣмецкая литература обыкновенно не пользуется терминомъ „идея", а всегда терминомъ „представленіе" [Vorstellung] representatio, какъ говорили въ средніе вѣка, но англійская и французская литература избѣгаютъ послѣдняго термина по причинѣ, весьма серьезной; потому что терминъ „представленіе", заключаетъ въ себѣ понятіе болѣе широкое, чѣмъ идея, представленіе всегда смѣшивается съ актомъ представленія, съ дѣйствіемъ; только Спенсеръ пользуется этимъ терминомъ и то только для красоты слога. Терминъ этотъ есть на всѣхъ языкахъ романскихъ, потому что это терминъ латинскій: онъ есть и у насъ, и многіе писатели его употре-

бляютъ, но вообще есть неудобства, по которымъ говорятъ иначе. Теперь мы должны замѣтить, что между идеями различаютъ 2 порядка - идеи первичныя и вторичныя. Здѣсь во вступленіи къ ученію о сложныхъ формахъ психическихъ состояній мы имѣемъ дѣло съ первичными идеями. Послѣднія отличаютъ отъ вторичныхъ идей, которыя уже образовались изъ другихъ идей, а тѣ идеи, которыя не образованы изъ какихъ-нибудь другихъ идей и которыя получены прямо изъ какихъ-нибудь живыхъ оригинальныхъ впечатлѣній, тѣ называются первичными идеями. Напр. такъ наз. общія понятія тоже идеи, но вторичныя, онѣ сами образуются изъ нѣкоторыхъ другихъ, которыя называютъ первичными. Весьма важный вопросъ заключается въ томъ, когда получаемъ мы эти идеи; важный потому что отвѣтъ на него до нѣкоторой степени характеризуетъ самую природу этихъ идей. Локкъ отвѣтилъ такъ, что вмѣстѣ съ первыми ощущеніями мы получаемъ и первыя идеи. Надобно сказать, что отвѣтъ этотъ, понятый такъ, какъ понимаетъ его Локкъ, будетъ неправиленъ для нашего дѣла, но понимаемый буквально, совершенно выразитъ то, что слѣдуетъ. Локкъ понималъ подъ идеями и предметную сторону самыхъ ощущеній; понятно, что для него разъ дано ощущеніе дана и идея, но мы удерживаемъ его (слова) слова въ томъ (въ томъ) смыслѣ, что въ то время, какъ дано ощущеніе или когда дается ощущеніе, въ тоже самое время дается и идея этого ощущенія, точно также преемство ощущеній сопровождается преемствомъ идей этихъ ощущеній, иначе сказать, первичныя идеи образуются въ минуту теченія самыхъ ощущеній. Во нашему мнѣнію всякое оригинальное впечатлѣніе получаетъ свой особенный знакъ, который мы называемъ идеей. Дайте ощущеніе и оно будетъ отмѣчено, какъ предшествующее идеи; значитъ, идея есть нѣкоторый знакъ, помѣта текущихъ ощущеній. Для ясности дѣла возьмите фонографъ, около него кто-нибудь говоритъ, потомъ сейчасъ-же можно воспроизвести эту рѣчь; говоръ-это оригинальное впечатлѣніе, а воспроизведеніе фонографа можно сравнить съ идеями. Или, напримѣръ, механическій показатель температуры. измѣненіе тепла, холода механически

показывается въ тоже время. Точно также мы должны смотреть на наши психическія состоянія — идеи. Извѣстное впечатлѣніе оригинальное мѣняется безпрерывно, въ тоже время идетъ послѣ всѣхъ впечатлѣній въ ряду перемѣнъ. Когда она идетъ, что она такое? На это можно будетъ отвѣтить дальше, потому что съ нашей точки зрѣнія идея — прежде всего результатъ физіологическихъ условій, точно также, какъ ощущеніе. Есть органъ, который помѣчаетъ все то, что получено въ периферическихъ органахъ, получено въ зрительномъ органѣ. Ощущеніе есть органъ, который помѣчаетъ, что получено. Это отнюдь не роняетъ достоинства нашихъ первичныхъ идей, потому что за ними слѣдуютъ вторичныя, какъ результатъ самостоятельной работы духа, затѣмъ къ первичнымъ идеямъ можетъ присоединяться умъ съ своими собственными операціями, но это ничего не говоритъ противъ самостоятельности ума; мы должны истолковывать фактъ этотъ, имѣя въ виду данныя не только психологіи, но и физіологіи, потому что если мы поставимъ наши идеи въ независимость отъ физіологическихъ условій, какъ объяснимъ мы ненормальности. Итакъ мы думаемъ, что наши первичныя идеи можно разсматривать, какъ преобразованныя ощущенія и получаются они одновременно съ оригинальными впечатлѣніями. Но какія-же у насъ есть на это доказательства? Я уже указалъ на то, что есть масса косвенныхъ доказательствъ, которыя даютъ намъ физіологія и психіатрія, но кромѣ того мы имѣемъ свои основанія — психологическаго характера, чтобъ думать такъ, а не иначе. Прежде всего мы основываемся на такъ назыв. остаткахъ впечатлѣній. Послѣ того, какъ мы испытали впечатлѣніе, мы должны замѣтить, что по удаленіи причины этого послѣдняго, осталось нѣчто отъ этихъ впечатлѣній, — что мы не можемъ назвать впечатлѣніемъ, потому что впечатлѣніе это состояніе духа въ присутствіи извѣстныхъ причинъ, а характеръ этихъ остатковъ совершенно иной, свойства ихъ другія, значитъ это не впечатлѣніе, а нѣчто такое, что хотя и щекотливо назвать идеями, но въ сущности это и есть идеи.

Если Вы напр. долго разсматривали какой-нибудь предметъ и внимательно, то закрывши глаза, Вы замѣтите, что осталось какое-то впечатлѣніе цвѣта, фигуры; если Вы разсматривали движущіеся предметы, то останется впечатлѣніе движенія, по закрытіи глаза — это уже не впечатлѣніе собственно, однако что-то осталось. Что-же такое осталось? Сказать — идея, какъ будто неловко, а въ дѣйствительности это идеи, мы это и называемъ идеями. А вотъ другой примѣръ, родственный этому. Представьте, что Вы заучиваете на память географическую карту, Вамъ нужно запомнить очертанія Кавказскихъ горъ, которыя намалеваны штрихами на картѣ; нѣсколько секундъ посмотрѣвши Вы можете спросить себя и увидите, что у Васъ на половину недостаетъ; опять посмотрите, видите, что у Васъ осталось нѣсколько больше въ памяти, положимъ 2/3; а затѣмъ еще потрудились и чувствуете, что весь очеркъ уже уловили. То, что Вы имѣете здѣсь въ фактѣ запоминанія, Вы называете уже идеей, Вы имѣете это уже въ мысляхъ, образахъ, такъ что присутствіе идеи здѣсь несомнѣнно, но вопросъ въ томъ, что это за идеи? Получили-ли Вы эти образы сейчасъ, при разсматриваніи, или, можетъ быть, это нѣчто такое, что намъ раньше пришлось получить или это нѣчто такое, что мы получили при помощи другихъ законовъ. Что касается того, что мы раньше ихъ получили, то, понятно, что въ такомъ случаѣ мы съ этими образами знакомы; но какъ-же мы получили ихъ въ первый разъ? Обязаны-ли мы законамъ ассоціацій, что мы припоминаемъ, или мы обязаны этими идеями простому отраженію въ нашемъ умѣ текущихъ состояній, простой памяти ихъ? Отвѣтомъ на это служитъ сравненіе того, что мы имѣемъ въ фактѣ запоминанія съ тѣмъ, что мы назвали остатками впечатлѣній. То, что въ послѣднемъ случаѣ неудобно назвать идеей, это уже болѣе идетъ къ случаю запоминанія. Подтвержденіемъ этого можетъ служить слѣдующее: посмотрѣвши подробности какого-нибудь предмета мы въ состояніи имѣть цѣльный взглядъ на него, положимъ на картину. Дѣло въ томъ, что если предметъ небольшаго объема, то мы можемъ видить только небольшое пространство его, остальное-же неясно очерчивается у насъ, но мы можемъ вознаграждать это переходя отъ пунктовъ яснаго зрѣнія къ другимъ пунктамъ и разсматривая такимъ

образомъ всю картину отчетливо, а потомъ мы можемъ, остановившись на какомъ-нибудь пунктѣ имѣть въ отчетливости всю картину. Это очевидно происходитъ отъ того, что впечатлѣнія отдѣльныхъ пунктовъ остаются и потому, просмотрѣвъ цѣлый рядъ пунктовъ, мы соединяемъ ихъ въ одну картину, иначе говоря рядомъ съ ясными впечатлѣніями мы имѣемъ уже идеи, совокупность которыхъ и даетъ намъ образъ картины въ цѣлости. Вотъ еще доказательство на фактѣ сравненія предметовъ, которые подлежатъ нашему наблюденію, когда мы находимъ ихъ сходными и различными; сравнивать мы можемъ только въ идеѣ, если идеи предметовъ совпадаютъ, мы находимъ предметы тождественными. Такимъ образомъ сравненіе есть фактъ умственный. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: держа въ рукахъ двѣ гири, мы можемъ сравнивать ихъ вѣсъ, можемъ замѣтить, что одна гирька тяжелѣ другой или наоборотъ убѣдиться, что обѣ равны. Сравненіе невозможно безъ идей, значитъ при сравненіи мы имѣли идеи обоихъ этихъ предметовъ; когда-же мы ихъ получили? Мы вѣдь не знали этого раньше, мы вѣдь хотѣли только убѣдиться, одинакого-ли вѣса обѣ гирки. Слѣд. мы получили эти идеи въ минуту нашихъ опытовъ. Или извѣстенъ-ли Вамъ фактъ, что историческое воспоминаніе бываетъ гораздо живѣе, когда Вы находитесь вблизи историческихъ памятниковъ; отсюда любовь къ путешествію. Сколько бы Вы не читали книгу, она никогда не въ состояніи дать Вамъ того, что можетъ дать Вамъ воспроизведеніе описанныхъ событій въ той мѣстности, гдѣ они происходили. Отчего-же? Это отъ того, что къ идеямъ, когда Вы припоминаете какое-нибудь историческое событіе, примѣшивается впечатлѣніе именно чрезъ то, что въ минуту происхожденія, выражаясь языкомъ Юма, каждое впечатлѣніе имѣетъ свою идею; происходитъ идеація впечатлѣній и это то текущее впечатлѣніе смѣшивается съ воспоминаніями и освѣжаетъ ихъ. Если-бы мы спросили, какіе законы управляютъ отраженіемъ текущихъ впечатлѣній въ идеяхъ, то мы затруднились-бы отвѣтить. Какъ мы сказали физіологія, патологія нервной системы и психіатрія даютъ намъ возможность также какъ и приведенные нами факты убѣдиться въ томъ, что идеація впечатлѣній происходитъ во время самыхъ впечатлѣній. Все о чемъ мы можемъ говорить, это законъ возвра-

щенія разъ уже полученныхъ идей или законы возвращенія прежнихъ впечатлѣній въ формѣ идей. Законы эти извѣстны подъ названіемъ законовъ ассоціаціи

Теперь перейдемъ къ слѣдующему вопросу: разъ идеи даны, пріобрѣтены, какому закону или какимъ законамъ слѣдуетъ ихъ возвращеніе вновь, теченіе идей и впечатлѣній, которыя когда-то были нами пережиты. Какому закону слѣдуетъ образованіе нашихъ идей, наука не знаетъ, но какому закону слѣдуетъ воспроизведеніе разъ возникшихъ духовныхъ состояній, намъ извѣстно. Законы воспроизведенія прошлыхъ впечатлѣній называются въ психологіи законами ассоціаціи; терминъ этотъ первоначально предложенъ былъ Локкомъ; у него онъ имѣлъ свой частный смыслъ и обозначалъ теченіе одной идеи за другой вслѣдствіе случайной связи между ними. Со времени Юма, который далъ теорію ассоціаціи въ самомъ широкомъ смыслѣ, терминъ этотъ получилъ точно также широкое значеніе и обозначаетъ именно теченіе одной идеи за другой, слѣдующее извѣстнымъ, опредѣленнымъ законамъ, слѣд. обозначаетъ извѣстное постоянство, теченіе одной за другой, постоянство, которое указываетъ нѣкоторую связь, ассоціацію между ними. Затѣмъ Броунъ предложилъ другой терминъ „внушеніе" вся разница только въ томъ, что одна идея, возникши вызываетъ другую и всегда разъ она возникла, тотчасъ появляется другая. Значитъ „внушенія наши не слѣдуютъ другъ за другомъ разрозненно и спутанно, но если духъ подлежитъ извѣстнаго рода впечатлѣнію, получая такимъ образомъ какое-нибудь ощущеніе или понятіе, то онъ бываетъ послѣдовательно и самъ собою доступенъ для впечатлѣнія извѣстнаго другаго рода" Локкъ полагалъ, что связь эта не должна быть физіологической и показалъ, что неудобно ассоціацію связывать съ физіологіей; нужно было устранить въ самомъ названіи закона всякую смысль о томъ, что всякое воспроизведеніе оригинальныхъ состояній духа предполагаетъ возобновленіе и тѣхъ

Описки 6-аго листа. 1) Стр. 41 стр. 3 вмѣсто „не" — „и" должно быть 2) Стр. 43 стр. 8 вм. „при ощущеніи" — „ощущеніе" 3) Стр. 44 стр. 9 вм. „интенсивно" должно быть „инстинктивно"

физическихъ состояній, которыя непосредственно предшествовали оригинальному чувству Вотъ Броунъ и предложилъ другой терминъ „внушеніе" По Юму за извѣстной идеей всегда слѣдуетъ другая По Броуну фактъ выражается такимъ образомъ, что одна идея непремѣнно внушаетъ намъ другую Наконецъ Тейлоръ назвалъ законы воспроизведенія прошлыхъ впечатлѣній законами комбинаціи Это названіе напоминаетъ первый терминъ, но въ дѣйствительности напоминаетъ, что существуетъ связь между нѣкоторыми идеями Всѣ эти названія употребляются въ новое время, какъ синонимическія Французскіе и нѣмецкіе писатели терминъ „комбинація" употребляли до послѣдняго времени, но теперь въ языкѣ психологическомъ всѣ европейскіе писатели пользуются терминомъ Локка Что касается количества этихъ законовъ, Юмъ указалъ ихъ три, назвавши ихъ законами смежности во времени или мѣстѣ, сходства и законъ причины или дѣйствія или, иначе говоря, связь причины съ дѣйствіемъ

I законъ смежности имѣетъ мѣсто, когда дѣйствительное духовное впечатлѣніе, или какая-нибудь идея возстановляетъ или оживляетъ въ формѣ идей впечатлѣнія прошлыя, которыя близки по времени происхожденія къ первымъ Замѣчаніе объ одномъ отдѣленіи какого-нибудь зданія ведетъ естественно къ мысли или разсуду относительно другихъ. Это происходитъ оттого, что, когда Вы въ первый разъ видѣли зданіе, Вы за одной частью замѣчали другую, эти впечатлѣнія могли повторяться много разъ, это и есть причина указаннаго факта

II законъ сходства, одна идея впечатлѣнія какого-нибудь факта напоминаетъ Вамъ опять въ идеѣ другой фактъ, сходный съ первымъ. Какая-нибудь картина естественно ведетъ наши мысли къ оригиналу.

III законъ по Юму, законъ связи причины съ дѣйствіемъ заключается въ томъ, что идея какого-нибудь факта вызываетъ въ Вашей мысли другой фактъ, находящійся съ первымъ въ причинной связи Если мы представляемъ себѣ какую-нибудь рану то едва ли можемъ избѣжать мысли о сопровождающей её боли Оба впечатлѣнія, рана, видъ раны и боль многоразъ повторялись.

въ Вашемъ собственномъ опытѣ и ихъ непосредственное преемство установилось въ Вашемъ умѣ.

Нужно замѣтить, что критики, начиная съ Броуна остановились на на двухъ законахъ, показавъ весьма точно, что 3-ій есть только видоизмѣненіе перваго Рана напоминаетъ страданіе потому, что одинъ фактъ шелъ или идетъ въ непосредственномъ преемствѣ за другимъ — т.е въ этомъ случаѣ проявляется дѣйствіе закона смежности. Теперь перейдемъ къ обоимъ законамъ, управляющимъ всѣми психическими состояніями. Законъ смежности выражается слѣдующимъ образомъ: дѣйствія, ощущенія и состоянія чувства встрѣчающіяся вмѣстѣ или въ сплошномъ преемствѣ стремятся и возникать вмѣстѣ, или связываются такъ, что когда въ послѣдствіи представляется духу одно изъ нихъ, то бываютъ готовы возстановиться въ идеи и другія.

Мы здѣсь говоримъ о впечатлѣніяхъ, о воспроизведеніи впечатлѣній, такъ что можетъ явиться вопросъ о томъ, умственныя ли это операціи, но дѣло въ томъ, что всѣ наши идеи въ концѣ концовъ суть отраженія впечатлѣній и какія бы сумасбродныя они мысли; удаленныя отъ дѣйствительности мы не разложили на составныя части мы найдемъ, что это своеобразный рефлексъ предшествовавшихъ опытовъ, впечатлѣній. Безъ сомнѣнія, какъ это будетъ дальше объяснено, духъ человѣческій способенъ передавать пережитыя имъ впечатлѣнія въ разнообразной формѣ и иногда такой, что идеи мало, или вовсе не напоминаютъ дѣйствительности, а въ точномъ анализѣ идеи эти дадутъ Вамъ Ваши опыты, какъ ихъ элементы, поэтому мы говоримъ о теченіи идей, о возвращеніи впечатлѣній въ формѣ идей, какъ о вещахъ тождественныхъ. Теперь позвольте для ясности сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно формулированнаго закона. Мы говоримъ о возвращеніи впечатлѣній въ формѣ идей; это значитъ, что когда возникаетъ одна идея, то другая, встрѣчавшаяся съ нею вмѣстѣ, также стремится возникнуть. Мы останавливаемъ на этомъ Ваше вниманіе потому, что хотя для ясности содержаніе

закона сходства и закона смежности излагается отдѣльно, но именно то, что намъ нужно для дѣйствія закона смежности — возвращеніе впечатлѣній въ формѣ идей, это намъ дается закономъ сходства; объ этомъ мы будемъ говорить позднѣе. Для дѣйствія по закону сходства можетъ возвращаться подъ вліяніемъ впечатлѣнія какая-нибудь идея; просто потому, что есть впечатлѣнія, являются и идеи, а для дѣйствія закона смежности требуется впереди идея, дана одна идея появляется и вторая, и третья и т. д. Можно сказать, что тутъ въ извѣстномъ порядкѣ должна быть возобновлена вся наша память, что и составляетъ наше текущее сознаніе, если мы чувствуемъ себя свѣтло, бодро въ умственномъ отношеніи, то этой ясностью, этой полнотой нашего сознанія мы обязаны прошлому опыту и дѣйствію законовъ ассоціаціи въ каждую минуту нашей бодрственной жизни. Въ изложеніи закона смежности принимается молчаливо простѣйшая функція закона смежности именно въ случаѣ абсолютнаго тождества настоящаго и прошлаго. Въ этомъ случаѣ процессъ отождествленія настоящаго и прошлаго происходитъ такъ быстро и безошибочно, что мы едва замѣчаемъ присутствіе ассоціаціи [illegible] въ цѣпи преемствъ. Теперь разъяснимъ другое выраженіе: „стремятся возстановиться въ идеи и другія [illegible] мленіе означаетъ тоже самое, что въ законѣ самосохраненія мы не говоримъ, что если возникаетъ одна идея или впечатлѣніе, то непремѣнно должна возникнуть и другая [illegible] — это было-бы не совсѣмъ точно, потому что вторая идея послѣдуетъ за первой только подъ тѣмъ условіемъ, если не будетъ никакихъ препятствій къ ея слѣдованію. Стремленіе будетъ всегда, хотя можетъ появиться много обстоятельствъ, которыя мѣшаютъ появленію идеи. При чтеніи книги идея, которая должна у Васъ появиться въ данную минуту не появится, если со стороны Вамъ кто-нибудь сдѣлаетъ вопросъ. Помѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ масса. Таковы наши всѣ вообще психическіе законы, что дѣйс-

ствіе ихъ подлежитъ отмѣнѣ вслѣдствіе возникшаго препятствія, или противодѣйствія; это обстоятельство имѣетъ большую важность для объясненія нашего психическаго существованія и того, что мы называемъ нашей психической свободой. Если-бы дѣйствіе законовъ не подлежало отмѣнѣ, то не могло-бы быть и рѣчи о свободѣ, но въ томъ-то и дѣло, что хотя вся наша жизнь опредѣлена законами, тѣмъ не менѣе человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ и одно изъ условій этой свободы-отмѣнимость дѣйствія закона. Преступникъ, готовясь къ преступленію можетъ остановиться на какой-нибудь мысли, можетъ вспомнить о строгости законовъ, вотъ Вамъ и внѣшнее препятствіе, но у него можетъ явиться опять противоположное впечатлѣніе, которое парализуетъ первое. „Смежность" это терминъ Юма, а близость въ порядкѣ времени" это терминъ Броуна; когда мы говоримъ о смежныхъ впечатлѣніяхъ мы говоримъ о впечатлѣніяхъ ближайшихъ по времени Какія-же впечатлѣнія находятся въ порядкѣ близости? Впечатлѣнія современныя и впечатлѣнія, слѣдующія непосредственно другъ за другомъ. Такимъ образомъ, когда мы будемъ объяснять законъ смежности, мы будемъ обращать вниманіе на современность и на непосредственное преемство

Теперь перейдемъ къ самому объясненію, для насъ, конечно прежде всего важно объяснить воспроизведеніе идей первичныхъ впечатлѣній, именно ощущеній, а потомъ простѣйшихъ первичныхъ дѣйствій. Подчиняются-ли наши ощущенія дѣйствію закона смежности, при возвращеніи въ идеи одного изъ нихъ, стремятся-ли возвращаться и другія, смежныя съ нимъ, существуетъ-ли между идеями ощущеній такая связь, какая указывается закономъ смежности, все это вопросы синонимическіе. Мы остановимся сперва на ощущеніяхъ разнородныхъ, а потомъ однородныхъ. Остановимся на наблюденіяхъ въ области зрительныхъ ощущеній. Органы зрѣнія, М. Г. М. Г.

это для нас в деле нашего отношения к внешним вещам главный орган; прежде всего мы видим через зрение и чувствуем себя существующими в внешней природе. Обратимся к таким случаям, когда нам приходится испытывать ощущения зрительные, а потом осязательные. Мы видим, что возобновление их следует тому же порядку: или одна идея возобновляется вместе с другой, или вслед за первой непосредственно следует второй. Например, при виде нарушенных признаков снега или льда мы припоминаем холод или впечатление холода, производимое снегом при прикосновении к нему; снег представляется нам холодным по смежности впечатлений, потому что эти зрительные впечатления цвета или фигуры обыкновенно или непосредственно предшествуют (ассоциация) впечатлению температуры или следуют вместе с ним. Порядок возвращения тот же. Но здесь есть некоторая неясность, которую мы сразу должны уничтожить, чтобы обеспечить Вам ясное понимание в дальнейшем. При виде снега мы припоминаем холод его; идея-то где? Но когда мы говорим, припоминаем это все равно мы получаем идею. Ну, а предшествующая идея где? Ввиду для сокращения закона смежности нужно получить одну идею, а потом будет второй и предшествующая есть и только для краткости мы не говорим о ней. Мы узнаем снова; когда мы будем говорить о законе следства, тогда будет речь и о том, что значит „узнаем" Узнавание есть припоминание; взглянувши на снег, мы припоминаем его с внешней видимой стороны, а потом припоминаем холод, и так во всем. Если не заботиться о краткости, то следует сказать так: известное зрительное впечатление вызывает известную идею, а идея эта вызывает идею впечатления осязательного На примере зрительных ощущений они мы могли также попробовать проследить ассоциацию осязательных впечатлений тепла.

Итакъ значитъ, разъ образовался извѣстный опытъ и мы образовали извѣстный порядокъ ощущеній, этотъ порядокъ будетъ вѣчно стремиться возобновляться въ нашемъ умѣ въ формѣ идей — вѣчно, если не будетъ препятствій.

Теперь обратимся къ ассоціаціи ощущеній зрительныхъ и слуховыхъ. Видя вещь, Вы припоминаете названіе ея взглянувъ на столъ, про себя говорите „столъ". Эта ассоціація установилась у Васъ съ дѣтства. Откуда же у дѣтей берется ассоціація между вещью и словомъ. Обратите вниманіе на то, какъ дѣти учатся запоминать названія вещей. Они не вдругъ ихъ запоминаютъ, а нужно часто повторять эти названія при нихъ; при ребенкѣ одно лицо часто называютъ „папа", дитя обращаетъ вниманіе на предметъ; наконецъ послѣ частыхъ опытовъ при появленіи отца, ребенокъ самъ произноситъ „папа". Въ данномъ случаѣ связность образа и слова, связность, при которой одинъ внушаетъ позднѣе и другое, является результатомъ повторенія, точная степень котораго зависитъ отъ различныхъ причинъ и въ томъ числѣ отъ свойства индивидуальнаго духа. Здѣсь конечно есть еще одно обстоятельство, которое требуетъ объясненія: въ привычкѣ дитяти говорить отцу папа есть нѣчто болѣе, чѣмъ только идея; сюда присоединяется нѣкоторое членораздѣльное движеніе, привычка къ которому появляется постепенно и притомъ послѣ появленія идеи, является потому, что при извѣстныхъ условіяхъ наши идеи способны осуществляться въ движеніяхъ. Когда этотъ фактъ окончательно установится, тогда за зрительными идеями слѣдуютъ не одни слуховыя идеи, а и движенія мускульныя, слова. Поэтому такъ трудно научить дитя говорить: здѣсь требуется работа зрѣнія (зрительная идея) работа слуха (слуховая идея) ассоціація между ними и наконецъ появленіе слова. Чтеніе основывается на ассоціаціи между письменными условными знаками и звуками, но здѣсь ассоціація болѣе тонкая, потому что каждая буква ассоціируется съ извѣстнымъ звукомъ, а комбинаціи этихъ звуковъ

-даютъ намъ названіе слова.
Наконецъ коснемся ассоціаціи зрительныхъ ощущеній съ обонятельными и вкусовыми; каждое кушанье способно вызвать идею вкуса его, если въ прежнихъ опытахъ видъ кушанья сопровождался его вкусомъ. Тотъ-же самый законъ имѣетъ силу относительно однородныхъ впечатлѣній. Увидѣвши какой-нибудь кусочекъ мѣстности, Вы припоминаете всю её, потому что въ прошлыхъ опытахъ намъ приходилось за этимъ кускомъ видѣть и другіе. Вставши утромъ и осмотрѣвшись кругомъ, Вы припоминаете, гдѣ Вы, комнату, домъ, улицу, городъ, мѣстность, наконецъ весь горизонтъ, который Вамъ представляется въ теченіи дня, и все это отразится именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ Вамъ приходилось видѣть раньше т.е. или въ порядкѣ сосуществованія или въ порядкѣ преемства. Смыслъ закона смежности таковъ, что въ теченіи нашихъ идей отражается прежде всего порядокъ дѣйствительности. Но что такое для насъ дѣйствительность? Прежде всего это наши субъективныя впечатлѣнія, наши наблюденія, опыты, чувства, которыя мы испытываемъ. Остальное предметъ нашихъ заключеній - это дѣйствительность метафизическая. Рѣчь идетъ о первой дѣйствительности. Всѣ отражающіяся въ нашихъ мысляхъ впечатлѣнія бываютъ или современны или слѣдуютъ одно за другимъ. Тотъ-же порядокъ выражается въ тѣхъ идеяхъ, въ которыхъ эти впечатлѣнія, опыты, и т.д. возобновляются. Поэтому основы нашего мышленія суть рефлексы дѣйствительности. Все остальное, кромѣ дѣйствительности имѣетъ своимъ фундаментомъ это теченіе нашихъ идей; всѣ идеологическаго, творческаго характера имѣютъ основой отраженіе дѣйствительности въ ея собственномъ порядкѣ. Мы доказали существованіе этого закона въ области нашихъ ощущеній. Теперь укажемъ

на нѣкоторыя умственныя явленія съ тою-же цѣлью, напр на идеи матеріальныхъ вещей. Прежде всего это какія-нибудь группы нашихъ ощущеній или идей, въ которыхъ возобновляются наши ощущенія по закону преемства или по закону сосуществованія, слѣдов. вообще по закону смежности. Примѣръ, идея минераловъ; этимъ дана идея вѣса, цвѣта, звука, фигуры, излома и т. д. Что такое вѣсъ, звукъ и т. д. Все это различныя ощущенія зрительныя, слуховыя, мускульныя и. т. д. Отчего онѣ здѣсь слились въ идею минераловъ? Потому что онѣ испытываются вмѣстѣ или одно послѣ другаго. Возьмемъ другое умственное явленіе — дополненіе текущихъ ощущеній идеями. Это значитъ, что текущія ощущенія дополняются идеями прошлыхъ ощущеній. Таково, напр, сознаніе видимаго міра, зрительныхъ впечатлѣній: къ внѣшнему міру мы прежде всего относимся путемъ зрѣнія, такъ какъ это чувство чрезвычайно широко и много обнимаетъ; однако мы чувствуемъ себя не въ кругу живописи, а въ кругу дѣйствительности и это потому, что текущія ощущенія возобновляютъ въ нашемъ умѣ массу другихъ ощущеній, такъ что зрительныя ощущенія дополняются другими. Это-то возобновляемое прежнее ощущеніе дополняя фигуру обращаетъ живописную дѣйствительность въ дѣйствительность живую, мы чувствуемъ себя не въ кругу живописи, а въ кругу вещей. Но что такое вещь? До этого мы не можемъ добраться иначе, какъ посредствомъ опыта, то, что мы находимъ въ этихъ вещахъ особеннаго, это только качества нашихъ ощущеній. Или возьмемъ еще такъ называемыя антиципаціи явленій. Человѣкъ съ самаго ранняго возраста начинаетъ жить прошлымъ, текущимъ и будущимъ, до такой степени мы привыкаемъ жить будущимъ

что не можемъ отдѣлить текущаго отъ будущаго, потому что мысль наша всегда забѣгаетъ впередъ антиципируетъ будущее, а опытъ, настоящее, является только оправданіемъ вѣрности или дальновидности этой антиципаціи, но при всякомъ предыдущемъ впечатлѣніи дается антиципація даннаго дѣйствія. Выходя на улицу и встрѣчая массу экипажей и лицъ, Вы, всетаки, умѣете уберечь потому что Вы впередъ проэктируете движеніе экипажей, лицъ, проэкція идетъ относительно всѣхъ движеній, вслѣдствіе чего Вы направляете свои движенія, сообразуясь не съ тѣмъ только, что дано въ Вашемъ опытѣ, но и съ проэкціями, которыя вызываются этими наблюденіями. Антиципація бываетъ столь полная, что Вы спокойно избѣгаете экипажей; эта антиципація есть послѣдствіе опыта, прежде Вы неоднократно производили эти опыты, конечно, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Въ антиципаціи воспроизводится Ваша прошлая опытность, это есть ничто иное, какъ воспоминаніе; хотя для насъ антиципація представляется, какъ вещь усложненная, но въ сущности это ничто иное, какъ воспоминаніе, но въ другой формѣ, которую мы называемъ предусмотрѣніемъ, а послѣднее составлено изъ элементовъ воспоминанія, т. е. изъ прошлыхъ впечатлѣній, возобновляющихся въ умѣ по закону смежности, наконецъ наши иллюзіи, а изъ массы обманы чувствъ основаны на этомъ законѣ, разнообразные фокусы, продѣлываемые въ различныхъ играхъ, основаны въ значительной степени на умѣньи пользоваться этимъ закономъ смежности. Разъ дано одно ощущеніе, мы съ увѣренностью ожидаемъ другія чувственныя послѣдствія, которыми мы и дополняемъ первыя, слѣдовательно стоитъ изучить наиболѣе твердыя ассоціаціи, изучить слабости, тогда понятно на этихъ струнахъ можно играть. Театральная иллюзія основана въ значительной степени основана на этомъ. много-ли представляютъ декораціи, а, между тѣмъ, сколько дѣйствительности онѣ возобновляютъ; текущее впечатлѣніе одно, но воспоминаніе мысленно прилаживаетъ его къ прежнимъ ощущеніямъ.

Законъ смѣжности-законъ универсальный; ему подчиняются и волненія и дѣйствія и все, что мы испытываемъ. Если ощущенія [illegible] волненіями въ порядкѣ преемства или современности, то при возобновленіи ощущенія возобновляются и волненія; слушая музыку, Вы исчислите звуки и испытываете при этомъ волненія грусти, положимъ, нѣжности- не угодно-ли Вамъ послѣ отдѣлить звуки отъ волненія; нѣтъ-разъ припоминаете звуки, припоминаете и чувства, которыя испытывали вмѣстѣ съ ними. и хотя волненія и звуки порядки различные, но достаточно было имъ слѣдовать другъ за другомъ въ непосредственномъ преемствѣ, чтобы они возобновлялись также слитно. Волненія нѣжности, самодовольства, раздражительности, страха и проч. вызываемыя неоднократно въ присутствіи какого-нибудь предмета, входятъ съ этимъ предметомъ въ духовное товарищество и оба члена такой четы способны впослѣдствіи оживлять другъ друга; предметъ вызываетъ волненіе, а волненіе возстановляетъ предметъ. Способность волненій ассоціироваться между собою весьма важна, потому что на этомъ основано такое преобразованіе нашихъ волненій, которое даетъ имъ видъ совсѣмъ другой, чѣмъ какой можно ожидать по ихъ элементамъ. Наши, такъ называемыя, эстетическія и моральныя волненія суть весьма сложныя волненія. Говорятъ: „нравственное волненіе", „чувство нравственности"; вѣдь, если держаться буквы, то можно представить, что это какая-то психическая единица, волненіе sui generis, не имѣющее ничего общаго съ другими волненіями; но обратитесь къ анализу и Вы увидите, что въ его составъ входитъ множество другихъ; тутъ и чувство приличія и чувство самолюбія и чувство альтруистическое; изъ всего этого дѣйствительно составляется нѣчто цѣлое, нѣкоторая цѣльность характеристичная, дѣйствительно чувство sui generis, только не единица, а нѣчто цѣлое, вырабатывающееся путемъ опыта, оцѣнки мнѣній, изъ всей критики своихъ и чужихъ дѣйствій

Точно также и чувство эстетическое; если-бы какой-нибудь эстетикъ захотѣлъ свести его къ одному чувству, онъ промучился бы напрасно, какъ и промучились дѣйствительно въ продолженіи тысячелѣтій, потому что это чувство составное, — тутъ чувства граціи, гармоніи, симметріи; наконецъ, просто, разнообразныя пріятныя ощущенія зрѣнія, слуха. Итакъ закону смежности мы обязаны тѣмъ, что ощущенія и волненія, испытываемыя въ непосредственномъ преемствѣ или въ одно время, впослѣдствіи соединяются вмѣстѣ и наконецъ сливаются въ такую тѣсную группу, что безъ искусственнаго анализа не легко бываетъ найти составныя части. Точно также и дѣйствія могутъ ассоціироваться съ волненіями. Это весьма важно. Мы уже говорили, что наши дѣйствія мотивируются прежде всего нашими оригинальными впечатлѣніями и волненіями, такъ что, если кто-нибудь испытываетъ волненіе, вызванное какимъ-нибудь дѣйствіемъ, то, какъ мы видѣли выше, заявлять себя вліяніемъ на дѣйствія; но мы руководимся не одними текущими впечатлѣніями, наше поведеніе зависитъ не отъ однихъ чувствъ и волненій, но также отъ идей, волненій и ощущеній. То, что разъ мотивировало въ дѣйствительности Ваше поведеніе, какъ живое чувство, будучи возобновлено, какъ мысль, продолжаетъ оказывать вліяніе хотя не въ такой степени; значитъ, чтобъ получить мысленные мотивы поведенія, надобно, чтобы прежнее чувство, которое управляло имъ, было вызвано въ формѣ идей и это дѣлается по закону смежности. Припоминая дѣйствія, Вы припоминаете и чувства, его сопровождавшія, стало-быть получая идею дѣйствія, получаете и идею чувства, за нимъ испытаннаго. Но это чувство въ дѣйствительности подѣйствовало на Вашу дѣятельность, поэтому оно воспроизводится не какъ просто чувство, а какъ мотивъ; это и есть начало вліянія нашихъ чувствъ на наши дѣйствія. Возобновляя въ умѣ вліяніе чувства, Вы уже дѣлаете первый шагъ къ дѣйств

Прежде Вы работали подъ вліяніемъ чувствъ и тогда не было свободы, тутъ Вы свободны, потому что здѣсь иниціатива отъ Васъ, потому что по закону смежности Вы возобновляете въ Вашемъ умѣ прежнія чувства, бывшія столько разъ мотивами Вашихъ дѣйствій. Возобновленіе мотива можетъ быть до такой степени отчетливо и живо, что нужны нѣкоторые акты, задерживающіе переходъ идей въ дѣйствіе, чтобы не произвести это дѣйствіе. Дѣйствія и всѣ практическіе навыки основаны на томъ-же законѣ. Тутъ нѣтъ ничего иного, какъ закрѣпленіе разъ установленнаго порядка, будетъ-ли это первоначальный порядокъ, или нами придуманный; конечно, сначала это будетъ очень трудно, чего, напримѣръ, стоитъ ребенку взять нѣсколько аккордовъ на рояли, а впослѣдствіи какія чудеса механической игры встрѣчаемъ мы: артистъ можетъ развлекаться посторонними вещами, а между тѣмъ все идетъ превосходно. Какимъ образомъ наши дѣйствія или движенія обращаются въ такъ называемые механическіе навыки? Это слѣдствіе закона смежности. Прежде мы должны были напрягать всю нашу психическую систему, чтобы продѣлать пустую вещь, а потомъ это становится такъ легко, что остается еще 9/10 прежняго напряженія, чтобы употребить его на какое нибудь дѣло. Танцамъ и вообще всѣмъ искусствамъ мы обязаны закону смежности, нѣсколько дѣйствій были современны или слѣдовали другъ за другомъ и раньше ничего не было, кромѣ этого преемства или существованія; постепенно, по мѣрѣ того, какъ Вы практикуетесь, порядокъ становится все крѣпче и крѣпче. Ясно, кажется, теперь, что нѣтъ дѣйствительно такого класса психическихъ явленій, который-бы не подчинялся закону смежности.

Законъ сходства. Мы сказали, что два основные закона управляютъ теченіемъ нашихъ смыслей, - что не объясняется закономъ смежности, то объясняется закономъ сходства. Простѣйшія, элементарныя явленія объясняются почти вполнѣ или закономъ смежности или закономъ сходства. Явленія

умственныя, болѣе сложныя могутъ быть объяснены только совмѣстной работой того и другаго. Поэтому мы постараемся на явленіяхъ болѣе простыхъ указать дѣйствія того и другаго закона, чтобы потомъ на болѣе сложныхъ явленіяхъ объяснить ихъ обоюдное вліяніе. Законъ сходства можетъ быть выраженъ такъ. Всякая текущая идея и текущее впечатлѣніе стремятся возобновлять въ формѣ идей сходныя съ ними впечатлѣнія или состоянія прошлаго. Одна идея вызываетъ другую, одно впечатлѣніе, открывшееся въ формѣ идеи стремится къ возобновленію прошлаго, сходнаго съ нимъ, дана какая-нибудь идея, или лучше, впечатлѣніе и отъ этого появляется у Васъ цѣлая масса идей — только по сходству, потому что впечатлѣніе это можетъ напоминать Вамъ сотни, тысячи впечатлѣній такого-же рода, которыя Вы испытали раньше.

Текущими могутъ быть впечатлѣнія и идеи, если въ нашихъ прошлыхъ фактахъ было что-нибудь сходнаго съ ними, то эти текущіе факты возобновятъ въ нашихъ мысляхъ тѣ прошлые факты, возобновятъ единственно потому, что тѣ сходны съ ними. Дадимъ классическій примѣръ Юма. Почему портретъ напоминаетъ намъ оригиналъ? Что управляетъ здѣсь ассоціаціей нашихъ идей? Припомнить оригиналъ — значитъ получить идею оригинала. Почему портретъ вызвалъ идею оригинала? Какимъ закономъ управляется появленіе идеи въ данномъ случаѣ идеи оригинала? Закономъ сходства. Въ нашей памяти возобновился оригиналъ именно потому, что портретъ сходенъ съ оригиналомъ. Нѣтъ никакого другаго обстоятельства, которымъ было обусловлено происхожденіе въ данное время мысли объ оригиналѣ. Теперь чтобы объяснить разницу между закономъ смежности и сходства, мы уже указывали, что смежность соединяетъ вмѣстѣ предметы, которые встрѣчаются вмѣстѣ, или которые по какому-нибудь обстоятельству представляются для ума одновременными, какъ напримѣръ, когда мы ассоціируемъ теплоту со свѣтомъ;

повесть – это закон исторического направления нашего мышления. Но сверх того мы находим, что в силу сходства одна вещь вызывает другую, отдаленную от нее по времени или, иначе говоря, действительность воспроизводится в порядке логическом; это начало логического направления нашего мышления. Особенность заключается тут в том, что предметы соединяются и сближаются тут в нашем смысле так, как они иногда не сходятся в опыте. Положим я вспомнил о портрете и узнал, что это Тургенев. Портрет этот мог быть в букве Тургенева, и другие могли видеть его в его руках, но я не видел; я видел только Тургенева совсем при других обстоятельствах, чем теперь я вижу портрет; я припоминаю Тургенева, но не припоминаю обстоятельств, при которых я его видел; идея Тургенева совершенно отвлечена и поставлена только в связь с портретом – это повесть. Две сходные вещи, одна текущая, другая прошлая, в идее поставлены вместе. Тут идет воспроизведение; если только тут есть факт противоречия, потому что я видел Тургенева совсем при других обстоятельствах, чем вижу портрет. Представление Тургенева вызвано только по сходству; сходство это вывело идею Тургенева из всех тех идей, с которыми он сливается в памяти; когда я припомнил, что видел Тургенева на площади страстного монастыря или какой-нибудь город, то я припомнил по смежности; в данном случае работа мозга гораздо больше. На первой ступени знания этой работы закона сходства незаметно, но явления сближения предметов по сходству – это тех великих явлений, которыми мы обязаны всеми важнейшими проявлениями человеческого ума, логическим направлением нашего мышления, ими мы обязаны тем, что мы называем наукой, всеми высшими произведениями мысли, всем оригинальным, по закону смежности мы получаем копию фак-

твительности; законъ-же сходства даетъ намъ болѣе, даетъ все, чѣмъ отличается дѣйствительность въ мышленіи. У насъ есть такіе виды творчества, въ которыхъ сразу и не угадаешь, гдѣ ихъ источникъ. Теперь перейдемъ къ объясненію закона сходства.

Мы указали уже на узнаваніе. Чтобы теперь кратко сказать, скажемъ, что въ явленіяхъ узнаванія слѣдуетъ отличать 3 элемента, именно впечатлѣніе производимое предметомъ, съ которымъ мы встрѣчаемся — текущее впечатлѣніе. Затѣмъ идеи, въ которыхъ возобновляются прошлые наши опыты и въ третьихъ чувство сходства текущихъ впечатлѣній съ этими идеями, которыя они возобновляютъ въ нашихъ мысляхъ, или съ тѣми опытами, которые намъ приходилось имѣть раньше въ жизни; — отождествленіе, слѣдовательно, текущихъ опытовъ съ прошлыми и отождествленіе не прямое, а косвенное черезъ идеи, въ которыхъ возобновляются прошлые опыты. Ваша бодрственная жизнь при нормальномъ психическомъ состояніи начинается съ узнаванія; проснувшись вы прежде всего узнаете обстановку, себя, потому что дѣло возможное, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. послѣ продолжительной болѣзни не узнаешь себя; если узнаваніе не совершилось, значитъ человѣкъ боленъ; узнаваніе-же состоитъ въ отождествленіи предмета, который прежде наблюдался съ тѣмъ, который видимъ теперь. Если-бы, проснувшись Вы увидѣли какую-нибудь перемѣну, напр. въ комнатѣ вмѣсто 2 стульевъ — 3, это затруднило-бы Ваше узнаваніе; когда-же нѣтъ никакого затрудненія — это значитъ, что текущее впечатлѣніе совпадаетъ съ тѣмъ, что Вы видѣли раньше; тогда произойдетъ вызовъ прошлыхъ впечатлѣній текущимъ по тождеству, а признаніе тождества и есть рѣшающій моментъ. Теперь отъ этихъ явленій узнаванія для контраста перейдемъ къ совершенно противоположнымъ

Когда текущія впечатлѣнія напоминаютъ прошлыя по такимъ ничтожнымъ сходствамъ, что мы ихъ даже не можемъ замѣтить, - это такъ называемыя поэтическія сравненія. Сходство это до того ничтожно, что иногда замѣтить его и выразить составляетъ черту геніальности; много у насъ выраженій, которыя мы припоминаемъ по закону сходства, но они произведены раньше и часто людьми геніальными. Возьмемъ для примѣра нѣкоторыя поэтическія сравненія. Говорятъ - мягкій видъ природы или - рѣзкіе цвѣта; мягкій видъ природы - видъ это рительное впечатлѣніе, мягкость - осязательное, какъ мягкость можетъ напоминать цвѣтъ? А между тѣмъ подты сближаютъ эти два понятія, а теперь и ихъ сближаютъ и прозаики. Въ чемъ здѣсь сходство? Въ томъ впечатлѣніи пріятности, которое свойственно тому и другому. Есть такіе цвѣта, которые производятъ пріятное впечатлѣніе, и пріятность эта весьма сходна съ тою пріятностью, которую производитъ прикосновеніе; эта пріятность напоминаетъ нѣкоторыя мягкія прикосновенія.

Далѣе - рѣзкіе цвѣта; рѣзкій впечатлѣніе рѣжущаго орудія, сближенное съ цвѣтомъ, сближенное по непріятности, по качеству страданія, производимаго имъ, такъ что чувствительнымъ людямъ одно впечатлѣніе напоминаетъ другое; это сближеніе между разнородными впечатлѣніями встрѣчается во всѣхъ классахъ впечатлѣній. Какое сходство между звукомъ, цвѣтомъ и фигурой? Впечатлительныя, поэтическія натуры улавливаютъ эти сходства; нашу говорятъ: - Ясные звуки - сближеніе произведено здѣсь по степени интенсивности. Звукъ можетъ быть едва слышимъ и весьма громкимъ; интенсивность звука напоминаетъ интенсивность въ другомъ классѣ ощущеній зрительныхъ, которые точно также

могутъ быть весьма слабыми и выступать рѣзче, рельефнѣе. Отъ этихъ ощущеній можно перейдти къ разнороднымъ вещамъ, напр. кудри называются шелковыми, глаза-огненными, первые-по мягкости, вторые-по блеску, напоминающему блескъ уголька. Итак во 1-хъ текущія впечатлѣнія напоминаютъ прошлыя по полному тождеству и во 2-хъ, когда онѣ напоминаютъ прошлое по самой слабой, едва замѣтной степени сходства. Напримѣръ: „Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной." Вершины спятъ сравненіе несомнѣнно правильное; почему вершины спятъ? Это цѣлая комбинація идей, которая составлена такимъ образомъ, что дѣйствительность напоминаетъ то состояніе, въ которомъ люди спятъ, - люди спятъ тоже, конечно, во тьмѣ ночной; чѣмъ отличается ихъ сонъ? Покоемъ. Сблизьте эти черты, и Вы получите сравненіе; замѣтьте, что мы отыскали основаніе сближенія только послѣ нѣкотораго анализа, вотъ до какой степени сходство ничтожно. Между явленіями узнаванія и поэтическими сравненіями есть цѣлая скала различныхъ степеней сходства, на которыхъ опираются разнообразныя умственныя явленія, создаваемыя закономъ сходства. Укажемъ, наконецъ на классификацію общихъ, такъ наз. отвлеченныхъ идей. Въ чемъ состоитъ явленіе классификаціи? Прежде всего мы должны, говоря о классификаціи вообще, отвлечься отъ классификаціи научной. Это простая классификація подала поводъ человѣку къ составленію такъ называемыхъ популярныхъ классовъ вещей-родовъ и видовъ. Когда созданы роды и виды? По меньшей мѣрѣ не ранѣе того, какъ созданъ былъ языкъ. Но когда созданъ былъ языкъ - неизвѣстно; во всякомъ случаѣ раньше науки. Стало-быть классификація есть явленіе простое. Она состоитъ въ сближеніи сходныхъ вещей; возьмемъ самый простой примѣръ. Положимъ Вы зашли на площадь во время ярмарки; чего, чего нѣтъ тамъ; однако скоро Вы оріентируетесь: здѣсь воза съ

сѣномъ, тамъ рухлядь; тутъ толпа покупателей, тамъ продавцевъ, затѣмъ представители лошадинаго порядка, затѣмъ — собакъ, — все въ различныхъ мѣстахъ. Но когда Вы разсматриваете все это, то оно у Васъ сближается по группамъ и Вы потомъ можете дать отчетъ сколько чего Вы видѣли. Какъ только Вы увидѣли предметъ сходный съ прежде видѣннымъ Вы припоминаете первый, это дѣло простое, доступное даже уму большинства животныхъ, — несомнѣнно, что въ классахъ высшихъ позвоночныхъ эта способность есть.

Одинъ предметъ напоминаетъ другой. Вмѣсто безпорядочнаго агрегата вещей у Васъ образуются группы вещей, составъ которыхъ Вы можете указать. Это основаніе классификаціи. Чѣмъ сильнѣе сходство, тѣмъ скорѣе предметъ напоминается. Когда узнаемъ вещь, — это первый шагъ нашей умственной жизни. Всякое текущее впечатлѣніе прежде всего напоминаетъ то, которое тождественно съ нимъ (покрайней мѣрѣ при нормальномъ здоровьи). Значитъ — чѣмъ сходнѣе предметы, тѣмъ они скорѣе будутъ другъ друга напоминать и наоборотъ. Отсюда, естественно, видно, какимъ образомъ формируются у Васъ общія идеи, какъ сближаются между собою предметы. Положимъ, мы въ первый разъ видимъ тѣхъ животныхъ, которыхъ мы называемъ собаками; положимъ Вы видите 3-хъ собакъ, допустимъ, что это Вашъ первый оригинальный опытъ. Они сближались; почему? по сходству. Это значитъ, что этотъ экземпляръ, который Вы видите, своими многими чертами напоминаетъ тѣ черты, которыя Вы раньше видѣли — цвѣтомъ, размѣромъ и т. п. Глубокій процессъ, которымъ обнаруживается дѣйствіе закона сходства, заключается въ сближеніи индивидуальныхъ чертъ общихъ многимъ видамъ. Вы ничего не припомните привидѣ группы, кромѣ того, что у нихъ общаго, эти общія идеи сначала были такими идеями двухъ, трехъ и т. д. вещей. Идея дѣлается общей съ логической точки зрѣнія, когда она примѣнима къ безконечному

числу предметовъ, съ психологической — не то, тутъ мы можемъ, поднимаясь отъ 2-3 предметовъ, создать классъ; это дѣлается вслѣдствіи такъ называемаго обобщенія. Если общая идея, которая обнимала 3 предмета, сдѣлалась отвлеченной, т. е. напоминаетъ Вамъ не только эти три предмета, но можетъ быть примѣнима къ множеству предметовъ, становится показателемъ неопредѣленнаго количества предметовъ, то она становится общей. Это всегда должно быть, когда одинъ предметъ встрѣчается Вамъ не разъ, не два, а десятки; тогда Вы при взглядѣ на новый однородный предметъ припоминаете нѣчто общее, идея сама по себѣ обобщается по мѣрѣ накопленія опыта, это простая работа — классификація вещей. Само собой разумѣется, надо всегда помнить, что когда мы указываемъ на простѣйшіе психическіе процессы, то не нужно думать что мы указываемъ полное совершенство этихъ явленій. Тутъ между общими идеями мы различаемъ общія идеи въ психологическомъ и логическомъ смыслѣ, но намъ нужно знать сущность этого процесса, а остальное мы уже поймемъ. Стоитъ намъ увидѣть нѣсколько явленій однаго порядка, и мы, начавъ отъ генезиса этихъ явленій, сумѣемъ довести процессъ до конца.

До сихъ поръ мы говорили объ идеяхъ и законахъ управляющихъ теченіемъ идей. Мы должны перейти къ ученію о сложныхъ формахъ психической дѣятельности, къ ученію объ умѣ, о волѣ и о личности. Но прежде чѣмъ перейдти къ этому отдѣлу, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, чтобы объяснить все значеніе этихъ принциповъ, которые мы до сихъ поръ излагали. Мы указывали на простыя явленія — ощущенія, дѣйствія, идеи, на законъ относительности, на законъ самосохраненія и т. д. Для чего это дѣлалось? Чтобы потомъ указать, какимъ образомъ при помощи нѣкоторыхъ простыхъ элементовъ и нѣкоторыхъ законовъ создается та сложная дѣятельность, которую мы наблюдаемъ въ явленіяхъ, ума, воли

и личности. Замѣтимъ, что законы ассоціаціи дѣйствуютъ глубоко и видоизмѣняютъ простѣйшія явленія чувствованій, ощущеній и дѣйствій. Чтобы кратко выразить, какъ идеи и законы ассоціаціи, управляющіе идеями, видоизмѣняютъ наши ощущенія, замѣтимъ, что въ ощущеніяхъ зрѣлаго человѣка едва-ли 1/10 составляетъ чистое ощущеніе, и едва-ли не 9/10 составляетъ мысль. У зрѣлаго человѣка дѣйствія управляются не ощущеніями, а мыслями. Зрѣлыя ощущенія это ощущенія преобразованныя, выработанныя и то, что составляетъ ихъ отличіе отъ первыхъ „сырыхъ" ощущеній, это присоединеніе идей на 9/10. Такимъ образомъ, чтобы пояснить это примѣромъ, спросимъ, что собственно имѣетъ человѣкъ въ кругу зрительныхъ ощущеній безъ всякаго пособія со стороны идей? По мнѣнію компетентныхъ аналитиковъ зрѣніе ничего не даетъ намъ, кромѣ свѣтовыхъ пунктовъ. Если-же мы видимъ напр. движеніе, то это столько-же произведеніе нашего ощущенія, сколько и ума. Чтобы изъ свѣтовыхъ пунктовъ создать фигуру, ребенокъ вѣроятно долженъ очень много работать своей маленькой головкой. Это выработывается въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и лѣтъ. Вотъ каковы первые опыты; нечего ужъ говорить о томъ, что такое пространство, разстояніе одного предмета отъ другаго, положеніе одного предмета между другими, — это еще въ большей мѣрѣ произведеніе нашего ума. Отчего это мы смотримъ такъ умно? Взглянувъ мы имѣемъ не 9/10 нашего ума въ томъ, но мы видимъ чему мы обязаны преобразованіемъ нашихъ ощущеній въ эти идеализованныя ощущенія или перцепціи? Законамъ ассоціаціи. Если ребенокъ, медленно конечно, работа[illegible] надъ свѣтовыми пунктами, успѣлъ наконецъ создать что-нибудь такое, что приближается къ линіи или поверхности, то это оттого, что всякій разъ удавшійся опытъ остается въ его головѣ, — что разъ создано, то не пропадаетъ въ духѣ человѣка, что-то по ассоціаціи непремѣнно напоминается. Если мы живемъ не между фантомами,

и между живыми слѣдами это зависитъ оттого, что достаточно имѣть передъ глазами извѣстную фигуру, чтобы признать её человѣкомъ, чтобы присоединить къ ней все, что дано намъ опытомъ послѣднее мгновенно присоединяется къ первому. Вотъ какъ законы ассоціаціи преобразуютъ наши ощущенія. По законамъ ассоціаціи вслѣдствіи возобновленія нашихъ опытовъ получается рядъ мыслей, а это возобновленіе требуетъ работы спеціальнаго характера о которомъ будемъ говорить, когда перейдемъ къ изложенію различныхъ видовъ умственныхъ работъ; но разъ это есть, намъ достаточно имѣть въ виду эти функціи ассоціаціи и мы поймемъ, какъ наши простыя ощущенія преобразуются въ сознаніи предметовъ. Чтобы охарактеризовать вліяніе законовъ ассоціаціи на наши дѣйствія, достаточно сказать, что имъ мы обязаны всѣми нашими навыками; они дѣлаютъ насъ прежде всего дѣятелями, потому что все, чѣмъ мы не обязаны нашимъ инстинктамъ, достраиваютъ наши ассоціаціи. Какимъ образомъ мы обязаны имъ нашими навыками и что такое навыкъ? Пріобрѣтенный навыкъ состоитъ изъ нѣсколькихъ преемственныхъ дѣйствій, а можетъ быть и современныхъ, но во всякомъ случаѣ изъ нѣкоторой серіи дѣйствій, которую намъ пріятно имѣть, которую мы часто должны придумать въ виду какихъ-либо цѣлей. Въ началѣ создать преемство дѣйствій или движеній весьма трудно, а затѣмъ становится легко; этимъ мы обязаны законамъ ассоціаціи. Отъ того нѣкоторые навыки, напр. рано вставать, сначала бываютъ трудны, потому что для каждаго дѣйствія, для котораго есть мотивы, есть и свои контр-мотивы. Навыкъ закрѣпляется вслѣдствіи того, что контр-мотивы каждаго дѣйствія преодолѣваются мотивами pro. Вы изъ какого-нибудь побужденія рѣшили создать себѣ навыкъ такой-то, и если Вы рѣшили то это значитъ, что мотивы pro взяли перевѣсъ надъ мотивами contra

но чтобы Вы привели въ исполненіе свое рѣшеніе, Вамъ необходимо припоминать себѣ постоянно конечныя цѣли побужденія, ради которыхъ Вы предприняли работу, до тѣхъ поръ, пока мотивы contra потеряютъ свое вліяніе, а всему этому мы обязаны законамъ ассоціаціи.

Отъ этихъ простыхъ явленій мы перейдемъ къ ученію о сложныхъ явленіяхъ духа; ихъ можно раздѣлить на три порядка: явленія ума, явленія сердца или волненія и явленія воли. Эта классификація выработалась не вдругъ, окончательно-же опредѣлилась только въ нынѣшнемъ столѣтіи и такова, что покрайней мѣрѣ въ настоящее время мы можемъ довольствоваться ей, потому что всѣ классификаціи болѣе или менѣе условны, и мы ихъ держимся, пока онѣ удобны. Въ настоящее время все, что мы знаемъ съ субъективной точкѣ зрѣнія о духѣ, мы можемъ свести къ тремъ группамъ; въ такомъ случаѣ къ чему же намъ избѣгать этой классификаціи.

Прежде всего остановимся на тѣхъ сложныхъ психическихъ явленіяхъ, которыя называются явленіями ума. Отличительная черта этого рода явленій заключается собственно въ преобладаніи одного изъ элементовъ-идей, мысли, мышленія, что дѣлаетъ ихъ, какъ говорятъ, познавательными явленіями дѣятельности человѣческаго духа: между тѣмъ, какъ въ явленіяхъ сердца преобладаетъ чувство въ явленіяхъ воли-дѣйствіе. Чтобы оцѣнить важность современнаго анализа психическихъ явленій, а въ частности того предмета о которомъ идетъ рѣчь-явленій ума-, слѣдуетъ обратиться къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ историческаго характера относительно этого предмета. Теперь это дѣло такъ упростилось, что, кажется, оно не должно представлять никакихъ затрудненій, но на дѣлѣ это далеко не такъ. Два замѣчанія могутъ вполнѣ объяснить эти затрудненія. Слѣдуетъ замѣтить, что въ прежнее время то, что мы называемъ явленіями ума, считалось за умственную способность.

Безъ всякаго сомнѣнія выраженіе, умственная способность не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго съ нашей точки зрѣнія. Сначала терминъ этотъ дѣйствительно употреблялся, какъ слѣдуетъ его употреблять, но въ теченіи среднихъ вѣковъ выработалась теорія умственныхъ потенцій, по принципамъ которой умственныя явленія суть особенныя силы совершенно отдѣленныя одна отъ другой, особенныя агенты психической природы человѣка при чемъ считалось, что иногда они содѣйствуютъ другъ другу иногда противодѣйствуютъ, и въ этомъ противодѣйствіи усматривались даже степени, такъ что нѣкоторые изъ агентовъ прямо враждебны другъ другу по своей природѣ. Здѣсь Вы изучаете такимъ образомъ умственныя способности, какъ нѣкоторыя особенныя психическія единицы, работающія въ душѣ человѣка то согласно, то несогласно или даже прямо враждебно. Само собой разумѣется, что какъ только установился этотъ взглядъ, то сдѣлалось ясно, что эти потенціи, какъ отличныя одна отъ другой и имѣющія различную природу, должны выражаться въ различныхъ классахъ психическихъ явленій, вслѣдствіи этого старались опредѣлить разницу, отличающую одну способность отъ другой въ ея обнаруживаніи и указывали на то, что явленія одной способности не разрѣшимы на явленіяхъ другой, такъ что явленія различныхъ способностей должны быть признаны простѣйшими психическими фактами, не разрѣшимыми дальше. А разъ установился такой взглядъ, само собой разумѣется, что всякая попытка къ обобщеніямъ была устранена: никто не пытался обобщить тѣ основные элементы, которые наблюдались въ обнаруженіи этихъ способностей, установить законы, которыми управляется работа ихъ не пытались по принципу, потому что разъ способности различны, и обнаруженіе ихъ не сводимо одно къ другому

Какое препятствіе для психологическаго анализа!!..
Теперь надо Вамъ сказать, что этотъ взглядъ на первый разъ въ значительной степени былъ подорванъ въ самомъ основаніи психологами нашего времени Гоббсомъ и Локкомъ; первый взглянулъ на эту теорію еще раньше Локка, потомъ Локкъ остановился на ней, какъ на теоріи странной, несообразной и даже нелѣпой. Дѣло было поставлено весьма просто у Гоббса, такимъ образомъ, что если посмотрѣть на всѣ наши умственныя (способно) явленія, то мы увидимъ, то мы увидимъ, что они образуются изъ немногихъ простыхъ элементовъ всѣхъ явленій, отличающіяся величайшей сложностью, въ концѣ концовъ состоятъ изъ нѣкоторыхъ простыхъ элементовъ - ощущеній. Ясно, стало быть, что теорія, утверждающая, что есть функціи, не сводимыя одна къ другой, что есть нѣкоторыя простыя способности - несостоятельна. Окончательно это было утверждено Локкомъ. Шотландская Школа, вполнѣ соглашаясь съ Локкомъ, что въ субстанціи духа еще новыхъ субстанцій никакихъ не существуетъ, тѣмъ не менѣе вторую половину этого утвержденія не удержала, т. е признавала въ духѣ существованіе нѣкоторыхъ явленій, въ большомъ количествѣ не сводимыхъ одно къ другому. При этомъ надо замѣтить, что у нихъ былъ особенный интересъ настаивать на несводимости многихъ умственныхъ явленій къ числу которыхъ они относили ощущенія, воображеніе, память, способность пониманія, сужденія, умозаключенія, эстетическій вкусъ и т. д. массу. Для нихъ цѣль настаивать на простотѣ всѣхъ этихъ способностей (т. е. что нельзя свести, напримѣръ, способность пониманія къ способности ощущенія, что это должно быть признано неразрѣшимымъ) цѣль была та, что они хотѣли удержать плановичскую теорію идей или врожденныхъ принциповъ.

Они не могли удержать ее такъ, какъ объ этомъ училъ Декартъ, но все же старались это сдѣлать по своему, утверждая, что по поводу одного умственнаго явленія является другое, напримѣръ по поводу воспоминанія — разсужденіе; слѣдовательно явленія возникаютъ одно по поводу другаго, но одно отъ другаго въ причинномъ отношеніи не зависимы, — они остаются простыми съ каждымъ изъ этихъ явленій связано особое начало, которое независимо отъ данной функціи, а напротивъ составляетъ ея основаніе. Это такъ называемое чистое начало независимое отъ опыта. Напримѣръ съ дѣятельностью внѣшнихъ чувствъ связано чистое начало, независимое отъ опыта, которое называется идеей; съ дѣятельностью наблюденія надъ собой связана чистая идея „Я" субъекта; съ дѣятельностью способности понятія связана чистая идея понятія. Вотъ что имъ хотѣлось сдѣлать. Но такимъ образомъ появилась масса неразрѣшимыхъ простыхъ явленій, простыхъ функцій дѣла, которыя соотвѣтствовали прежнимъ силамъ, затѣмъ масса простыхъ началъ, все это ими было до того преувеличено, что по исчисленію одного историка, ихъ противника, масса простыхъ началъ была доведена до 44. Противъ ихъ ученія выступаютъ Юмъ и Гертли. Юмъ держится той же точки зрѣнія, которую мы находимъ у Гоббса и Локка, но идетъ дальше; — тѣ остановились, такъ сказать на одномъ отрицательномъ отношеніи къ этой теоріи, Юмъ — усвоивать себѣ во первыхъ взглядъ Гоббса, по мнѣнію, котораго всѣ умственныя явленія вытекаютъ изъ нѣсколькихъ простыхъ; эти простыя, которымъ мы обязаны всѣми сложными, — есть по Юму нѣкоторыя впечатлѣнія, а затѣмъ идеи, которыя изъ нихъ вытекаютъ. Слѣдовательно это приблизительно тотъ анализъ, который мы первоначально сдѣлали. Изъ этого получаются всѣ умственныя явленія посредствомъ общихъ законовъ ассоціаціи; Юму, слѣдовательно, обязана новая

психологія чрезвычайно много, но эта теорія не обратила-бы на себя большаго вниманія, если-бы школа Гертли не взялась за ея разработку. Школа Гертли старалась свести всѣ психическія явленія къ физіологической теоріи ассоціаціи, къ впечатлѣніямъ и идеямъ и къ образованію изъ этихъ простѣйшихъ элементовъ всѣхъ сложныхъ психическихъ явленій единственно по закону смежности. Все объясненіе Гертли сводится къ двумъ главнымъ предположеніямъ — что воспроизведеніе идей основано на особенномъ, предшествующемъ самому воспроизведенію процессѣ сочетанія нашихъ ощущеній (откуда собственно и вышелъ терминъ: ассоціація): — и что этимъ процессомъ сочетанія связываются собственно не ощущенія или идеи, а тѣ состоянія мозга, которыя сопровождаются возвращеніемъ нашихъ ощущеній въ идеи, которыя по мнѣнію Гертли состоятъ въ сотрясеніяхъ или фрожаніяхъ.** Тутъ была крайность своего рода, — невозможно обойтись безъ закона сходства и не возможно все объяснить въ душѣ изъ однихъ законовъ ассоціаціи. Для объясненія мы присоединили теперь еще законъ относительности и законъ самосохраненія. Такимъ образомъ сочиненія Гертли и его послѣдователей наполнены большими натяжками, но въ историческомъ отношеніи важенъ опытъ, который указалъ возможность объясненія всѣхъ психическихъ явленій изъ нѣсколькихъ простыхъ. Ему и Гертли мы обязаны всѣй школой ассоціалистовъ въ Англіи и Германіи, начиная съ Гербарта въ Германіи. Чтобы оцѣнить важность этого надо прибавить, что многіе оспаривали важность тѣхъ или другихъ психологическихъ обобщеній и выводовъ. Но мы не можемъ этого сказать. Въ насто-

**мелчайшихъ частичекъ мозговаго вещества. Броунъ показалъ, что нѣтъ никакого основанія предполагать этотъ предварительный таинственно связующій процессъ сочетанія — никакой связи между явленіями, кромѣ простаго преемства или безусловной и неизмѣнной послѣдовательности существовать не можетъ.

мыс время нѣтъ ни одного ученаго, который-бы отрицалъ постановку или значеніе законовъ ассоціаціи. Всѣ въ этомъ отношеніи согласны и отдаютъ справедливость школѣ ассоціалистовъ. Это былъ второй моментъ въ развитіи психологіи. Третій моментъ, о которомъ мы должны упомянуть — это ученіе Канта и его противниковъ. Кантъ возвращается снова къ той теоріи умственныхъ способностей, которая въ шотландской школѣ была оставлена; у него способности являются въ видѣ дѣятелей и дѣлятся на два класса: эмпирическихъ и трансцедентальныхъ. Первые — это всѣ способности эмпирическаго характера, вторые — дѣятели разума какъ независимые отъ тѣхъ эмпирическихъ дѣятелей; итакъ получаемъ разумъ теоретическій и разумъ практическій, который дѣйствуетъ по врожденной идеѣ долга, независимо отъ какихъ-бы то ни было эмпирическихъ элементовъ. Также воображеніе бываетъ эмпирическимъ и чистымъ и т.д. Всякая крайность всегда бываетъ спасительна въ исторіи науки въ томъ отношеніи, что она дѣлаетъ нелѣпое утвержденіе для всѣхъ совершенно очевиднымъ. Кантъ оказалъ психологіи услугу тѣмъ, что довелъ теорію способностей-агентовъ до абсурда. Если Вы хотите когда-либо опредѣлить Кантову слабость, — обратитесь къ его теоріи способностей. Это такой средневѣковый остатокъ, который потому только сходитъ Канту съ рукъ, что нѣмецкіе писатели обыкновенно уклоняются отъ обсужденія этого пункта. Это нелѣпое ученіе о массѣ психическихъ дѣятелей, которымъ соотвѣтствуютъ по Канту особыя функціи, однимъ эмпирическія, другимъ — чистыя. Эта философія была причиной того блес-

тящаго успѣха, который имѣли Гербартъ и Ве-
нтке. Эти писатели усвоиваютъ себѣ тутъ-
ку зрѣнія, которую развили Юмъ и Гертли.
Послѣ этихъ успѣховъ Гербарта и Бенеке
ія средневѣковыхъ раздѣленій была оставлена.
Такимъ образомъ пришли къ этому ученію
что никакихъ отдѣльныхъ умственныхъ
агентовъ не отличаются другъ отъ друга не существуетъ,
что такіе называемыя умственныя явле-
нія, которыя назывались простыми, нерас-
рѣшимыми, напротивъ разрѣшаются на
нѣсколько простыхъ и могутъ быть воз-
созданы по нѣкоторымъ простымъ законамъ.
Теперь перейдемъ къ изученію умственныхъ яв-
леній. Мы сказали, что въ составъ ум-
ственныхъ явленій входятъ три основныхъ
элемента: идеи, чувства и дѣйствія, толь-
ко въ различной мѣрѣ. Въ умственныхъ
явленіяхъ преобладаетъ мышленіе, слѣдо-
вательно мы можемъ всѣ умственныя
явленія раздѣлить на три класса: въ од-
нихъ присутствіе чувства и присутствіе
дѣйствія мало замѣтно или почти не
замѣтно, въ другихъ напротивъ чувство
выступаетъ весьма явственно съ ролью,
которая бываетъ существенна; въ тре-
тьемъ классѣ умственныхъ явленій
съ такимъ-же характеромъ выступаетъ
дѣйствіе. Мы начнемъ наше изложеніе
со втораго класса умственныхъ явленій
въ тѣхъ интересахъ, чтобы лучше ука-
зать сущность, постепенное образованіе ум-
ственныхъ (способностей) явленій, потому
что этотъ второй классъ является

для насъ насъ начальнымъ въ исторіи развитія умственныхъ явленій. Что это за умственныя явленія, въ которыхъ присутствіе чувства выступаетъ ясно? Это тѣ, которыя мы называемъ различеніемъ, это умственныя явленія отождествленія, сравненія, наблюденія, концепціи или усмотрѣнія. Обыкновенно на этихъ умственныхъ явленіяхъ останавливались весьма мало, потомъ что въ самомъ дѣлѣ раньше успѣховъ нашего времени анализъ этихъ явленій гарантительно былъ недоступенъ психологамъ. Итакъ обратимся къ этимъ умственнымъ явленіямъ. Начнемъ съ различенія и отождествленія. Чтобы получить эти явленія мы должны имѣть въ 1-хъ двѣ отождествляемыя или различаемыя вещи будутъ-ли это наши ощущенія, идеи, дѣйствительные предметы все равно. Во 2-хъ въ составъ этихъ умственныхъ явленій войдутъ наши чувства сходства или разницы. Надо замѣтить Вамъ, что чувство сходства или разницы несоставляетъ какой-нибудь особенный классъ чувствъ, не имѣющій ничего сходнаго съ тѣмъ, что мы называемъ волненіями. Напротивъ это одинъ изъ видовъ нашихъ волненій; это чувства въ самомъ собственномъ смыслѣ, которыя имѣютъ въ началѣ для всякаго человѣка пріятность или непріятность. Въ чувствѣ разницы и сходства вначалѣ при извѣстной интенсивности этихъ чувствъ есть качество. Но такъ какъ они упражняются насти непрерывно въ теченіи нашей бодрственной жизни, то они теряютъ постепенно свой характеръ пріятности или непріятности. Большинство чувствъ сходства и разницы для насъ въ зрѣломъ возрастѣ является чувствомъ безразличнымъ; большинство, говоримъ, но всякій разъ когда является новый предметъ, это чувство

можетъ обладать пріятностью или непріятностью. Эти чувства разницы и волненія сходства для насъ выступаютъ подъ различными названіями. Когда мы говоримъ о чувствѣ соразмѣрности, согласія, соотвѣтствія и наоборотъ, — это все различные виды чувства сходства и разницы. Слѣдовательно основное чувство разницы и сходства выражается въ законѣ относительности. Каждое чувствованіе и каждое познаніе должно быть разсматриваемо въ отношеніи къ состоянію другаго чувства или другаго познанія. Чтобы составить явленіе отождествленія и различенія, необходимо къ двумъ отождествляемымъ вещамъ присоединить эту новую функцію волненій чувства ихъ разницы, или чувства ихъ сходства. Возьмите примѣры. Положимъ Вы сравниваете двѣ вещи по ихъ вѣсу; Вы чувствуете разницу ихъ по вѣсу.

Здѣсь Вы сравниваете одно впечатлѣніе съ другимъ текущимъ. Но Вы можете сравнивать одно съ другимъ, испытаннымъ раньше или сравнивать ощущеніе съ идеей. Положимъ Вы взяли въ руки гирьку и припомните другую, какую Вы брали раньше и чувствуете, что эта гирька легче, чѣмъ та; здѣсь Вы сравнили ощущеніе съ идеей. Но Вы можете также сравнивать одну идею съ другой. Положимъ Вы наблюдаете предметъ и замѣтите его длину; затѣмъ послѣ замѣтите другой предметъ съ точки зрѣнія его длины. Пока Вы наблюдаете этотъ предметъ, Вы могли не думать о первомъ, но по закону ассоціаціи идей Вы сравниваете, какъ говорятъ; вспомнивши первое впечатлѣніе Вы почувствовали разницу въ длинѣ, это будетъ различеніе двухъ предметовъ въ идеи или различеніе

идей двухъ предметовъ, что все равно. Что сказано здѣсь о различеніи, тоже самое относится и къ отождествленію: вмѣсто того, чтобы почувствовать разницу, Вы могли почувствовать сходство. Мы начали съ самаго простого факта; здѣсь умственное явленіе слагается изъ пассивныхъ состояній. Вы имѣете ощущеніе, или идею, затѣмъ чувство сходства или разницы. Тутъ никакой умственной операціи нѣтъ, но есть умственный фактъ. Затѣмъ эти пассивныя умственныя явленія переходятъ въ дѣйствія отождествленія и различенія. Какимъ образомъ? Чрезъ преобразованіе этихъ пассивныхъ явленій въ активныя. Это бываетъ по тому закону, который мы назвали закономъ ассоціаціи. Если чувство сходства или разницы имѣютъ какое-нибудь качество, именно качество пріятности или непріятности, то это окажетъ несомнѣнное вліяніе на продолженіе его. Именно качество пріятности интереса въ сравниваемыхъ вещахъ задержитъ ихъ въ духѣ, т. е. остановитъ, продолжитъ актъ отождествленія или различенія впечатлѣній, задержитъ присутствіе идей, которыя мы отождествляемъ и т. д. Разъ только оказало вліяніе дѣйствіе этихъ чувствъ на вещи, которыя мы сравниваемъ — мы получаемъ дѣйствія вмѣсто пассивнаго отождествленія; если предметами отождествленія и различенія были идеи, мы ихъ не могли получить безъ законовъ ассоціаціи, и тогда по закону самосохраненія ассоціаціи получаютъ дѣятельный характеръ. Соедините акты отождествленія и различенія вмѣстѣ и Вы получите то, что называютъ сравненіемъ. Когда мы сравниваемъ, мы ничего не дѣлаемъ кромѣ того, что отождествляемъ и различаемъ. А всякое знаніе разрѣшается въ концѣ концовъ въ различіе и сходство; опредѣлить кругъ напр., значитъ показать его сходство съ извѣстными предметами (genus) и его различіе отъ другихъ (differentia). Но сравненіе можетъ быть невольнымъ и произвольнымъ, сравненіе произвольное различается отъ сравненія невольнаго новымъ, вторичнымъ дѣйствіемъ того же закона самосохраненія. Если изъ

на сей его состояніи же получился актъ различенія, и если онъ сопровождался какимъ-нибудь ощущеніемъ пріятнымъ, то послѣднее окажетъ свое вліяніе на продолженіе акта и изъ невольнаго сдѣлаетъ его произвольнымъ. Вы тогда почувствуете, что различаете произвольно, т. е. въ зависимости отъ пріятныхъ внечатлѣній, которыя вызваны вашими дѣйствіями различенія или отождествленія. Что такое наблюденіе? Это есть ничто иное, какъ произвольное сравненіе однихъ внечатлѣній съ другими, ощущеній съ внечатлѣніями, вещей съ другими вещами. Кромѣ этихъ преобразованій, которыя испытываютъ наши ощущенія, Вы ничего новаго въ наблюденіяхъ не отыщете; тутъ прибавляется только дѣйствіе закона самосохраненія; это видно изъ самой произвольности наблюденій. Наблюденія бываютъ трехъ родовъ: внѣшнія, внутреннія и умственныя. Если Вы сравниваете одни внечатлѣнія и ощущенія съ другими, Вы имѣете наблюденіе внѣшнее, т. е. это значитъ, что если Вы сравниваете по вашимъ ощущеніямъ тѣ вещи, которыя въ васъ вызываютъ эти ощущенія, то Вы имѣете наблюденіе внѣшнее. Такимъ образомъ когда Вы испытываете вѣсъ, Вы имѣете внѣшнее наблюденіе, а если бы Вы сравнивали идеи и находили, что одна эпитетъ или темнѣе другой, то это чувство сходства или разницы составило бы внутреннее сравненіе вашихъ психическихъ состояній. Умственныя наблюденія — это видоизмѣненіе тѣхъ же самыхъ вещей. Когда Вы имѣете дѣло съ анализомъ языка, то Вы имѣете дѣло съ такими явленіями, которыя носятъ внутренній и внѣшній характеръ — слово явленіе внутреннее и внѣшнее; тутъ мы имѣемъ наблюденіе умственное, оно очевидно произведеніе первыхъ 2хъ видовъ наблюденія. Что такое усмотрѣніе, перцепція? Чѣмъ оно отличается? Подъ усмотрѣніемъ разумѣютъ иногда простое наблюденіе, а иногда тотъ видъ наблюденія, когда мы текущія внечатлѣнія или наблюденія отдѣльныхъ вещей сравниваемъ съ общими идеями того или другаго класса, иначе говоря, когда мы наблюдаемыя вещи подводимъ подъ классъ вещей; вещи обладаютъ различными качествами, по этимъ-то качествамъ мы ихъ подводимъ подъ классъ. Итакъ подведеніе встрѣчаемыхъ вещей подъ идею класса и будетъ усмотрѣніемъ. Очевидно это видоизмѣненіе того, что называется наблюденіемъ вообще; наблюденіе въ строгомъ смыслѣ обнимаетъ усмотрѣніе всѣхъ сходствъ и разницъ. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, что кромѣ сходства и разницы въ качествахъ вещей мы имѣемъ еще сходства и разницы во времени. Сходство вещей во времени — это существованіе вещей, а разница во времени — преемство. Такимъ образомъ наблюденіе сходства и разницы во времени будетъ наблюденіемъ сосуществованія и преемства

Мы замѣтили, что въ умственныхъ явленіяхъ преобладающимъ элементомъ является идея или чувство, или дѣйствіе. Отсюда ясно основаніе нѣкоторыхъ классификацій умственныхъ явленій на основаніи характера присутствія тѣхъ или другихъ элементовъ; именно есть классы умственныхъ явленій, въ которыхъ присутствіе чувства почти не замѣтно, въ другихъ же это бросается въ глаза присутствіе. Мы начали съ того класса, въ которомъ замѣтно присутствіе чувства; сюда относятся различенія, отождествленія, сравненія, наблюденія, усмотрѣнія или замѣчанія. Всѣ эти умственныя дѣйствія содержатъ въ себѣ весьма ясно отличаемый элементъ чувства, безъ чувствъ согласія, тождества и разницы невозможно происхожденіе этихъ умственныхъ дѣйствій. Сознаніе разницы составляетъ ихъ существенный элементъ, весьма ясно замѣтный. Что такое отождествленіе безъ чувства сходства и что такое такое сравненіе безъ чувства разницы и сходства. Наблюденіе есть также преобразованіе этихъ чувствъ, значитъ безъ чувствъ сходства и разницы обойтись невозможно; присутствіе здѣсь чувствъ или волненій несомнѣнно. Мы должны прибавить, что здѣсь имѣютъ свое мѣсто тѣ умственныя явленія, которыя называются явленіями вниманія. Это есть извѣстная характеристика умственныхъ явленій этого рода, вниманіе это задержка тѣхъ же самыхъ явленій. Дѣйствіе различенія продолженное заключаетъ въ себѣ элементъ вниманія; съ нимъ соединяется нѣчто такое, что придаетъ различенію нѣсколько опредѣленный характеръ, который заключается въ томъ, что процессъ различенія задержанъ, продолженъ, не отличается бѣглостью, не былъ мимолетенъ; продолжительность этого

процесса и сосредоточенность внимания. То же можно сказать относительно процесса сравнения и наблюдения. Внимание образуется интересностью предмета, то есть приятными ощущениями, которыя вызываются актами отождествления и другими более частными примерами наблюдения. Если наблюдение было беглым, мы говорим, что тут не было внимания, или это не сопровождалось вниманием, или, что наблюдение не было внимательно и т. п. Для внимания необходимо продолжение, которое дается лишь отчетливостью сходства и разницы. Можно что нибудь наблюдать, ничего не замечая, можно сравнивать не приходя к замечанию сходства и разницы, которыя отличаются именно благодаря продолжительности, обусловливающейся это явлениями приятного свойства, тем, что называется интересом предмета, таким образом, что действительно ничего нет кроме, кроме влияния приятных чувств или кроме действия закона самосохранения. Это доказывается вовсе не действием внимания. Об этом было говорено при изложении закона самосохранения. Внимание существует во всех предметах, которые вызывают приятныя ощущения. Например, предметы окрашенные, приятные для глаза, свет, блеск и предметы блестящие останавливают на себе внимание. Сами по себе приятные звуки, сочетание приятных цветов и звуков подобно останавливают на себе внимание. Шелест лугов, лазурь неба, волнение моря; обширное и массивное останавливают на себе внимание. Стало быть внимание есть только характеристика явлений, указанных выше. Теперь мы (перейдем) к классу умственных явлений, на которых собственно не останавливается, когда изучаются умственные явления. Это тот класс, где не присутствие чувств, не присутствие действий не замечается, превраща-

Даетъ здѣсь идея или мышленіе. Сюда относится память, припоминаніе, воспоминаніе, забвеніе, представленіе, воображеніе, смыслъ, догадка. Во всѣхъ этихъ умственныхъ явленіяхъ обращаетъ наше вниманіе элементъ чисто умственный — идеи, теченіе идей, такъ что даже элементъ дѣйствія дается, когда онъ будетъ указанъ анализомъ науки. Что же касается элементовъ чувства, то ихъ и замѣтить нельзя, хотя они есть. Когда они (дѣйствія и чувства) принимаютъ характеръ произвольный, то дѣлаютъ это подъ вліяніемъ приятности или непріятности явленіе, можетъ быть очень скрыто, но тѣмъ не менѣе оно есть и вліяетъ и придаетъ пассивному теченію нашихъ идей характеръ дѣйствій, стало быть тутъ есть дѣйствіе, которое не выдается. Начнемъ съ явленій памяти. Что такое память? Опредѣленіе это весьма важно, потому что она составляетъ матеріалъ всѣхъ умственныхъ явленій; это основа всѣхъ умственныхъ операцій. Въ чемъ состоитъ она? Явленіе это было объясняемо весьма различно. Самое простое и грубое опредѣленіе памяти въ древнія времена заключалось въ томъ, что предметы отражаютъ свои формы въ духѣ человѣка. Эти формочки или виды сохраняются, говорили, въ мозгѣ человѣка, и если мы что нибудь припоминаемъ или воображаемъ, то дѣлаемъ это при помощи этихъ самыхъ формочекъ и видиковъ, которые есть въ мозгѣ, въ силу нѣкоторыхъ скрытыхъ процессовъ являются передъ взоромъ души, душа видитъ. Мы замѣчаемъ эту теорію у Демокрита, потомъ у Эпикура, потомъ въ средніе вѣка, и она тянулась, какъ свидѣтельствуетъ Гоббсъ до его времени. Въ началѣ 17-го столѣтія, какъ онъ говорилъ во всѣхъ европейскихъ университетахъ всюду такъ учили, но у Гоббса мы встрѣчаемъ другую теорію, которая заключается въ томъ, что собственно ничего не входитъ въ душу, никакихъ внѣшнихъ

формъ нѣтъ тамъ, а есть только извѣстныя впечатлѣнія, вліянія предметовъ на душу; вліяніе это вызываетъ извѣстныя состоянія въ душѣ и состоянія эти, разъ только они даны, не прекращаются никогда въ душѣ. Все, что разъ испытано человѣкомъ, только ослабляется въ интенсивности, но никогда не утрачивается совершенно. Онъ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе: Когда наступаетъ день, звѣзды перестаютъ быть видимы, однако это не значитъ, чтобы ихъ не было на небѣ, онѣ есть, но только незамѣтны. Также слѣдуетъ думать объ опытахъ прошлыхъ относительно новыхъ, которые какъ солнце затемняютъ прошлые; старые есть, но не примѣтны. Теорія весьма остроумная. Это постоянное присутствіе прошлыхъ опытовъ въ нашемъ сознаніи, которое Гоббсъ защищалъ, потомъ многими было воспроизведено, особенно Гербартомъ психологія котораго основана на утвержденіи, что наши ощущенія, чувства, опыты, впечатлѣнія не исчезаютъ, а постоянно остаются въ духѣ, только затѣмняются. Это выраженіе прямо употребляется Гербартомъ. Но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ они могутъ достигать ясности; тогда мы получаемъ воспоминаніе и проч. Третья теорія памяти, которая теперь дѣлается господствующей въ психологіи, теорія не совершенно новая (она встрѣчается у Плотина) Но въ новѣйшее время этой теоріей мы обязаны Локку и Юму. Едва ли психологи даже обратили бы вниманіе на теорію Плотина, если бы не явилась теорія Локка. Теорія заключается въ томъ, что впечатлѣнія, которыя вызываются предметами суть наши состоянія и, какъ всѣ другія состоянія, не могутъ продолжаться вѣчно; они преходящи, длятся, положимъ нѣсколько секундъ и исчезаютъ; бывали случаи, что впечатлѣнія длятся сутки (особенно въ болѣзненныхъ состояніяхъ)

но какъ бы долго они не длились, раньше или позже они проходятъ. Поэтому говорить, что новые опыты только затемняютъ ихъ, ни съ чѣмъ не сообразно; остроумно, но не доказательно. Стало быть вопросъ сводится къ слѣдующему: если ничего не остается отъ прошлыхъ опытовъ, какъ же мы можемъ вспоминать? Остается, но что остается? Это стало ясно съ открытіемъ законовъ ассоціаціи. Разъ было извѣстное состояніе и остается извѣстный законъ, по которому разъ испытанныя впечатлѣнія возобновляются — больше ничего не нужно. Это было прекрасно разъяснено Броу , все остальное — это гипотезы, которыхъ нельзя найти оправданій ни прямыхъ, ни косвенныхъ, при томъ гипотезы излишнія, потому что разъ мы имѣемъ нѣкоторыя состоянія и законы ихъ возобновленія, этого достаточно, чтобы мы имѣли память. Но необходимо признать, что существуетъ связь между извѣстными физическими состояніями (мозга и нервной системы) и идеями, такъ какъ послѣднія находятся въ зависимости отъ послѣдствій, производимыхъ въ мозгѣ неумѣренностью, болѣзнью, старостью и всѣми случайностями, разрушающими механизмъ человѣка. Стало быть разъ возобновляется идея, возобновляется и ея физическій антецедентъ, иначе говоря, всякое воспроизведеніе даетъ занятіе тѣмъ же частямъ мозга и такимъ же точно образомъ, какъ чувство оригинальное. Но это не даетъ намъ никакого повода матеріализовать даже духъ и изъ него сдѣлать какую то мозаику состояній или образованій, которыя покоятся въ нашемъ духѣ. Довольно и тѣхъ предположеній, которыя мы можемъ сдѣлать на счетъ нашего мозга и нервной системы. Стало быть, какъ въ послѣдствіи

стали говорить Гемильтонъ и Бенъ, память человѣческая ничѣмъ не отличается отъ того, что мы называемъ воспоминаніемъ. Никакой особенной способности удерживать, кромѣ этой способности воспоминанія, не существуетъ. Это не болѣе, какъ произведеніе закона смежности, то есть связи простаго преемства или безусловной и неизмѣнной послѣдовательности. Слѣдовательно кромѣ этой способности нѣтъ никакой другой, отличной и составляющей память. Правда, здѣсь есть много фактовъ, которые даютъ поводъ думать, что нашему воспоминанію предшествуетъ что-то такое, что хранится въ нашемъ духѣ и потомъ поступаетъ въ наше воспоминаніе. Положимъ вы ищете названіе предмета; оно вертится у васъ на языкѣ, но припомнить вы не можете. Вы увѣрены, что память у васъ есть, но вспомнить вы не можете. Такимъ образомъ вы дѣлаете различіе между памятью и воспоминаніемъ; различіе это имѣетъ свое основаніе, потому что существуетъ двѣ формы воспоминанія и одну мы называемъ памятью, а другой формѣ собственно присвоивается названіе воспоминанія. Мы будемъ говорить о памяти. Память есть неотчетливое скрытное воспоминаніе; когда говорятъ о памяти, какъ способности, которая доставляетъ матеріалъ всѣмъ умственнымъ операціямъ, разумѣютъ память въ этомъ смыслѣ. Воспоминаніе, это все наше дневное сознаніе, на сколько въ немъ мы не различаемъ ~~въ немъ~~ отдѣльно никакихъ элементовъ. Когда вы что-нибудь вспоминаете, вы дѣлаете различіе между воспоминаніемъ и вашимъ сознаніемъ. Послѣднее постоянно, а первое нѣчто текущее, преходящее. Сознаніе это сознаніе вашей личности, окружающаго васъ міра, вашего прошлаго, вашей исторіи, вотъ дневное сознаніе, свойственное всей

умственной жизни, фонъ по которому отдѣльно проходятъ воспоминанія, мысли, вымыслы и т. д. Вотъ это сознаніе и есть память, воспоминаніе въ 1мъ смыслѣ слова, какъ матеріалъ всѣхъ умственныхъ явленій. Дѣйствительно ли наше сознаніе есть своего рода воспоминаніе? Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду, что наше сознаніе дневное есть вещь сложная и составляется изъ текущихъ (воспоминаній) впечатлѣній, ощущеній и чувствъ, потомъ изъ всѣхъ текущихъ операцій, затѣмъ (если мы будемъ подвергать анализу наши умственныя операціи) найдемъ тамъ массу идей — вотъ три составные элемента. Этимъ мы все таки не исчерпаемъ нашего сознанія: есть нѣчто очевидно постоянное, постоянный свѣтъ въ нашихъ мысляхъ, — это скрытное воспоминаніе всего нашего прошлаго; это фактъ и фактъ, который мы должны допустить несомнѣнно съ точки зрѣнія ученія о законахъ ассоціаціи. До сихъ поръ мы, когда излагали о законѣ ассоціаціи, излагали функціи законовъ смежности и сходства такъ сказать въ отрывочныхъ примѣрахъ, но если дѣйствительно эти законы вѣрны (а въ этомъ сомнѣваться невозможно), то мы должны получить въ выводы болѣе широкіе. По закону сходства: дѣйствія, ощущенія, мысли или волненія настоящія стремятся оживлять съ ними сходныя состоянія или впечатлѣнія прошлыя. Слѣдовательно представьте себѣ впечатлѣніе, которое вы испытываете пробуждаясь; должно ли оно вызвать у васъ одно вчерашнее впечатлѣніе или и позавчерашнее и т. д. Мы видимъ, что одно впечатлѣніе способно возобновить всѣ прошлые, сходные съ нимъ моменты нашей жизни. Конечно это не можетъ быть возобновлено отчетливо; слѣдовательно это возобновляется неясно — это нѣкоторая полоса свѣта

которая освѣщила до извѣстной степени все ваше прошлое. По закону смежности, разъ дано впечатлѣніе, вслѣдъ за нимъ должно повториться то, что въ прошлыхъ опытахъ за нимъ слѣдовало. Если по поводу вашихъ утреннихъ впечатлѣній, возобновлены всѣ утренніе впечатлѣнія вашей прошлой жизни, то очевидно, разъ они даны вамъ въ идеѣ, какъ къ этимъ идеямъ должны прибавляться другія, возобновляя опыты, которые слѣдовали за утренними, опыты дня, опыты вашего бодрственнаго состоянія. Слѣдовательно, какъ вы не разбираете требованія законовъ ассоціаціи, но вы должны допустить, что по этимъ законамъ ваше индивидуальное существованіе за прошлое время должно каждый день составлять въ неясныхъ чертахъ ваше сознаніе, при томъ постоянное сознаніе, которое не измѣняется потому что мы случайно выбираемъ для примѣра такое-то впечатлѣніе, но роль этого впечатлѣнія можетъ играть всякое другое; слѣдовательно въ теченіи всего дня постоянно должна поддерживаться въ неясности ваша прошлая жизнь и это-то составляетъ фонъ вашего дневнаго сознанія. Это, тотъ свѣтъ, благодаря которому вы различаете, ходите днемъ, какъ говорятъ, который обусловливается своимъ неяснымъ присутствіемъ всѣ дальнѣйшія умственныя операціи. Безъ сомнѣнія, память, разсматриваемая такимъ образомъ, оказываетъ огромную услугу для разсмотрѣнія другихъ умственныхъ операцій яснаго, раздѣленаго характера, - не будетъ нѣкоторымъ преобразованіемъ памяти или того, что дано въ памяти, то есть того, что дано въ нашемъ текущемъ неясномъ сознаніи; и факты, и ученіе о законахъ ассоціаціи не позволяютъ иначе думать, да и потомъ невозможно иначе объяснить, и наше текущее сознаніе, невозможно составлять изъ какихъ нибудь отрывочныхъ операцій

или текущихъ впечатлѣнія, что называютъ сознаніе. Теперь перейдемъ къ воспоминаніямъ въ собственномъ смыслѣ. Мы разсматривали воспоминаніе скрытнаго характера, теперь будемъ имѣть дѣло съ открытымъ, яснымъ, раздѣльнымъ воспоминаніемъ. Воспоминаніе въ этомъ смыслѣ отличается тѣмъ отъ предыдущей формы, что носитъ совершенно пассивный характеръ — возобновленіе нашей прошлой жизни въ идеяхъ совершенно пассивно, между тѣмъ какъ то, что называютъ собственно воспоминаніемъ, это ясное и отчетливое воспроизведеніе прошлыхъ опытовъ, воспроизведеніе, которое имѣетъ нѣкоторый дѣятельный характеръ [т. е. съ нимъ связаны нѣкоторыя дѣйствія]. Чѣмъ доказывается присутствіе дѣятельнаго элемента? Тѣмъ что воспоминанія идутъ не совершенно случайно, т. е. не просто по законамъ ассоціаціи безъ всякаго вліянія закона нашей дѣятельности, закона самосохраненія. Воспоминанія наши мы удерживаемъ въ ихъ теченіи, опредѣляемъ вѣрны-ли онѣ или не вѣрны, измѣняемъ ихъ направленіе, если оказываемся, что онѣ не вѣрны, словомъ мы управляемъ ими, управленіе это основано на законѣ самосохраненія. То, что дано намъ въ нашихъ воспоминаніяхъ, какъ ясное и отчетливое теченіе идей, въ которыхъ воспроизводится наше прошлое, это самое въ нашихъ чувствахъ постоянно встрѣчается съ тѣмъ, что мы называемъ памятью, т. е. неяснымъ возобновленіемъ нашего прошлаго, въ этомъ пассивномъ возобновленіи прошлаго дано все, здѣсь дается немного, какой-нибудь одинъ моментъ нашего прошлаго существованія, но дано теченіе этихъ идей, открытыхъ идей, которыя мы ясно отличаемъ одну отъ другой, какъ различаемъ ихъ порядокъ. Это теченіе идей мы повѣряемъ съ тѣмъ, что дано намъ въ нашей памяти; какъ скоро мы находимъ это теченіе не соотвѣтствующимъ съ теченіемъ памяти, мы поправляемъ его. Слѣдовательно есть чувство соотвѣтствія или несоотвѣтствія текущихъ ощущеній съ нашей памятью; чувство соотвѣтствія — чувство пріятное, а чувство несоотвѣтствія — чувство непріятное. Первое задерживаетъ воспоминаніе, второе дѣйствуетъ обратно, слѣдовательно сюда приводятъ контроль, дѣйствіе; воспоминаніе есть уже

извѣстная операція, а не просто пассивное теченіе идей. Отчего зависитъ достоинство воспоминанія? Воспоминаніе безъ всякаго сомнѣнія есть отраженіе того, что дано въ нашей памяти; если въ нашей памяти отражаются невѣрно прошлые опыты, то и въ нашихъ отчетливыхъ воспоминаніяхъ они не могутъ отражаться вѣрно. А чѣмъ обусловлено вѣрное отраженіе всей нашей памяти? Степенью вниманія къ текущимъ опытамъ. То, на чемъ мы останавливались дольше, что разсматривали съ большимъ вниманіемъ, то отражается вѣрнѣе. Затѣмъ вѣрность опредѣляется степенью повторенія опыта. Опыты, которые испытываются повторительно, возстановляются въ нашей памяти легче, а слѣдовательно и въ нашихъ воспоминаніяхъ. Затѣмъ достоинство нашей памяти, какъ и воспоминанія зависитъ отъ характера ассоціаціи, такимъ образомъ при нѣкоторой сложности ассоціаціи память наша вѣрнѣе, воспоминаніе правильнѣе, болѣе отвѣчаетъ нашимъ опытамъ. Что это за сложность? Это можно объяснить такимъ образомъ: если мы имѣемъ одно какое-нибудь впечатлѣніе, то оно по закону смежности, или по закону сходства въ отношеніи къ умственнымъ воспроизведеніямъ имѣетъ изложенныя выше послѣдствія. Теперь спрашивается какъ бы будутъ послѣдствія умственнаго воспроизведенія, если мы имѣемъ въ настоящую минуту два или болѣе состоянія духа, работающія по закону смежности или сходства въ одномъ и томъ-же направленіи. Опытъ показываетъ, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого сложнаго дѣйствія будетъ облегченіе воспоминанія. Законъ сложной ассоціаціи формулируется слѣдующимъ образомъ: прошлыя дѣйствія, ощущенія, мысли или волненія вызываются легче по смежности или сходству, когда стоятъ въ ассоціаціи болѣе чѣмъ съ однимъ настоящимъ предметомъ или впечатлѣніемъ. Значитъ количество ассоціирующихъ предметовъ можетъ замѣнить качество. Вызовъ въ памяти мѣстностей основанъ на этой кооперацiи впечатлѣній и идей. Положимъ намъ надобно замѣтить домъ, который мы въ первый разъ видимъ, въ которомъ живетъ нашъ пріятель мы

Мы можемъ обратить вниманіе на зданіе и этимъ ограничиться, но въ такомъ случаѣ намъ легче будетъ впослѣдствіи ошибиться, а если-бы мы при этомъ взглянули на противоположный домъ вообще на окружающіе предметы, то связали-бы внѣшность дома гораздо лучше для воспроизведенія. Здѣсь нашей памяти помогаютъ осложненныя ассоціаціи. Сложныя ассоціаціи могутъ смѣнять повторенныя простыя. Затѣмъ нашей памяти много помогаетъ дѣйствіе закона сходства, на которомъ основаны почти всѣ пріемы такъ называемой мнемоники. Собственно говоря припоминаніе есть дѣйствіе закона смежности. Мы припоминаемъ вещи, которыя шли однѣ за другими, но если мы къ дѣйствію закона смежности прибавимъ дѣйствіе закона сходства, то можемъ получить весьма важныя и иногда даже изумительныя улучшенія. Такимъ образомъ при изученіи вокабулъ легче будетъ припомнить, если мы вокабулы, имѣющія одни конечные слоги и вокабулы съ одними начальными слогами свяжемъ между собою такъ, чтобы они составляли стихи — потому что мы такимъ образомъ свяжемъ изъ сверхъ смежности еще представленіемъ общаго всѣмъ имъ метра. Точно также наши историческія воспоминанія бываютъ почти всегда сложны; главная нить вспомоществуется побочными событіями, періодомъ, лицами, связями и ассоціаціями. Мы связываемъ здѣсь по смежности и по сходству. Чтобы припомнить какой-нибудь значительный рядъ событій для насъ были-бы полезны соотвѣтствующія ассоціаціи съ лицами, мѣстами, замѣчательными событіями, случайными совпаденіями. Такимъ образомъ мы дѣйствіемъ закона сходства облегчаемъ себѣ воспоминаніе по смежности. Стихи лучше запоминаются, чѣмъ проза, конечно этому благопріятствуетъ въ 1-хъ однообразіе метра, во 2-хъ) риѳма (гдѣ это допускаетъ языкъ); здѣсь опять дѣйствіе закона сходства. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ-же законъ при нѣкоторой неосторожности можетъ вводить насъ въ ошибки, напр. сюда относятся такъ называемыя скачки изъ однихъ воспоминаній въ другія, или, напримѣръ, скачекъ изъ одного

урока въ другой при повтореніи школьныхъ уроковъ. Доходя въ одномъ урокѣ до какого-нибудь мѣста, какое есть въ другомъ, ученикъ продолжаетъ другой. Это случается обыкновенно съ воспитанниками, не отличающимися способностями, потому что у нихъ сравнительно мало контроля; значеніе этого контроля можно видѣть въ игрѣ на роялѣ; играющій еще не сдѣлавъ ошибки [которую онъ сейчасъ-же сдѣлаетъ] уже чувствуетъ, что сдѣлалъ ее. Контроль можетъ ничего не дѣлать при быстротѣ, но тамъ гдѣ это возможно, онъ дѣйствуетъ съ успѣхомъ. Теперь перейдемъ къ припоминанію. Тутъ собственно отличій большихъ нѣтъ: припоминаніе тоже воспоминаніе, но затрудненное; когда мы говоримъ о воспоминаніи, мы имѣемъ въ виду операціи, при которыхъ не чувствуется трудъ; когда мы при тѣхъ-же условіяхъ чувствуемъ усиліе, трудъ, тогда мы воспоминаніе называемъ припоминаніемъ. Что обусловливаетъ это усиліе, что превращаетъ воспоминаніе въ припоминаніе? Одно изъ самыхъ выдающихся явленій. Это забвеніе. Мы забыли и никакъ не можемъ вспомнить, но усиливаемся и съ трудомъ вспоминаемъ; а что значитъ, мы забыли? Забвеніе имѣетъ разные виды: есть забвеніе вещей, которыя никогда не могутъ снова сдѣлаться предметомъ воспоминанія, мы ихъ забываемъ навсегда и безусловно; это зависитъ отъ того, что, чтобы что-нибудь Вы припомнили ясно, раздѣльно, отчетливо, требуется, какъ мы замѣтили присутствіе многихъ условій, между прочимъ, вниманія, яснаго наблюденія; если наблюденія были спутаны, неясны, то какъ мы можемъ получить ясное воспоминаніе? но во всѣхъ нашихъ наблюденіяхъ, какъ-бы онѣ не были ясны раздѣльны, ясными и раздѣльными бываютъ обыкновенно нѣсколько пунктовъ, которые всегда окружены неясными. Когда мы замѣтили разницу между двумя предметами, мы сверхъ того замѣчали много, но то осталось неяснымъ въ нашихъ наблюденіяхъ; тамъ ни какихъ сходствъ и разницъ не выступило, такъ какъ не было необходимой интенсивности въ нашихъ наблюденіяхъ.

В нашей памяти смутно сохранится результатъ этого наблюденія, мы помнимъ, что наблюдали больше, чѣмъ тѣ, средства и задачи, которыя задавали, мы помнимъ фазе направленіе наблюденія, но матеріала не помнимъ. Во время самаго наблюденія было, кажется, ясно все, что подлежало наблюденію, но какъ скоро это сдѣлалось нашимъ прошлымъ опытомъ, мы припоминаемъ только какую-нибудь незначительную часть, непосредственно относящуюся къ задачѣ или средствамъ. Но затѣмъ есть причина трудности воспоминанія въ самыхъ фактахъ законовъ ассоціаціи. Фактъ одного закона смѣетъ парализовать фактъ другого. Допустимъ, напримѣръ, что фактъ закона средствъ смѣетъ повредить фактъ закона воображенія (творческой ассоціаціи, въ силу котораго будетъ имѣть способность обнаруживать комбинаціи, отличныя отъ всѣхъ, представленныхъ намъ въ теченіи опыта). Или фактъ закона самосохраненія смѣетъ вредить фактамъ законовъ ассоціаціи, и фазе работы фактовъ одного и того же закона напр. смѣтливости, смогутъ вредить одна другому. Есть забвеніе, при которомъ мы въ состояніи вспомнить то, что забыли, если въ данную минуту намъ это смѣетъ быть и не удается. Если это результатъ великой числа подобныхъ характеровъ, то здѣсь мы имѣемъ совмѣстимую работу законовъ ассоціаціи — смѣтливости въ тѣсномъ направленіи, при которомъ мы смѣемъ получить забытую вещь или слово. Обыкновенно это представленіе такъ, что то, что фактъ есть въ памяти, смѣетъ пробить равнительныя тѣ, которыя мы забыли названіе города; такъ мы помнимъ и вспомнимъ несомнѣнно назвать, какъ кажется, чтобы этому названію мы смѣемъ подойти по смежанію близкихъ путей; тѣ, которые мы называемъ ассоціаціи этого термина съ какими-нибудь другими вѣдомыми. Чтобы мы подошли къ нему, надо точно имѣть ассоціацію, въ которыя онъ входитъ связанъ съ другими. Это единственный путь; такъ надо не удается на него попасть, мы не вспомнимъ названія. Какимъ образомъ, что мы вспомнимъ, чтобы припомнить? По нѣкоторому сродству и нѣкоторой отдаленной

смежности мы начинаемъ пробовать возобновить забытое. Положимъ мы знаемъ, что произносили искомый терминъ въ присутствіи такихъ-то лицъ или въ такихъ-то мѣстахъ и наконецъ припоминаемъ такія-то рѣчи, выраженія, изреченія, въ которыхъ встрѣчается это слово. Разъ подобныя обстоятельства, мѣсто, время, личность, выраженіе оказались таковыми, что они привели насъ къ тѣмъ ассоціаціямъ, въ которыхъ названіе это стоитъ, мы припоминаемъ. Слѣдовательно причина забвенія заключается въ томъ, что текущая наша ассоціація не привела нашу мысль къ тѣмъ предметамъ, которые прямо привели-бы къ забытымъ. Строеніе нашего мозга можно пожалуй сравнить съ тѣмъ, что называютъ тканью; тамъ каждая часть имѣетъ свое мѣсто и добраться къ извѣстной точкѣ можно только извѣстными путями, именно тѣми, которые прямо къ ней приводятъ; иначе невозможно. Точно также и память только извѣстными путями можно привести къ воспоминанію. Теперь, что такое эти умственныя явленія, которыя называются представленіями? Почему мы обыкновенно употребляемъ терминъ идея, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣмецкіе психологи употребляютъ терминъ представленіе. Мы уже объяснили, потому что терминомъ идея, мысль мы хотимъ выразить тоже самое, что образъ. Это явленіе пассивнаго характера; что-же касается термина представленіе, то онъ тѣмъ только отличается отъ термина идея, что къ указанному пассивному состоянію приходитъ дѣйствіе, что мы не только имѣемъ нѣкоторую копію извѣстнаго состоянія, но и воспроизводимъ, рисуемъ прошлое состояніе. Возьмите различіе между идеей круга и представленіемъ его; разница та, что чтобы имѣть идею круга, вовсе не нужно чертить въ мысляхъ кругъ. Однако я могу и чертить въ мысляхъ кругъ; тогда я уже представляю его. Представленіе отличается, стало быть, только тѣмъ, что къ пассивному состоянію приходитъ работа, что мы не только получаемъ очеркъ вещи, но дѣлаемъ очертаніе вещи, т. е. воспроизводимъ ее путемъ умственнаго дѣйствія. Подъ представленіемъ иногда-

разумѣютъ всякую умственную операцію [напр. у Канта]; это слѣдовательно терминъ нѣмецкой психологіи. Разумѣя такимъ образомъ представленіе, какъ умственную операцію вообще, мы ничего не можемъ къ этому прибавить, но подъ представленіемъ разумѣются иногда элементы всѣхъ умственныхъ операцій. Всякое умственное дѣйствіе можетъ быть разложено на нѣкоторые элементы; послѣднимъ элементомъ окажется наше представленіе; представленіе, значитъ, весьма мало отличается отъ идеи. Разница только въ томъ характерѣ, который отличаетъ дѣйствіе отъ состояній пассивныхъ, въ идеи нѣтъ дѣйствія, слѣдовательно отношеніе идей къ представленію [въ смыслѣ элемента] можно опредѣлить такъ, что представленіе это дѣятельная идея или активная, а идея это пассивное представленіе. Обыкновенно, когда въ германской психологіи трактуютъ о представленіи, то имѣютъ въ виду состояніе пассивное, т.е. этимъ терминомъ обозначаетъ идея. Само собой разумѣется, что удобнѣе прямо брать терминъ идея, какъ не заключающій въ себѣ никакого излишка значенія, который есть въ терминѣ представленіе. Перейдемъ къ 3-му виду того-же класса умственныхъ явленій — къ явленіямъ воображенія. Подъ воображеніемъ мы разумѣемъ способность, называемую творчествомъ, способность создавать нѣчто новое, не встрѣчавшееся въ опытѣ. Замѣтимъ прежде всего, что когда мы употребляемъ эти термины памяти, воспоминанія, воображенія, то понимаемъ ихъ въ нѣсколькихъ смыслахъ. Если-бы захотѣли исчерпать всѣ смыслы этихъ словъ, то и конца-бы этому не было. Слѣдовательно надо всегда ограничить смыслъ термина. Во 1-хъ воображеніе мы не отдѣляемъ отъ фантазіи, во 2-хъ подъ нимъ мы разумѣемъ вообще такъ называемую творческую ассоціацію, но можно ихъ раздѣлить на 2 вида, одинъ назвать воображеніемъ, другой — фантазіей. Изъ прежнихъ опытовъ, повторенныхъ нами въ идеѣ, мы можемъ создавать какую-нибудь новую идею, идею опыта, котораго мы не испытывали въ дѣйствительности, идею предмета, котораго не встрѣчали. Вотъ эти ассоціаціи, которыя даютъ намъ новость и называются творческими, производительными ассоціаціями, способность, которая выражается въ нихъ, называется воображеніемъ, фантазіей

Объ этихъ ассоціаціяхъ у насъ и будетъ рѣчь подъ именемъ воображенія. Прежде всего замѣтимъ, что творчество наше имѣетъ весьма различныя степени удаленія отъ дѣйствительности. Въ нѣкоторыхъ творческихъ ассоціаціяхъ есть нѣкоторыя новости, однако еще больше повторенія нашихъ прошлыхъ опытовъ; въ другихъ творческій элементъ преобладаетъ надъ тѣмъ, что было намъ извѣстно изъ прошлыхъ опытовъ, а въ нѣкоторыхъ такъ много этого элемента, что мы не вдругъ можемъ угадать откуда взялся матеріалъ для творчества. Чтобы объяснить это дѣло и представить его яснѣе, начнемъ съ простѣйшихъ видовъ дѣйствія воображенія. Это тѣ простыя формы творчества, которыя мы наблюдаемъ въ преобразованіяхъ нашихъ чувствъ, идей и дѣйствій, преобразованіяхъ нѣсколько уклоняющихся отъ того, что мы испытали, что дѣлаетъ ихъ такимъ образомъ для насъ новостью. Въ области чувствъ творчество весьма распространено: намъ очень часто приходится создавать чувство, создавать конечно, изъ элементовъ, которые намъ даны были въ опытѣ, но придавая этимъ элементамъ какой-нибудь новый характеръ, который намъ изъ опыта неизвѣстенъ. Такимъ образомъ возьмемъ построеніе ощущеній, вообще чувствъ удовольствія и страданія. Много нами испытано въ этомъ отношеніи; но весьма часто намъ приходится создавать опыты въ этомъ родѣ, которыя нами испытаны не были, напр. мы испытали тѣ или другія ощущенія при извѣстной степени интенсивности или объема; по обстоятельствамъ намъ приходится создать въ нашемъ умѣ ощущеніе новаго объема или интенсивности. Положимъ намъ приходилось ощущать страданіе, теперь у насъ новое условіе, которое значительно увеличено въ сравненіи съ первымъ; въ соотвѣтствіи съ нимъ мы и создаемъ новое ощущеніе, по интенсивности вдвое, или втрое превосходящее то, что мы испытали. Намъ приходилось дѣлать маленькій порѣзъ ножемъ и испытать чувство боли. Теперь мы наблюдаемъ большую рану, сдѣланную острымъ оружіемъ, естественно, что мы никакъ не можемъ думать, чтобы эта рана вызвала только то страданіе, которое мы испытали при маленькомъ порѣзѣ. Нашемъ умѣ при видѣ этого новаго условія, мы сейчасъ-же создаемъ новую идею, мы не испытали этого страданія, однако-жъ оно намъ понятно, мы его ожидаемъ, предполагаемъ, не можемъ не думать, чтобы оно настолько не было сильнѣе того, что мы испытали, насколько эта рана больше нашего порѣза.

Издатели: Тюриковъ и Крыловъ.

При измѣненіи извѣстныхъ условій, дѣятельность которыхъ возрастаетъ, мы тотчасъ же получаемъ способность увеличивать интенсивность вызываемыхъ этими условіями чувствъ. Конечно количественное отношеніе не поддается точному вычисленію, но такое соотношеніе несомнѣнно есть и при этомъ мы замѣчаемъ, что умѣемъ построить извѣстное чувство, которое было нами испытано, но не въ такой интенсивности. Такимъ же образомъ человѣкъ создаетъ себѣ и удовлетворяя. Положимъ кто нибудь сдѣлалъ пріобрѣтеніе, получивъ маленькую сумму денегъ при извѣстныхъ условіяхъ, которыя ему пріятны. Слѣдовательно построяя въ умѣ большія суммы 2, 3, 100 разъ больше человѣкъ вмѣстѣ съ этимъ измѣняетъ чувства, которыя возрастаютъ въ интенсивности въ той же пропорціи какъ это построяется? По законамъ ассоціаціи это сложная работа закона сходства, смежности и закона самосохраненія. Мы постоянно построяемъ чувства, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности, однако тутъ нѣтъ никакихъ новыхъ элементовъ, - все это изъ нашихъ прежнихъ опытовъ. Какъ бы ни отличались отъ данныхъ опыта результаты творческой ассоціаціи, тѣмъ не менѣе умственныя силы, работающія въ произведеніи, суть тѣ же самыя и ассоціаціи, которыя мы разсматривали выше. Законы творчества выражаются слѣдующимъ образомъ: въ силу ассоціаціи духъ имѣетъ способность образовать комбинаціи или аггрегаты, отличные отъ всѣхъ представлявшихся ему въ теченіи опыта. Мы прослѣдимъ наше творчество въ внѣшнихъ ощущеніяхъ и въ области духовныхъ волненій. Въ механическомъ пріобрѣтеніи мы также комбинируемъ движенія въ новыя группы. Теперь, прежде чѣмъ идти дальше, повторимъ, что какъ бы мы далеко не шли въ нашемъ умственномъ творчествѣ, мы отыщемъ, что всякая идея, если только оно не первичная и не элементарная, создана изъ другихъ идей; абсолютнаго творчества нѣтъ. На этомъ основаніи психологи отрицаютъ теорію врожденныхъ идей. Если всѣ сложныя идеи сводятся къ

простымъ, то и рѣчи быть не можетъ о врожденныхъ (это основное и революціонное положеніе, которое Локкъ выставилъ противъ Декарта и идеализма въ трактатѣ „Объ умѣ" (Essay concerning human-understanding) Но какъ же мы создаемъ изъ нѣсколькихъ идей новую идею, въ которой мы не сразу, а только приглядѣвшись внимательно, замѣчаемъ прежніе опыты? Напр. откуда взялась идея золотой горы? Золотой горы никто не видалъ, или, напримѣръ, идея мраморнаго дворца, — его могли видѣть, но не всѣ. Почему мы можемъ воображать золотую гору? Потому что въ составѣ этого нѣтъ никакой идеи новой; имѣя идею горы и идею золота мы или къ идеѣ горы можемъ прибавить золото или обратно. Въ народной поэзіи, въ какихъ нибудь арабскихъ сказкахъ, есть масса подобныхъ идей, которыя на первый разъ поражаютъ и заставляютъ думать, что у человѣка есть особенная способность создавать въ умѣ такія идеи, но нѣтъ — всѣ эти идеи, даже самыя фантастическія въ концѣ концовъ создаются изъ какихъ нибудь опытовъ, которые нами были раньше сдѣланы. Въ данномъ случаѣ (золотая гора) связь двухъ идей дана въ связи двухъ словъ, откуда мы получаемъ сложную идею. Возьмите идею мраморнаго дворца; какъ могла родиться эта мысль у перваго, положимъ у того, кто построилъ такой дворецъ? Идея дворца была, идея мрамора также; понятно, что вмѣсто того, чтобы сочетать идею дома съ идеей дерева, можно было сочетать ее съ идеей мрамора. Теперь разсмотримъ творчество въ области дѣйствія; намѣренія наши весьма часто бываютъ воспроизведеніемъ нашихъ дѣйствій, но еще чаще нѣкоторымъ творчествамъ въ области дѣйствія; очень часто приходится намъ, затѣвая что-нибудь въ мысляхъ, приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ, а это приспособленіе ведетъ насъ къ новымъ намѣреніямъ. Какимъ образомъ мы въ данномъ случаѣ творимъ? Конечно, въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами и по руководству нашихъ прежде-

нихъ опытовъ. Если мы къ прошлому опыту прибавимъ по закону сходства и по требованію обстоятельствъ что нибудь изъ другихъ нашихъ опытовъ, то можемъ получить такую новость, которая намъ впервые пришла въ голову, и которая будетъ отлична отъ всѣхъ предшествующихъ опытовъ. Такимъ образомъ тутъ мы имѣемъ творчество опять таки изъ нашихъ прежнихъ опытовъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же законовъ.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ сложнымъ видамъ воображенія, сложнымъ построеніямъ. Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что наше пониманіе рѣчи другихъ людей, заключаетъ въ себѣ значительный элементъ творчества въ особенности, если дѣло касается какихъ нибудь описаній, изображеній. Въ нашей рѣчи мы даемъ извѣстное сочетаніе понятій, сочетаніе отвлеченныхъ, абстрактныхъ вещей; но сочетавая ихъ извѣстнымъ образомъ мы способны вызвать вполнѣ конкретную идею предмета. Такимъ образомъ мы переводимъ абстрактную идею въ вполнѣ конкретное представленіе. Пониманіе другихъ людей требуетъ такимъ образомъ извѣстнаго творчества. Поэтому-то мы и видимъ при разсказахъ, что одинъ испытываетъ иное впечатлѣніе, чѣмъ другой, смотря по тому на сколько онъ способенъ къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ. У одного возсоздается событіе такъ живо, какъ будто онъ самъ былъ свидѣтелемъ его, а у другаго, который не обладаетъ живостью и творчествомъ, разсказъ не вызвалъ такихъ живыхъ образовъ. Значитъ, когда мы слушаемъ другаго, мы всегда болѣе или менѣе творимъ, переводя сочетаніе абстрактныхъ элементовъ въ сочетаніе конкретныхъ. Первые по сходству напоминаютъ конкретные; общія понятія напоминаютъ индивидуальные предметы, изъ которыхъ оно было сформировано. Если въ сочетаніи абстрактныхъ элементовъ на ихъ мѣсто ставятся конкретные, то мы получаемъ конкретныя представленія. Положимъ вы не видали льва, вамъ кто нибудь въ первый разъ

описываетъ это животное, отмѣчая его фигуру, форму туловища и т. д. Льва мы не видѣли, но мы хорошо понимаемъ значеніе каждаго отдѣльнаго термина; голову мы видѣли; форму мы можемъ себѣ представить; гривы такой формы не видали, но гриву вообще видѣли. Понятіе цвѣта и формы для насъ доступно; разъ данные конкретные элементы поставлены въ связь съ абстрактными, мы ставимъ ихъ на мѣсто послѣднихъ и получаемъ вмѣсто абстрактной схемы живое представленіе. Разница представленій зависитъ отъ живости конкретныхъ идей, какія у кого есть. У однихъ онѣ отличаются живостью, у другихъ же нѣтъ. Поэтому одинъ на мѣсто абстрактной схемы подставитъ блѣдныя краски, другой весьма живыя.

Другой видъ сложнаго творчества встрѣчается въ гипотезахъ. Въ большинствѣ гипотезъ мы дѣлаемъ построеніе, творимъ возьмемъ гипотезу, которая повидимому, наименѣе заключаетъ въ себѣ этотъ элементъ — въ постановкѣ вопроса о причинной связи. Мы разбираемъ предъидущія и послѣдующія, намъ нужно опредѣлить стоитъ ли извѣстная вещь въ зависимости отъ такого то предъидущаго? Вопросъ показываетъ, что мы не встрѣчали фактовъ, въ которыхъ видна бы была связь предъидущаго съ послѣдующимъ; но здѣсь элементы даны, творчество заключается только въ нѣкоторомъ сочетаніи этихъ элементовъ, которое требуется доказать, слѣдовательно, которое вы въ опытѣ не встрѣчали. Это самый простой видъ творчества, между тѣмъ есть такія гипотезы, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ творчества. Таковы гипотезы мешафизическія, — мешафизика всегда есть произведеніе умственнаго творчества. Возьмите атомъ Демокрита (Демокритъ признаетъ однородность всѣхъ тѣлъ и представляетъ себѣ всю матерію, какъ бы раздѣленной на безконечное число недѣлимыхъ частицъ — ἄτομα, которыя при этомъ

не суть математическія точки, ибо вещь не имѣющая протяженія есть ничто) - это воображеніе, потому что на него (на атомъ) всѣ вещи дѣлятся, а онъ самъ недѣлимъ, безконечно малъ; безконечныхъ вещей мы не встрѣчаемъ въ опытѣ. Зашѣмъ мы никогда не въ состояніи достигнуть такихъ предѣловъ дѣленія, какъ мелко не дѣлите, но вамъ всегда будетъ понятно, что при болѣе тонкой способности дѣленія можно продолжить его. Съ другой стороны возьмите какую нибудь[xxx] монаду Лейбница; это тотъ же преобразованный атомъ; если мы у атома Демокрита отнимемъ свойства тяжести и фигуры, а напротивъ придадимъ ему душу, то онъ будетъ существомъ чувствующимъ и живымъ. Тутъ мы имѣемъ простое преобразованіе въ предѣлахъ, которые еще менѣе подлежатъ преобразованію, чѣмъ атомы Демокрита, ибо мы обработываемъ атомы Демокрита, отнимая у него матеріальныя свойства и придавая психическія. Или возьмите, напр. идею Платона; съ его точки зрѣнія не только чувственныя воспріятія, но общія понятія соотвѣтствуютъ реальностямъ. Эти реальности, эти объекты нашихъ понятій онъ называетъ идеями. Это отнюдь не фактъ, а только умственное творчество, объясняемое законами смежности и сходства надъ вліяніемъ нѣкоторыхъ чувствъ.

Теперь перейдемъ къ новому виду творческихъ ассоціацій, такъ называемымъ эстетическимъ ассоціаціямъ, въ которыхъ въ особенности замѣтна кромѣ, конечно, дѣйствія

---

xxx Гдѣ дѣйствіе, тамъ и дѣйствующая сила, но дѣятельность присуща всѣмъ вещамъ, всякая составляетъ особый центръ дѣятельности, слѣдовательно здѣсь столько же простыхъ, недѣлимыхъ, первичныхъ силъ, сколько вещей. Эти первичныя силы или монады отличаются отъ физической точки - тѣмъ, что онѣ непротяженны, а отъ математической тѣмъ, что имѣетъ объективную реальность.

законовъ ассоціаціи, работа чувствъ, слѣдовательно закона самосохраненія. Всякое волненіе, вызванное въ извѣстной сильной степени, становится принципомъ творчества не само, конечно, по себѣ, а въ силу того вліянія, которое называется закономъ самосохраненія. Возьмите волненія страха, гнѣва, нѣжности или любви и другія волненія нравственно-эстетическія; непремѣнно вы увидите, что разъ даны эти волненія, тотчасъ же все теченіе идей или всѣ ассоціаціи принимаютъ свой особенный характеръ, преобразуются и при томъ согласно характеру волненія. Это отличительное свойство волненій, что они преобразуютъ ассоціаціи; возьмите, напримѣръ, волненіе гнѣва; въ сильномъ волненіи гнѣва ассоціаціи принимаютъ гнѣвный характеръ. Въ идеяхъ, въ которыхъ вызывается гнѣвъ, выплываетъ наружу все раздражительное, что раньше накопилось въ душѣ; если разъ прорвался гнѣвъ на кого нибудь, то все что было гнѣвнаго противъ этого лица, все выплываетъ наружу, высказывается, какъ говорятъ, все припоминается до мельчайшихъ подробностей и бываетъ высказано. Откуда берутся эти ассоціаціи гнѣвнаго характера; они берутся конечно по законамъ смежности и сходства. Впечатлѣнія по закону сходства вызываютъ въ идеяхъ сходныя впечатлѣнія съ ними прошлыя; но вотъ вамъ данъ гнѣвъ противъ лица, онъ будетъ, какъ и всякое другое впечатлѣніе, вызывать прошлыя впечатлѣнія. Какія? Сходныя съ нимъ. Такъ какъ наши волненія способны ускорять теченія идей, то съ особенной быстротой всѣ эти родственные опыты возобновляются въ душѣ и высказываются въ словахъ. Волненіе нѣжности точно также имѣетъ свою особенность создавать картины нѣжности, вызывая всю массу нашихъ волненій, такъ что въ извѣстномъ припадкѣ волненія нѣжности человѣкъ способенъ въ порывѣ чувства припомнить всѣ тѣ милыя отношенія, обстоятельства и рѣчи, которыя когда то вызывали чувства нѣжности или любви. Почему? По сходству; одно впечатлѣніе вызвало предшествовавшее, однородное съ нимъ безъ всякаго сомнѣнія, если вы вглядитесь во всю эту массу ассоціацій, тутъ мо-

жетъ оказаться столько преувеличеннаго, (потому что, что было прежде отдѣльно, то собирается заразъ) столько прелестнаго, сколько на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Значитъ приданъ новый творческій характеръ, прикрашивающій предметъ, точно также какъ въ гнѣвныхъ ассоціаціяхъ характеръ односторонній, рисующій предметъ противнымъ. Возьмите теперь волненіе страха. Страхъ способенъ, даже долженъ, вызвать прежнія впечатлѣнія страха съ тѣми идеями объектовъ, которыя вызвали его, слѣдовательно долженъ дать цѣлую массу идей устрашающихъ. Это дѣлается по тѣмъ же самымъ вышесказаннымъ законамъ. При этомъ быстромъ теченіи идей устрашающихъ въ цѣломъ аггрегатѣ могутъ выходить такія вычурныя ассоціаціи, которыя придаютъ совершенно новый характеръ ассоціаціямъ. Страхъ это тоже одна изъ способностей творчества. Страху мы безъ сомнѣнія обязаны весьма многимъ въ нашихъ народныхъ повѣріяхъ, суевѣріяхъ и т. д. „У страха глаза велики," такъ что человѣкъ испуганный кустъ можетъ принять за волка или сіяніе луны за покойника. Какъ это дѣлается? Конечно очень просто. Разъ возбуждено чувство страха, все наиболѣе страшное вызывается, конечно, каждымъ предметомъ, который подаетъ поводъ къ страху, или неизвѣстнымъ предметомъ. Такъ точно бываетъ съ покойниками, которые кажутся тамъ, гдѣ въ темнотѣ замѣчается полотенце, простыня, полоса свѣта. Подъ вліяніемъ разговоровъ о покойникахъ не только дѣти, но и взрослые часто боятся войти въ темное мѣсто. Затѣмъ тутъ можетъ вліять впечатлѣніе недавнихъ похоронъ. Слѣдовательно есть чувство страха, которому есть поводъ при разныхъ условіяхъ вызывать идеи вещей а въ особенности обстоятельствъ, которыя случились недавно. Страхъ вызываетъ устрашающій образъ. Потому полоса лунного свѣта можетъ дѣйствительно вызвать образъ покойника — иллюзія, которая объясняется весьма просто работой чувствъ совмѣстно съ работой законовъ ассоціаціи. Теперь перейдемъ къ тѣмъ ассоціаціямъ, которыя мы видимъ въ поэтическимъ

міровоззрѣніяхъ философскихъ и народныхъ. Мы обязаны этими воззрѣніями въ принципѣ тѣмъ же законамъ Возьмите, напримѣръ, Эмпедоклово ученіе о томъ, что въ природѣ дѣйствуютъ двѣ силы - Любовь или начало соединенія и Раздоръ или начало разъединенія. Въ началѣ Любовь объединяла элементы и составило изъ нихъ одно сферическое тѣло, затѣмъ явился Раздоръ и раздѣлилъ ихъ. Какимъ образомъ этотъ философъ могъ придти къ такой системѣ? Нѣтъ надобности придумывать для этого какой нибудь способности, - дѣло объясняется ассоціаціей. Если у него было чувство любви, и если оно было господствующимъ (а это можно заключить изъ его біографіи - филантропія составляла преобладающую черту его характера), то мы найдемъ объясненіе психологическому происхожденію этой системы; гдѣ высказывается нѣжность? Въ союзѣ любви; что составляетъ противоположность этого союза? Раздѣленіе. Любовь соединяетъ, ненависть разъединяетъ. Достаточно было въ природѣ замѣтить этотъ фактъ соединенія и раздѣленія, чтобы подъ вліяніемъ этого волненія перенести на это раздѣленіе и соединеніе самое условіе ихъ существованія, которое наблюдается въ фактѣ любви; именно силѣ соединяющей придать характеръ любви, силѣ разъединяющей придать характеръ ненависти. Вотъ вамъ природа является въ двухъ силахъ - любви и ненависти, которыя производятъ всѣ соединенія и раздѣленія, которыми объясняются всѣ соединенія и раздѣленія. Вотъ другой примѣръ, конечно грубѣе этого философскаго, но за то болѣе объясняющій намъ дѣло. Возьмите міровоззрѣнія первобытныхъ людей, именно тѣ міровоззрѣнія, въ которыхъ не замѣчается никакихъ опредѣленныхъ философскихъ воззрѣній, но въ которыхъ мы чувствуемъ нѣчто предшествующее этимъ міровоззрѣніямъ, именно тѣ міровоззрѣнія, по которымъ небо, земля, вся природа представляются существами чувствующими, дѣйствующими, олицетворенными. Какъ это дѣлается? На основаніи тѣхъ же самыхъ ассоціацій. Небо, которое посылаетъ свѣтъ,

тепло и дождь, земля, которая благодатна для человѣка съ другой стороны, какъ производящая, дающая всѣ растенія и плоды, полезные для человѣка - небо и земля стоятъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ - небо причина производительности, земля - производящая подъ вліяніемъ неба. Тутъ не надобно другихъ условій кромѣ обыкновенныхъ ассоціацій. Есть соотношеніе, которое находится вездѣ въ природѣ и въ жизни человѣка - это отношеніе мущины къ женщинѣ, отношеніе, которое возникаетъ изъ любви, изъ чувства нѣжности. Такимъ образомъ ассоціаціи неба мы превращаемъ въ любящаго отца, землю - въ мать, которая опять таки полна нѣжности и заботится о своихъ созданіяхъ и произведеніяхъ, отсюда не далеко до того, чтобы землю и небо сдѣлать живыми существами, потомъ личностями, такимъ образомъ не далеко отъ того, чтобы въ концѣ концовъ представить ихъ существами духовными. Теперь остановимся еще на одномъ только классѣ ассоціацій, который входитъ въ составъ воображенія, то, что мы будемъ излагать, отчасти уже ясна изъ предыдущаго, но предметъ этотъ настолько важенъ, что на немъ можно остановиться. Мы говоримъ объ эстетическихъ волненіяхъ, которымъ въ особенности приписывается элементъ воображенія. Что такое произведеніе изящное, художественное? Это произведеніе, которое обязано своимъ происхожденіемъ эстетической ассоціаціи. Что такое эта эстетическая ассоціація? Въ ней главнымъ дѣйствующимъ принципомъ является чувство красоты - гармоніи, граціи, симметріи и т. д. Какъ мы уже замѣтили, всякое чувство имѣетъ способность конструирующую черезъ свое вмѣшательство теченіе нашихъ идей, придавая имъ соотвѣтственный характеръ. Такимъ образомъ нѣжность по своему скрашиваетъ предметы, гнѣвъ, страхъ - по своему. Тоже самое прилагается къ чувству красоты, - это чувство имѣетъ способность вызывать ассоціаціи именно изящнаго, прекраснаго характера, ассоціаціи, идеи, которыя способны вызвать въ насъ волненіе прекраснаго. Затѣмъ само собой разумѣется, что, если дано будетъ теченіе идей по закону смежности, то послѣ

этого будетъ рядъ воспоминаній. Если мы введемъ въ себя работу чувства красоты, то что мы получимъ? Мы получимъ одностороннее направленіе эстетической ассоціаціи, въ томъ смыслѣ, одностороннее, что изъ нашихъ воспоминаній подъ вліяніемъ чувства красоты, все не прекрасное будетъ удаляться, а все прекрасное оставаться; произойдетъ выборъ, выдѣленіе. Мы имѣемъ тутъ тоже работу, какъ и въ другихъ волненіяхъ, нѣкоторую односторонность, но ей мы обязаны лучшими созданіями творчества. Прибавьте къ закону смежности еще работу закона сходства. Уже одно вліяніе чувства красоты на наши воспоминанія придаетъ имъ нѣкоторый новый отборный характеръ. Изъ другихъ воспоминаній своихъ или чужихъ мы беремъ новыя впечатлѣнія и такимъ образомъ совершаемъ процессъ творчества. но такъ какъ чувство красоты продолжаетъ работать, то опять таки дѣйствіе закона сходства будетъ допущено только настолько, насколько оно гармонируетъ съ этими чувствами, предметы будутъ допущены также, насколько они изящны, и такимъ образомъ мы получимъ произведеніе художественное т. е. вызывающее въ насъ чувство красоты. Въ силу работы законовъ ассоціаціи, потомъ закона самосохраненія и присутствія чувства красоты, подъ вліяніемъ котораго все, что только не гармонируетъ съ нимъ, что не изящно, отбрасывается, — остается только изящное. Само собой разумѣется, что мы получаемъ только матеріалъ изящныхъ произведеній, т. е. въ насъ остаются изящные элементы. Чтобы имъ придать нѣчто цѣльное, требуется руководящая идея. Въ разумной работѣ всегда преслѣдуется цѣль, всегда имѣется въ виду извѣстная идея, которая объединяетъ весь матеріалъ. все гармонирующее съ этой идеей будетъ изящно, все не гармонирующее будетъ наоборотъ, и это прежде всего существенное послѣдствіе простыхъ и общихъ дѣйствій законовъ ассоціаціи и закона самосохраненія, которые въ данномъ случаѣ обнаруживаются въ дѣйствіи чувства красоты. Такимъ образомъ трудъ состоитъ въ вызовѣ нужныхъ составныхъ частей, въ выборѣ однихъ и удаленіи другихъ, соотвѣтственно поставленной въ виду цѣли, а изъ всего этого оказывается, что единственный новый элементъ, отличающій творческую ассоціацію отъ присутствующихъ, есть усиліе нашей во-

Отъ воображенія перейдемъ къ послѣднему виду явленій творческаго характера, къ явленіямъ смысла, которыя намъ нужны для объясненія 3-го класса. Есть общій смыслъ, который обыкновенно сливается со всей дѣятельностью нашего разсудка, но есть частный смыслъ, напр. дѣтскій смыслъ. Это просто дѣятельность ума, которую можно свести къ догадкѣ; догадка же есть заключеніе отъ частныхъ случаевъ къ частнымъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы будемъ придать этому термину оффиціальное значеніе: это то, что характеризуетъ дѣтскій умъ, потому что дѣти въ первые годы своего возраста, пока не научатся говорить, обыкновенно продолжаются этимъ смысломъ, т. е. заключеніемъ отъ одного частнаго случая къ другому. Что мы имѣемъ тутъ новаго? Дѣтскій смыслъ составляется изъ такихъ ассоціацій, которыя мы называемъ ассоціаціями дополнительными, антиципаціей и т. д. Дѣтскій смыслъ заключается въ томъ, что текущія впечатлѣнія по закону ассоціаціи дополняютъ идею, въ томъ, что дитя, имѣя въ виду какое-либо дѣйствіе дополняетъ его идеей, которая оказываетъ вліяніе на продолженіе этого дѣйствія: дѣти, находя какую-нибудь вещь, ищутъ извѣстныхъ имъ свойствъ вещи, потому что они въ подобныхъ-же вещахъ наблюдали раньше такія-то свойства. Дитяти дали конфекту, окрашенную краснымъ цвѣтомъ: она даетъ сладкій вкусъ, дитя, увидѣвши вещичку того-же цвѣта, тащитъ её въ ротъ. Но чѣмъ это основано? Смыслъ тутъ есть хотя въ данномъ случаѣ смыслъ привелъ къ обману. Это воспроизведеніе по новому случаю прежняго опыта, дополненіе текущихъ впечатлѣній изъ идей: поэтому въ этихъ заключеніяхъ нѣтъ ничего таинственнаго. Такимъ образомъ дитя, видя вещь, въ то-же время уже ожидаетъ, что вещь будетъ обладать такимъ-же свойствомъ звука, осязанія, такимъ запахомъ, вкусомъ или дитя, видя какое-нибудь дѣйствіе ожидаетъ, что оно будетъ продолжаться такъ-то, ожидаетъ на основаніи прежнихъ опытовъ. Теперь перейдемъ къ третьему классу умственныхъ явленій, это тотъ классъ, въ которомъ элементъ дѣйствія-движеніе особенно выдается, это умственныя дѣйствія-называнія, пониманія, сужденія и предложенія, наведенія и дедукціи и потомъ умственныя дѣйствія, которыя мы наблюдаемъ въ сложныхъ

умственныхъ произведеніяхъ

Мы отдѣлили 3 класса умственныхъ явленій во 1-хъ) умственныя явленія называнія, пониманія съ ихъ продуктами-именами, во 2-хъ) умственныя дѣйствія, въ 3-хъ) умозаключеніе-наведеніе и силлогизмъ. Эти 3 класса сравнительно элементарны, но есть еще сложныя умственныя произведенія-литература, наука, искусство. Мы уже замѣтили относительно называнія и пониманія, что эти явленія основаны на законахъ ассоціаціи и представляютъ 2 рода ассоціацій, которые находятся въ обратномъ отношеніи другъ съ другомъ. Называніе основано на основаніи ассоціаціи вещи съ именемъ, пониманіе представляетъ ассоціацію имени съ вещами или съ идеями вещей. Когда мы называемъ что-нибудь, это значитъ, что вещь напоминаетъ намъ свое имя. Положимъ ребенокъ, при входѣ своего отца, говоритъ „папа". Здѣсь фигура входящаго отца напоминаетъ имя отца. Почему? Потому что у ребенка успѣла образоваться ассоціація фигуры отца съ именемъ его; дитя приучили при взглядѣ на отца произносить это имя. Ассоціація установлена, конечно, родительскими попеченіями или заботами мамокъ и нянекъ; это ассоціація имени съ вещью; вещь напоминаетъ имя т. е. совокупность нѣкоторыхъ зрительныхъ ощущеній, поставленныхъ въ ассоціацію съ нѣкоторою совокупностью друговыхъ внечатлѣній, членораздѣльныхъ звуковъ. Воспроизведеніе по поводу зрительныхъ внечатлѣній этихъ звуковыхъ бываетъ воспроизведеніемъ не въ одной только идеѣ, но и на дѣлѣ, т. е. произнесеніемъ имени. Дѣти мыслятъ первоначально въ слухъ, какъ старые люди, возвращаясь къ дѣтскому состоянію думаютъ про себя и въ тоже время говорятъ вслухъ. А если потомъ дитя начинаетъ про себя произносить и не говоритъ всего, что думаетъ, то это результатъ уже позднѣйшій, это уже нѣкоторое умственное пріобрѣтеніе, потому что не все то можно говорить, что просится на слухъ - это неудобно по многимъ причинамъ - это безпокоитъ другихъ, это

выдаетъ секреты. Другое явленіе пониманія — это обратная ассоціація извѣстной вещи, т. е. идеи вещи съ извѣстнымъ звукомъ. Напримѣръ, кто нибудь произнесъ при мнѣ имя, и я вспоминаю вещь, т. е. обращаю свое вниманіе въ сторону вещи, которая мнѣ названа, тутъ звукъ напоминаетъ мнѣ вещь, т. е. впечатлѣніе слуховое вызываетъ по ассоціаціи идею называемой вещи, образъ ея, извѣстную совокупность зрительныхъ впечатлѣній и другихъ, которыя съ ней соединяются. Но въ данномъ случаѣ, какъ скоро, при извѣстныхъ слуховыхъ впечатлѣніяхъ у меня воспроизводятся зрительныя, это воспроизведеніе происходитъ вслѣдствіе акта пониманія. Когда при дитяти говорятъ „папа" и дитя обращаетъ взглядъ на дверь изъ которой долженъ появиться отецъ, это происходитъ оттого что дитя привыкло связывать съ извѣстнымъ звукомъ фигуру входящаго отца. Звукъ произнесенъ фигура входящаго отца сейчасъ припоминается. Однако изъ этихъ первоначально простыхъ вещей, называнія и пониманія образуется то, что мы называемъ именами, словами, понятіями. Что такое, первоначально, слово?

Слово есть установившійся навыкъ. Точно также и относительно понятія — на первый разъ пониманіе — процессъ трудный, но по мѣрѣ того, какъ этотъ процессъ повторяется, устанавливается и навыкъ, пониманіе; этотъ умственный навыкъ и есть понятіе. Названіе, имя и понятіе съ точки зрѣнія психологической природы не суть продукты индивидуальнаго опыта, а продуктъ исторически-опыта цѣлаго народа. Чтобы понять природу теперешнихъ словъ, для этого мы должны отъ (психологическаго) описанія первыхъ словъ и понятій пройти всю исторію образованія языка и понятій. Что такое были тѣ звуки, которые впервые когда-то были сочетаваемы съ извѣстными предметами? Объ этомъ мы можемъ судить по корнямъ. Какимъ образомъ отъ этихъ первыхъ элементовъ мы

перешли къ такимъ сложнымъ комбинаціямъ звуковъ, которыя мы имѣемъ, - какъ образовались наши слова? Тотъ же вопросъ возникаетъ и относительно понятій. Тѣ понятія, которыя въ этотъ моментъ у насъ имѣются, конечно, далеки отъ тѣхъ, которыя составляли умственный капиталъ нашихъ предковъ въ состояніи дикости, потому тѣ дикари, которыхъ мы имѣемъ возможность наблюдать, имѣютъ до нѣкоторой степени развитой языкъ [не въ томъ смыслѣ, конечно, какъ мы это говоримъ о европейскихъ языкахъ, а въ смыслѣ языка, имѣющаго исторію]. Понятіе, по объему, тонкости и общности совершенно составляетъ параллель въ этомъ отношеніи съ свойствами языка. У дикихъ народовъ совсѣмъ нѣтъ многихъ понятій нашихъ, - можно сказать, всѣхъ понятій, которыя отличаются отвлеченностью, которыя составляютъ результатъ постепеннаго развитія. Слѣдовательно, психологія, въ этомъ общемъ анализѣ, указываетъ только на природу психологическаго процесса образованія именъ и понятій, а не вдается въ анализъ словъ и языка, но объясняетъ намъ, что сущность процесса не мѣняется, а разница зависитъ отъ историческихъ условій. Изъ всѣхъ особенностей словъ и понятій мы остановимся на одной, именно, на процессѣ обобщенія имени, обобщеніи понятія, т.е. на общихъ именахъ, общихъ понятіяхъ, потому что психологическая природа этихъ явленій представляетъ особенно выдающійся предметъ спора. Какъ обобщаются имена, - это, кажется, не составляетъ предмета разнорѣчія: первоначально всѣ имена были индивидуальны. Для дитяти, которое, впервые произноситъ имя, это послѣднее не указываетъ на родъ или видъ, а просто, только на тотъ предметъ, который оно видитъ въ данный моментъ, положимъ, кошку; постепенно, однакоже, въ умѣ дитяти это названіе обобщается: оно увидѣло сосѣдскую кошку, которую она при извѣстныхъ условіяхъ, и не отличитъ отъ своей собственной; но смѣтѣ же разширенія опытности тоже слово, кисѣка для дитяти можетъ обозначать 2, 3, 4 и т.д. кошекъ и наконецъ можетъ явиться обозначеніемъ неопредѣленнаго множества кошекъ. Обобщеніе происходитъ въ силу закона перенесенія по

сходству, такъ что дитя постепенно привыкаетъ безошибочно тоже названіе прилагать къ всѣмъ однороднымъ предметамъ; такъ образуются общія имена, т. е. такія, которыя приложимы ко всѣмъ неделимымъ извѣстнаго класса, или, какъ говорятъ, къ безконечному числу предметовъ. То, что называютъ безконечностью объема общихъ именъ, какъ и общихъ понятій, ничего другого не обозначаетъ, какъ возможность приложенія ихъ къ неопредѣленному числу новыхъ предметовъ. Какъ мы описали этотъ процессъ у дитяти, такъ онъ былъ и у первобытныхъ народовъ (это превосходно представлено у Ад. Смитаго Живя въ ограниченномъ пространствѣ, какъ мы можемъ ожидать этого отъ дикарей, боясь ходить куда-нибудь далеко, они имѣли небольшой районъ опыта и предметы, которые не вызывали обобщенныхъ словъ, могли встрѣчаться только единицами, много десятками. Поэтому, приблизительно процессъ обобщенія былъ такой же, какъ у нашихъ дѣтей съ тѣмъ различіемъ, что тамъ было оригинальное творчество, а тутъ только воспроизведеніе. Но дѣло не въ томъ, какъ обобщаются имена, объ этомъ, повторяемъ, нѣтъ спора, а дѣло въ томъ, что такое общія понятія? На этотъ счетъ существуютъ разногласія. Разъ есть общее имя — должно быть общее понятіе. Въ чемъ состоитъ природа общаго понятія? Что мы имѣемъ общія понятія, это понятно, потому что не можетъ быть общихъ именъ безъ общихъ понятій, такъ что все вниманіе сосредоточится на вопросѣ о той какова природа общаго понятія. Разъ есть общія имена не слѣдуетъ думать, чтобы съ ними были въ ассоціаціи какія-нибудь идеи индивидуальныхъ предметовъ, скорѣе они представляютъ предметы общія. По мнѣнію номиналистовъ универсалы суть не болѣе, какъ простыя названія, а реальны только индивидуумы, обнимаемые ими, а по мнѣнію реалистовъ на оборотъ универсалы только реальны. Такое мнѣніе произошло отъ смѣшенія общихъ именъ съ общими понятіями. Мы въ опроверженіе ихъ мысли можемъ представить массу понятій, которыя безъ сомнѣнія суть ассоціаціи индивид-

льной вещи съ общимъ именемъ. Понятіе солнца, безъ сомнѣнія — общее понятіе, но для всякаго эти общія понятія представлены только однимъ экземпляромъ. До Коперника имѣли всегда въ виду одно солнце, потому что только послѣ него солнце стало названіемъ класса, но сколько-бы мы не увеличивали количества солнцъ, представителемъ солнца останется все это солнце, которое мы видимъ. Очень часто такимъ образомъ достаточно намъ видѣть одинъ экземпляръ какого-нибудь класса, чтобы судить обо всемъ классѣ, напр. говорятъ о кораблѣ вообще, хотя-бы видѣли одинъ только корабль, но этого достаточно, чтобы разсуждать о всемъ его устройствѣ. О такихъ относительно рѣдкихъ предметахъ, которые намъ приходится видѣть только одинъ разъ, мы создаемъ общія понятія, которыя по своему содержанію отвѣчаютъ такимъ образомъ только индивидуальнымъ предметамъ, которые мы и понимаемъ, какъ модель. Несомнѣнно, что мы часто пользуемся схемой, какъ представленіемъ объ индивидуальныхъ предметахъ. Относительно людей развитыхъ, надо думать, что для нихъ такой способъ мышленія болѣе естественнъ. Несомнѣнно что наши понятія бываютъ и другаго рода, т. е. состоятъ изъ сочетанія цѣлаго рода предметовъ. Когда говорятъ о большой горѣ, то тотъ, кто бывалъ въ Швейцаріи, можетъ сейчасъ же представить себѣ нѣсколько большихъ швейцарскихъ горъ, сочетаніе этихъ высокихъ горъ съ общимъ понятіемъ „высокія горы" достаточно составить чтобы общее понятіе. Мы имѣемъ способность составить общую схему цѣлаго класса, этого отрицать невозможно, но для многихъ предметовъ, которыя мало различаются между собою такія общія схемы невозможны, потому что намъ трудно отличить ихъ другъ отъ друга, — намъ не трудно отличить кленъ отъ березы, но гораздо труднѣе одну березу отъ другой. Итакъ мы должны согласиться, что общія понятія суть ассоціаціи идей съ общими именами, идей, которыя бываютъ, то индивидуальны, то группы индивидуальныхъ идей, то общія схемы, которыя вырабатываются изъ этихъ идей, по законамъ ассоціаціи.

Безъ сомнѣнія первоначально схемы суть ничто иное, какъ особенный моментъ воспроизведенія индивидуальныхъ идей. По законамъ ассоціаціи одно имя можетъ напоминать намъ вещь одну, другую, третью, — все что сочеталось съ этой вещью. Такимъ образомъ по закону смежности. Мы можемъ съ извѣстнымъ общимъ именемъ при произнесеніи его получить нѣсколько индивидуальныхъ идей, которыя съ нимъ были связаны. Это будетъ родъ или группа, смотря по тому современно ли эти индивидуальныя идеи возникаютъ или послѣдовательно. Очень можетъ быть, что какое нибудь общее имя напомнило намъ только одну индивидуальную вещь; тогда мы будемъ имѣть только одну индивидуальную идею; но бываютъ случаи, которые объясняются совмѣстнымъ дѣйствіемъ законовъ смежности и сходства — что какое нибудь имя вызываетъ заразъ цѣлую группу индивидуальныхъ идей, притомъ не въ порядкѣ послѣдовательномъ, а въ одно и то же мгновеніе, такъ что онѣ не успѣваютъ дать рода, связываемые вмѣстѣ онѣ могутъ дать нашему уму нѣкоторый общій очеркъ, такъ что общія (понятія) идеи эти, какъ схемы ничего въ себѣ не заключаютъ кромѣ индивидуальныхъ идей, но такихъ, которыя въ одно и то же время стремятся выступить въ нашемъ сознаніи, вслѣдствіе разности, которую онѣ заключаютъ въ себѣ, онѣ успѣваютъ въ нашемъ сознаніи только общими чертами. Это весьма важно для того, чтобы мы различали, что такое общія понятія. Они по природѣ ничѣмъ не отличаются отъ понятія индивидуальныхъ предметовъ, представленныхъ то въ нѣкоторой раздѣльности, то въ слитности. Въ концѣ концовъ всякое мнѣніе о томъ, что существуетъ по природѣ общія понятія, отдѣльныя отъ индивидуальныхъ есть заблужденіе.

Второй классъ явленій этого порядка — предложеніе и сужденіе. Что такое предложеніе? Это или утвержденіе или отрицаніе имени или свойства, принадлежности

вещи, дѣйствіе вещи и т. д. Если мы обратимъ вниманіе на природу предложенія то найдемъ, что она на первый разъ не отдѣляется по внѣшнимъ признакамъ отъ процесса называнія. Такимъ образомъ, напр. когда дитя произноситъ слово, одно и тоже произнесенное слово можетъ быть просто названіемъ, можетъ быть предложеніемъ, - это опредѣляетъ характеръ ... рѣчи; дитя увидѣло корову и говоритъ нянькѣ: „Му"! Это можетъ быть принято какъ названіе, а если бы корова тутъ стояла и заревѣла, то дитя тѣмъ же самымъ звукомъ указало бы на процессъ мычанія. Что касается сужденія, то по логикѣ сужденія не отдѣляются отъ предложеній; однако въ психологіи различаются, разница въ такомъ случаѣ заключается въ слѣдующемъ: предложенія относительно сужденій можно называть цѣлыми, а послѣднія относительно первыхъ только частью, т.е. подъ предложеніемъ разумѣются ассоціаціи именъ и словъ, выражающихъ извѣстныя утвержденія или отрицанія, а подъ сужденіемъ разумѣются ассоціаціи понятій связанныхъ съ этими именами. Всякое имя имѣетъ значеніе; основаніе имени есть понятіе, которое съ нимъ связано; разъ дано предложеніе, то есть нѣкоторая ассоціація именъ, эта ассоціація предполагаетъ ассоціацію значеній именъ, т.е. ассоціацію понятій; у насъ, какъ вообще во всѣхъ языкахъ, самое слово сужденіе произошло отъ слова судить т.е. изрекать приговоръ, потому что процессъ сужденія самъ по себѣ по своему словопроисхожденію указываетъ на нѣкоторую рѣчь рѣшающихъ, судящихъ, на нѣкоторую сентенцію, но разъ мы отдѣляемъ сужденіе отъ предложенія, мы должны помнить, что сужденіе есть извѣстная точка зрѣнія на предметъ, что оно есть ассоціація понятій, а предложеніе - ассоціація словъ. Что касается вида предложеній, то они сводятся къ слѣдующимъ главнымъ видамъ: сужденія сходства и разницы. Въ наукѣ (какъ прекрасно выяснена логика) сужденія сходства и разницы не имѣютъ никакого

значенія, потому что они состоятъ изъ другихъ сужденій, — если это сужденіе равенства или неравенства, то это или сужденія сосуществованія и преемства или преемства и причинной связи. Такимъ образомъ, кромѣ сужденій сходства и несходства, кромѣ общаго содержанія сужденій мы должны отличать сужденія сосуществованія, преемства или послѣдовательности и причинной связи. Сосуществованіе есть существованіе въ одномъ мѣстѣ, въ одно время или въ однихъ предѣлахъ, какъ напр. существованіе двухъ свойствъ, напримѣръ человѣкъ есть существо разумное, это предложеніе сосуществованія, это самый важный классъ предложеній. Затѣмъ предложеніе преемства или послѣдовательности въ нѣсколькихъ классахъ простаго преемства, прогрессивнаго и регрессивнаго преемства, циклическаго преемства, повторенія въ одномъ циклѣ, все это различные виды ассоціаціи по смежности. 3-ій классъ предложеній и сужденій это предложенія и сужденія причинной связи — это самый важный въ научномъ отношеніи. Въ предложеніяхъ сосуществованія и преемства мы имѣемъ предложенія по категоріямъ „вмѣстѣ", „прежде" или „послѣ" между тѣмъ, какъ здѣсь мы имѣемъ нѣчто новое; хотя предложенія причинной связи не отдѣляются, строго говоря, отъ предложеній преемства, но онѣ заключаютъ въ себѣ новую категорію „черезъ", „что", т. е. одно дѣлается вслѣдствіе другаго. Теперь сдѣлаемъ замѣчаніе о наведеніи. Для наведенія необходимо слово или рѣчь, необходимо для наведенія въ обыкновенномъ смыслѣ, потому что наведеніе въ научномъ смыслѣ составляетъ заключеніе отъ частнаго къ общему. Наведеніе въ общемъ смыслѣ, дѣтское наведеніе отъ частн. или нѣкоторыхъ частныхъ къ частнымъ, не требуетъ языка и рѣчи, но для нашего наведенія въ научномъ смыслѣ рѣчь нужна, т. ч. именно въ этомъ наведеніи мы добиваемся общихъ правилъ, общихъ сужденій, что возможно только тогда, когда мы имѣемъ общіе термины, общія понятія; слѣдовательно — это процессъ умственный и предполагаетъ развитую способность называнія, предложенія, сужденія. Наведеніе — это результатъ умозаключенія отъ нѣсколькихъ частныхъ къ общему.

Для силлогизма требуется предварительно нѣкоторое предложеніе. Силлогизмомъ называется изъ общаго предложенія другаго общаго предложенія или части, Предложеніе — всѣ люди смертны — есть результатъ наведенія, выводъ изъ этого, что теперешній императоръ германскій умретъ, будетъ силлогизмъ, умозаключеніе отъ общаго случая къ частному. Полное выраженіе силлогизма слѣдующее: всѣ люди смертны; императоръ германскій человѣкъ; стало быть онъ умретъ. Для силлогизма такимъ образомъ очевидно необходимы всѣ тѣ способности, которыя должны быть пріобрѣтены раньше, способности словъ, понятій, предложеній, наведеній, потому что разъ мы имѣемъ имѣемъ наведеніе, мы можемъ дѣлать дедукцію. Наконецъ мы должны остановиться на сложныхъ произведеніяхъ, каковы словесность, литература, наука и искусство. Если мы обратимъ вниманіе на сущность всѣхъ этихъ произведеній сложныхъ, мы найдемъ, что они представляютъ различные виды символики, то словесные или письменные, то болѣе отвлеченные, какъ математика, химія и другія науки — но символику, не исключая и рѣчи и изящныя искусства, которыя пользуются другимъ символомъ, какъ напр. скульптура, живопись. Всѣ эти умственныя произведенія раздѣляются на порядки** или символы типовъ, или, наконецъ, символы вещей транцедентныхъ. Возьмемъ, напр., символъ перваго рода, символъ отдѣльныхъ вещей; такого рода символъ мы встрѣчаемъ въ описаніи путешествія, это описаніе отдѣльнаго случая и мѣста ничего болѣе или возьмемъ хронологію; это описаніе отдѣльнаго историческаго случая безъ всякаго сомнѣнія, въ описаніе такого рода можетъ входить нѣкоторый изящный элементъ, но вообще говоря представленіе отдѣльной части случая не представляетъ искусства, не составляетъ изящности. Изящныя искусства, точно также, какъ и наука, есть симво-

** или символы отдѣльныхъ фактовъ индивидуальныхъ вещей или случаевъ,

лика типовъ чего-нибудь общаго; вся наука представляетъ намъ типы вещей, событій, затѣмъ нѣкоторыя типическія отношенія которыя мы находимъ въ такъ называемыхъ законахъ, типическія отношенія естественныхъ явленій, законы природы, типическія отношенія, которыя мы находимъ для себя желательными — правила моральныя и практическія. Тутъ мы имѣемъ типы вещей, событій, отношеній и ничего болѣе. Обратимся затѣмъ къ изящному искусству, тутъ Вы тоже встрѣтите типы вещей и событій, представляемые художественно, мы увидимъ здѣсь тоже самое, что въ наукѣ; искусство не отличается въ этомъ случаѣ по содержанію отъ науки, а только по формѣ. Разница заключается въ томъ еще что изящное искусство не берется за изображеніе законовъ, кромѣ поэзіи дидактической, которая берется за изображеніе общихъ правилъ. Собственно сфера изящнаго искусства — типы, въ особенности людскіе типы, или типы событій общественной жизни. Изящныя искусства имѣютъ дѣло съ своими символами, у нихъ свой языкъ, къ этому прибавляется еще новый факторъ, который не дѣйствуетъ въ наукѣ — чувство изящнаго, чувство красоты. Соединимъ это вмѣстѣ и получимъ то, что составляетъ сущность этой символики. Теперь обратимся къ третьему разряду символики умственной, это нѣсколько особый видъ символики, онъ не похожъ на вышеописанныя, на изображенія типовъ научныхъ и художественныхъ; это символика вещей трансцедентныхъ, какую мы встрѣчаемъ въ религіозной символикѣ, въ изображеніяхъ религіознаго искусства; это изображеніе вещей невидимыхъ, сверхчувственныхъ, какъ они представляются человѣку. Такова символика въ мифологическихъ изображеніяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, которую они намъ оставили въ статуяхъ и фрескахъ, это ни какая нибудь символика въ строгомъ смыслѣ художественная, т. е. символика общественныхъ типовъ, нѣтъ — это первоначально была символика вещей трансцедентныхъ. У насъ она приняла свой видъ, у насъ выступила своего рода символика въ христіанскомъ искусствѣ, въ изображеніи красоты святыхъ и т. д.

Слѣдовательно символику этого рода мы не можемъ никакъ смѣшивать съ вышеописанной; конечно она пользуется всѣмъ, чѣмъ только пользуется изящное искусство, т. е. конкретными знаками въ изображеніи этихъ идей, потомъ эстетическими факторами, которые придаютъ изящество, но все же это не будетъ ни наука, ни художество въ строгомъ смыслѣ слова. Мы скажемъ нѣсколько словъ о 2-мъ и 3-мъ классахъ психическихъ явленій, именно: о душевныхъ волненіяхъ и явленіяхъ воли. Первыя мы называемъ также духовными волненіями, потрясеніями, высшими чувствами, собственно это классъ чувствъ, котораго мы не можемъ отождествить съ нашими ощущеніями, т. е. послѣднія вызываются внѣшними условіями, между тѣмъ какъ для первыхъ требуется нѣкоторый внутренній стимулъ, который мы находимъ въ нашихъ идеяхъ или ощущеніяхъ. Терминъ „волненіе" употребителенъ въ русскомъ языкѣ и очень сходенъ съ излюбленнымъ терминомъ англійской и французской психологіи „emotion", потому что слово производство тоже. Если мы побоимся придать этому термину матеріалистическій характеръ, то надо сказать, что едва ли найдется такой терминъ, который не давалъ бы этого повода, надо только отучить ея отъ грубыхъ ассоціацій, — съумѣли же это сдѣлать на Западѣ, отчего же и намъ не отучиться, поэтому я не нахожу ничего противнаго нашему языку удержать этотъ терминъ. Примѣромъ будетъ гнѣвъ, страхъ, чувство красоты; но что такое гнѣвъ? Что нужно, чтобы былъ гнѣвъ? Очевидно не тѣ условія, какъ чтобы я видѣлъ, слышалъ и т. д. Что же? Надобно, чтобы я уже имѣлъ предъ собой что нибудь, должны быть даны нѣкоторыя впечатлѣнія, что я разсердился, встрѣтивши кого нибудь, надобно, чтобы я что нибудь припомнилъ, положимъ обиду; это воспоминаніе можетъ взорвать меня. И такъ волненіями духовными или душевными или высшими чувствами, называются чувства сравнительно съ ощущеніями производныя, сложныя. Чтобы получить такого рода чувства, если только онѣ не вытекаютъ изъ какихъ нибудь болѣе элементарныхъ чувствъ, надобно имѣть

нѣкоторую встрѣчу ощущеній или идей, или тѣхъ и другихъ; такая встрѣча можетъ взволновать, надо думать, что при такой встрѣчѣ элементарныя волненія суть ничто иное, какъ преобразованіе этихъ ощущеній и идей, поэтому они и называются вторичными, и мы не имѣемъ никакого основанія думать, что они первичныя, какъ это утверждали относительно чувства красоты и долга.

Гетчинсонъ, основатель Шотландской школы, въ своей теоріи эстетическаго волненія предполагаетъ, что чувство красоты есть чувство простое и какъ чувство простое, эстетическое волненіе требуетъ и возбуждающаго его предмета точно также простого какого-нибудь единичнаго качества, присущаго всѣмъ вещамъ, называющимся прекрасными. Поэтому всѣ аналитики принялись за изысканіе этого единаго качества и каждый находилъ особое качество пока не убѣдились, что преслѣдуемая цѣль есть вещь несуществующая и что между прекрасными предметами могутъ существовать большія несходства. Чувство нравственное подобно чувству красоты начиная съ того же Гетчинсона, разсматривалось почти всѣми, какъ единое и недѣлимое, но на самомъ дѣлѣ это вторичныя чувства, т. е. онѣ происходятъ отъ предшествующихъ имъ чувствъ этого рода и происходятъ отъ столкновенія ихъ и преобра-

Возьмемъ для примѣра чувства музыкальной гармоніи и дисгармоніи, мы можемъ послѣдовательно получить каждый звукъ отдѣльно и въ такомъ случаѣ мы послѣдовательно получимъ нѣсколько ощущеній, если мы будемъ имѣть 3 звука, то и ощущеній получимъ три и никакого дополнительнаго чувства гармоніи не получимъ. Возьмемъ теперь всѣ три звука вмѣстѣ, положимъ, что мы получимъ аккордъ; въ такомъ случаѣ къ ощущенію присоединяется еще дополнительное пріятное чувство — чувство гармоніи; это чувство добавочное, чувство, которое сопровождаетъ встрѣчу трехъ звуковыхъ ощущеній. Что это за чувство? Мы должны думать, что эти три звука встрѣчаясь вмѣстѣ, образуютъ нѣчто новое, что мы называемъ чувствомъ гармоніи; это преобразованіе прежнихъ ощущеній, преобразованіе, происшедшее послѣ встрѣчи звуковъ и чувство это новое. Въ диссонансѣ каждый звукъ, взятый отдѣльно, можетъ быть пріятнымъ, а взятые заразъ эти звуки очень непріятны. Здѣсь ясно видно, что волненіе отличается отъ простаго ощущенія звуковъ. Это волненіе мы должны разсматривать, какъ нѣкоторое преобразованіе ощущеній; тамъ это преобразованіе даетъ гармонію, здѣсь же — даетъ дисгармонію и въ обоихъ случаяхъ это чувство будетъ не оригинальное, не простое.

Мы замѣтили, что такъ называемыя душевныя волненія или высшія чувства суть чувства вторичныя, производныя, сложныя сравнительно съ ощущеніями. Чтобы получить ощущеніе, необходимо внѣшнее раздраженіе въ нервной системѣ и мозгѣ; между тѣмъ, чтобы получить волненіе, нужно нѣчто иное, можетъ быть и эти условія органическія и физіологическія, но и сверхъ этого необходимы физіологическіе факторы, именно необходимо имѣть ощущенія и идеи; по этому самыя простыя первообразныя волненія не могутъ быть объяснены иначе, какъ встрѣчей нѣкоторыхъ психическихъ состояній, именно ощущеній и идей. Слѣдуетъ замѣтить, что, когда мы говоримъ о встрѣчѣ ощущеній и идей, какъ о причинѣ волненій, мы имѣемъ въ виду простѣйшія волненія; дѣло въ томъ, что между самыми волненіями мы должны отличать простыя волненія, первообразныя и тѣ, которыя имѣютъ характеръ производный, происходя отъ другихъ; одни волненія могутъ обусловливать другія, и эти послѣднія будутъ относительно первыхъ производными. Къ такимъ относятся во 1-мъ переносныя чувства, во 2-хъ, всѣ такъ называемыя волненія сложныя. У насъ есть много волненій, душевныхъ потрясеній, которыхъ мы

не можемъ признать оригинальными или перво-
образными волненіями, потому что въ нихъ встрѣ-
чаются нѣкоторые прежніе отсыты волненій;
таковы именно такъ называемыя переносныя во-
ненія. Что это за волненія? Большинство нашихъ
чувствъ таково, что разъ они вызваны были какими-
нибудь предметами, могутъ быть впослѣдствіи вы-
ваны другими предметами, не вслѣдствіе того, что-
бы эти предметы были способны ихъ возвать, а к-
говорятъ, по перенесенію. Съ однихъ предметовъ чу-
ства переходятъ на другія, которыя для нихъ сами
по себѣ безразличны, переходитъ по закону смежнаго
или по закону сходства. Чтобы объяснить это,
приведемъ примѣръ переносныхъ чувствъ. Допуст-
что такое-то лицо весьма нѣжно любитъ свою
мать; если оно встрѣтитъ женщину приблизи-
тельно такого-же возраста и нѣсколько напом-
нающую по чертамъ мать, то ея лицо можетъ
показаться милымъ не потому, чтобы оно бы-
ло таковымъ, но единственно по перенесенію
потому что нѣжныя чувства, которыя сочетали
съ образомъ матери, по сходству перенеслись на эт-
новое лицо. Слѣдуетъ замѣтить, что ассоціаці-
чувствъ съ предметами такова, что, какъ выраж-
вается Браунъ, въ этомъ случаѣ чувство какъ-б-
разливается на предметы, такъ они тѣсно свя-
ны. Взглядъ, напримѣръ, на мать любящаго сына

дочери сейчасъ же дѣлаетъ лицо матери милымъ; тутъ вы не отдѣлите чувства отъ образа, отъ идеи. Слѣдовательно, вотъ почему эти чувства, которыя такъ слиты съ образомъ, переносятся на другой образъ, разъ онъ сходенъ съ первымъ. Такимъ образомъ чувство перенесется на волю, которая сама по себѣ этого чувства не возбуждаетъ. Возьмемъ другой примѣръ. Одинъ изъ Англійскихъ эстетиковъ Эдисонъ (Alison) въ „Опытахъ о природѣ и началахъ вкуса" представилъ удивительно тонкій анализъ того, что многое намъ кажется прекраснымъ не потому, чтобы на самомъ дѣлѣ было таковымъ, а вслѣдствіи нѣкоторыхъ ассоціацій. „Всѣ звуки", говоритъ онъ, „бываютъ возвышенны, когда сочетаются съ идеями великой силы и могущества, — шумъ потока, раскаты водопада, вой бури и проч. Блеяніе ягненка бываетъ прекрасно въ ясный весенній день, крикъ козы среди скалъ чрезвычайно прекрасенъ, какъ выраженіе дикости и независимости. Такимъ образомъ ландшафтъ, представляющій сходство со сценой нашей молодости и съ какой нибудь другою, свидѣтельницей нашего счастья, — будетъ намъ казаться прекраснѣе, чѣмъ другимъ, которые не дѣлили съ нами этого источника прибавочнаго украшенія. Мы разсмотрѣли дѣйствіе закона сходства на волненія, теперь позвольте сказать о вліяніи закона смежности, которое еще очевиднѣе. Тутъ, напримѣръ, лицо, которое вызвало какое нибудь чувство

можетъ быть причиной того, что предметы, совершенно безразличные относительно способности вызвать это чувство, при данныхъ условіяхъ могутъ его вызвать. Положимъ, я рассердился на кого-нибудь, такъ что дѣйствія этого лица были таковы, что способствовали возбужденію гнѣва, но гнѣвъ можетъ не ограничиться однимъ виновникомъ, — я найду, что и фигура-то его такая мерзкая и платье отвратительное, у Гоголя въ „Ревизорѣ" слесарша распространяетъ свой гнѣвъ съ городничаго и на родственниковъ его: „Чтобъ ни дѣтямъ его ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ ни въ чемъ ни какого прибытка не было." и далѣе: „чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта божьяго, а если есть теща, то и тещѣ"... И такъ, гнѣвъ разливается на всѣ предметы, которые стоятъ въ смежности съ предметомъ, возбудившимъ гнѣвъ. — Другимъ примѣромъ можетъ служить распространеніе чувства страха. Одинъ предметъ возбудилъ чувство страха, но затѣмъ это чувство можетъ распространяться и на многіе посторонніе предметы; положимъ, страхъ возбудило лицо, но возбудило въ извѣстномъ мѣстѣ; впослѣдствіи можетъ возбуждать страхъ и это мѣсто; если были свидѣтели, и эти свидѣтели могутъ возбуждать страхъ. Эта способность перенесенія можетъ быть въ практическомъ отношеніи опасной для личности, но за то тому же самому обстоятельству мы обязаны многимъ прекраснымъ сторонамъ нашей жизни. Возьмите какое нибудь чувство нѣжности; что способно оно дѣлать? Съ лица оно можетъ распространиться на внѣшность, и покрасивая

личность может преобразиться в наших глазах только потому,
что внутренняя достоинства этой личности вызывают наши
чувства и уважение. Затем посмотрите, как из одного лица это
чувство, преобразуясь, переходит в семейную любовь, в родствен-
ную любовь, в дружбу, в патриотизм, в любовь к человечеству,
к расам, о которых мы знаем только по наслышке. Итак
быть, перенесение чувств мы обязаны не только таким обсто-
ятельствам (стыд, страх), которые в нравственности за-
ставляют подавлять переносные чувства, но и таким обсто-
ятельствам, в которых та же нравственность доставляет
поступкам и поддерживает эти чувства. Ясно, что тут у нас
имеем дело не с оригинальными волнениями; относитель-
о ощущений, как мы сказали, никакое волнение нельзя наз-
ать оригинальным, однако же между волнениями есть такие,
которые уже сами произошли из других волнений, перенос-
ные чувства — это не новые волнения, это приложение прежде
ных испытанных чувств к новым случаям.

Теперь мы скажем несколько слов о втором виде производ-
ных чувств, о сложных чувствах. Есть много чувств, ко-
торые на первый раз кажутся простыми, но при анализе ока-
ываются сложными. Для примера возьмем чувство кра-
оты, которое мы испытываем, когда смотрим на картину,
а статую, на прекрасное лицо. Анализ эстетического вол-
ения долгое время стоял на ложной дороге; до нашего столетия
ислители обыкновенно предполагали, что чувство
красоты есть чувство простое, а между тем оказывается при
анализе, что красота есть родовое название многих различ-

видовъ, есть чувство чрезвычайно сложное, и эта сложность въ настоящее время и составляетъ исходный пунктъ его психологическаго анализа, единой красоты не существуетъ, точно также какъ не существуетъ единой формы. Даже такое чувство, какъ чувство уваженія есть волненіе сложное, чувство страха тоже нечего говорить о чувствѣ нравственности, о долгѣ, о религіозно чувствѣ, чувствахъ въ высшей степени сложныхъ. Такимъ образомъ можно сказать, что есть 3 основныхъ способа происхожденія волненій, — первичный — изъ встрѣчи ощущеній, второй — отъ ренесенія волненій, отъ перенесенія чувствъ на вещи, которыя ми по себѣ ихъ не возбуждаютъ, какъ въ примѣрахъ возвышнаго и прекраснаго по ассоціаціи; третій способъ даетъ видъ весьма широкій въ своей операціи и представляющій соедин нѣкотораго количества отдѣльныхъ чувствъ въ одинъ аггрегатъ или цѣлое, какъ въ волненіи нѣжности, гнѣва и въ нравственномъ чувствѣ, сліяніе элементовъ въ этихъ случаяхъ ваетъ таково, что послѣднія кажутся простыми чувст пока анализъ не докажетъ ихъ сложности. Этотъ третій видъ суть волненія сложныя. Теперь перейдемъ ко 2 вопросу. Какія стороны должны обращать наше вниманіе въ анализѣ волненій. Самая характерная и существенная для волненій черта — это то, что называютъ ихъ физическимъ выраженіемъ или иначе разливомъ или воплощен Это обстоятельство въ высшей степени важно и сущест. Разливъ этотъ заключается въ вліяніи испытанныхъ нами ненія на нашу тѣлесную систему, на нашъ мозгъ, на вную систему, затѣмъ на периферическіе органы, на со

чение мускулов и имеют в результате такую называемую физиономию чувства, выражение чувств. Собственно выражением называется это последнее (сокращение мускулов), но, принимая во внимание, что всякое наружное выражение есть только окончание разлива, который связан с известным волнением, мы имеем право говорить о полном влиянии волнения на разлив. Многие авторы, в высшей степени компетентные в анализе этого дела, убеждены в том, что помимо этого разлива в теле едва ли может быть получено волнение, что отличительная черта каждого волнения получается только тогда, когда волнение выражается в теле, иначе сказать, что во всяком волнении есть такая примесь ощущений, которая вызывается влиянием волнений на нашу телесную систему, что самое отличительное в волнении есть этот придаток —

Так скоро волнение подействовало на тело и произвело раздражение, это раздражение вызывает ощущение, а ощущение сливается с вызвавшим волнением, и оно-то собственно играет свой отличительный характер. Многие психологи физиологи одинаково думают, что без этого дополнительного ощущения мы не получили бы того характера, который отличает одно волнение от другого. Нельзя отыскать, которая так или иначе не действовали бы на наше тело. Замечательно, что Платон, неоплатоник (преподававший в Риме от 244 по 269 г.), который очень тонко анализировал эти вопросы, считал все наши волнения не чистым продуктом духа, а продуктом смешанного ха-

рактера, такъ какъ нельзя эти волненія получить въ чи
лищемъ характеръ помимо тѣла. Замѣтимъ, что наблюде
показываютъ, что при умѣренныхъ волненіяхъ задержка вы
нихъ страстныхъ движеній, т. е., радива, задерживаетъ
самое внутреннее выраженіе чувства въ нашемъ тѣлѣ и т
кимъ образомъ прекращаетъ въ концѣ самое духовное волненіе
Стало быть, благодаря ассоціаціи, радивъ или выраженіе
наго волненія не остается безъ вліянія на самое развива
состоянія духа. Поэтому, вызывая произвольно страстное
раженіе безъ соотвѣтствующаго состоянія волненія, мы
пиваемъ тѣмъ, что начинаемъ чувствовать самое волненіе
Напримѣръ, вызывая насильственно веселое выраженіе, мы
удемъ въ концѣ радвеселиться.
Затѣмъ въ волненіяхъ мы можемъ отличать, какъ въ
шихъ ощущеніяхъ, качество и степень, качество, т. е., чув
вольствіе, страданіе и безразличіе и степень въ обще
видахъ — интенсивности и объема. Есть волненія, ко
торыя могутъ имѣть безразличный характеръ, напр. чи
удивленія. Несомнѣнно, что удивленіе чувствуется, к
волненіе и узнается, какъ особенное чувство. Однако
гетъ такіе виды удивленія, относительно качества ко
рыя нельзя сказать, чтобы они были пріятны или непр
ятны. Замѣтимъ, что всякое волненіе, какими-бы они
были первоначально, какое-бы не имѣли качество пр
ятности или непріятности, но по мѣрѣ того, какъ ос
бываетъ ихъ интенсивность, они переходятъ въ чув
ства нейтральныя; это обстоятельство въ высшей с

нии важно, потому что на это главнымъ образомъ опирается ученіе о самосохраненіи. Только волненія имѣющія извѣстное качество способны быть факторомъ нашей произвольной дѣятельности, волненія, не имѣющія качества, не имѣютъ никакого вліянія на наши дѣйствія. Это чрезвычайно важно для изученія многихъ вопросовъ практической нравственности въ особенности вопроса о нравственной способности.

Кто полагаетъ, что дѣятельность наша можетъ быть исключительно дѣятельностью ума, ошибается, — идеи безразличны и неспособны мотивировать нашей воли, онѣ могутъ дѣйствовать совершенно помимо нашего сознанія, скрытно вслѣдствіе установившейся ассоціаціи, но это будетъ дѣйствіе неполное, котораго мы не замѣчаемъ, какъ, напримѣръ, въ опытахъ столоверченія. Тутъ люди сами бываютъ причиной извѣстнаго движенія вслѣдствіе ассоціаціи идеи съ движеніемъ, но вліяніе этихъ идей на извѣстныя движенія не сопровождается никакимъ чувствомъ этого вліянія. Поэтому мы не можемъ приписывать себѣ этого движенія, назвать его своимъ, и поэтому движущій столъ будетъ божиться всѣми богами, что онъ тутъ не при чемъ, и это вѣрно съ субъективной точки зрѣнія. Такимъ образомъ указанія на характеръ на характеръ нашихъ ощущеній и волненій въ высшей степени важны для объясненія нашей практической нравственности. Затѣмъ въ волненіяхъ есть черта, на которую мы должны обратить вниманіе, черта, характеризующая все волненіе, это то, что всѣ

волненія способны оживать и возвращаться въ формѣ идей, и это всѣ волненія безъ исключенія, этотъ характеръ волненій долгое время закрывался отъ анализа психологовъ, такъ что это дѣйствительно въ высшей степени тонкая черта. Многіе допускали чувство текущее, волненіе текущее но чтобы волненія могли продолжаться, чтобы извѣстныя волненія могли возвращаться въ формѣ идей, этого долгое время не подозрѣвали. Этимъ мы обязаны прекрасному анализу Броуна, который болѣе, чѣмъ кто-либо настаивалъ на этомъ и доказалъ, что способность этого свойственна не только ощущеніямъ, но и всѣмъ волненіямъ, а это опять чрезвычайно важно, такъ какъ всѣ мотивы нашихъ дѣйствій вытекаютъ или изъ нашихъ ощущеній, или изъ волненій, то понятно, разъ мы испытали какое нибудь чувство, этотъ опытъ можетъ впослѣдствіи 1000 разъ опредѣлять нашу дѣятельность. Всякій разъ какъ оно оживаетъ въ формѣ идеи, оно способно мотивировать наши дѣйствія.

Теперь перейдемъ къ классификаціи волненій. Нельзя сказать, чтобы этотъ предметъ былъ окончательно выработанъ въ науки, но нѣкоторыя группы вѣрно отдѣлены другъ отъ друга и во всякой классификаціи будутъ занимать свое мѣсто отдѣльно. Во главѣ всѣхъ группъ, по нашему мнѣнію стоятъ такъ называемыя умственныя чувства. Бэнъ умственныя чувства считаетъ собственно свой свалки умъ, нашей познавательной способности, отдѣляя эти чувства, умственныя въ строгомъ смыслѣ отъ дру-

сихъ волненій онъ отдѣляетъ ихъ подъ именемъ познанія сходства, сознанія разницы. Трудно удержать эти точку зрѣнія, потому что всѣ результаты анализа этихъ чувствъ приводятъ къ тому убѣжденію, что чувства разницы и сходства суть волненія выработанныя, а не первичныя, такъ что странно признавать ихъ элементарными или первообразными волненіями, а тѣмъ болѣе какими нибудь элементами умственной дѣятельности. По нашему мнѣнію это тѣ-же чувства, какъ и чувства гармоніи и разлада, соотвѣтствія и несоотвѣтствія. Вы видите только, что въ такихъ чувствахъ, какъ гармонія, дисгармонія, совпаденіе и несовпаденіе, сообразность и несообразность есть нѣкоторый конкретный оттѣнокъ, а въ чувствахъ сходства и разницы что-то общее этимъ чувствомъ. Что же общее? То, что во всѣхъ этихъ группахъ есть нѣкоторое болѣе или менѣе ясно выраженное качество этихъ чувствъ, какъ, напримѣръ, въ гармоніи или разладѣ, а чувства сходства и разницы отличаются тѣмъ только, что въ нихъ этого качества нѣтъ. Это чувство совершенно безразличное. Но таковы-ли эти послѣднія чувства первоначально? Нѣтъ, они или вырабатываются изъ тѣхъ группъ, или сами первоначально имѣютъ другой характеръ. Представьте, что это тѣ чувства, которыя мы чаще всего испытываемъ. Невозможно представить ни одного мгновенія божественно.

жизни, ни одного въ умственной жизни, въ которое бы не входили эти чувства; чѣмъ чаще они повторяются, тѣмъ качество ихъ становится слабѣе.

Понятно, что эти чувства отъ безчисленныхъ повтореній, пріятныхъ или непріятныхъ, дѣлаются нейтральными.

Вотъ почему мы эти чувства считаемъ образовавшимися, но это не мѣшаетъ намъ признать ихъ волненіями.

Программа

Стр. 1 Опредѣленіе психологіи по словопроизводству ея; Духъ, какъ предметъ науки до Аристотеля: а) атомизмъ Демокрита; в) дуализмъ Анаксагора; с) идеализмъ Платона. Взглядъ на душу у Аристотеля: Отличіе его взгляда отъ взгляда Платона; сочиненіе „De anima." Гоббсъ; его опредѣленіе духа. Термины „способность" и „свойство" у Аристотеля, у сред- 1 билетъ

невѣковыхъ писателей и у Гоббса. Критики Локкъ и его послѣдователи; отрицаніе метафизики въ психологіи. Предметъ психологіи. Опредѣленіе психическихъ явленій: 1) по контрасту съ матеріальными: а) локализація психическихъ явленій въ мозгѣ; в) психическія явленія — явленія внутреннія. 2) Положительное опредѣленіе психологическихъ явленій, какъ явленій сознанія.

Стр. 8 Раздѣленіе психологіи; его относительное знаніе. Зоопсихологія и психологія человѣка а) общая и в) дифференціальная. Методы психологіи а) общіе и в) спеціальные. Отношеніе психологіи къ другимъ наукамъ, къ физіологіи и біологіи и къ наукамъ соціальнымъ (Контъ). Значеніе физіологіи для психологіи. Особенности психологіи. Необходимость психологіи для физіологіи. Предметъ наукъ политическихъ сравнительно съ психологіей; значеніе для нихъ психологіи. Значеніе психологіи — 2 билетъ

въ кругу философскихъ наукъ. Элементарныя формы психическихъ явленій. Основные законы психическихъ явленій. Сложныя формы психическихъ явленій. Литература предмета.

Стр. 15-я Элементарный анализъ человѣческаго духа 1) Ощущенія 2) Дѣйствія подъ вліяніемъ ощущенія 3) Идеи. Объ ощущеніяхъ. Простота и первичность ихъ. Сравненіе ощущеній съ элементарными дѣйствіями и съ идеями. Развитіе всѣхъ психическихъ явленій изъ ощущеній. Аристотель. Гоббсъ. безразличность ощущеній: идеи; высшія умственныя явленія, высшія чувства; Вліяніе послѣднихъ на мускульную и нервную систему; мотивы воли; встрѣча ихъ. Локкъ и Шотландская школа; противоположность его ученія матеріализму Гоббса; разница на почвѣ гнаціологіи; ощущенія и самонаблюденія духа, сходство съ Гоббсомъ на почвѣ психологіи; признаніе связи всѣхъ психическихъ явленій съ

Билетъ

ощущеніями. Кондильякъ Гербартъ. Школа Вунта. Отношеніе этихъ ученій къ сенсуализму и матеріализму. Кантъ Задача психологіи — познаніе внутреней связи психическихъ явленій.

23. Опредѣленіе ощущеній. Различіе ощущеній: а) Качество. Бонъ. Прежній взглядъ. Примѣры. Значеніе качества ощущеній. б) Степень ощущеній. Различіе интенсивности отъ экстенсивности. Примѣры. с) Объективная разница ощущеній. Зрѣніе. Соединенныя зрительныя и мускульныя ощущенія. Слухъ. Осязаніе. Соединенныя осязательныя и мускульныя ощущенія. Обоняніе и вкусъ. Предметное содержаніе и значеніе мускульныхъ ощущеній. Идеи протяженія и продолженія. Органическія ощущенія, преобладающій въ нихъ субъективный характеръ. 5 билетъ. 4

29 Причина предметной разницы нашихъ ощущеній. Осязаніе, какъ основное ощущеніе. Зависимость объективной разницы ощущеній отъ органовъ чув-

ствъ Отсутствіе безусловной просто-
ты въ ощущеніяхъ Тонкость ощущеній
Опыты Вебера Относительность ощу-
щеній а) Условность внѣшняя и вну-
тренняя Фехнеръ и Вунтъ, отсут-
ствіе параллелизма между раздра-
женіями и ощущеніями б) Ограни-
ченность. Основная точка въ позна-
ніи внѣшняго міра Законъ отно-
сительности Ощущенія первичныя и
вторичныя. Примѣръ Локка и другіе
примѣры Впечатлѣнія матеріи
Особенности ощущеній, какъ факто-
ровъ красоты

Стр 39 Дѣйствія. Отличіе ихъ отъ движе- в билетъ
ній Дѣйствія первичныя и вторичныя
Образованіе первичныхъ дѣйствій Дви-
женія механическія, рефлективныя
и инстинктивныя. Мускульныя и
другія ощущенія, какъ результатъ дви-
женій и какъ дѣятель ихъ Ученіе Локка
объ обратномъ вліяніи ощущеній Опре-
дѣленіе закона самосохраненія.

Стр 45 Законъ самосохраненія относитель 7 билетъ
но ощущеній. Примѣненіе его къ движе-
нію, къ примѣненію готовности къ ра-

ботѣ Примѣры Maximum и minimum работы Вліяніе высшихъ соображеній Законъ самосохраненія въ зрительныхъ ощущеніяхъ Вниманіе Дѣйствіе закона самосохраненія на слухъ, осязаніе, вкусъ, обоняніе Универсальность закона самосохраненія Примѣры на волненіяхъ силы, гармоніи, новости и на чувствахъ соціальныхъ Законъ самосохраненія въ идеяхъ Примѣръ Апогеелиты

Стр 56 Идеи Токкеръ Милль Опредѣленіе 8 билетъ идей. Предѣлъ воспроизведенія въ идеѣ Термины „идея" и „представленіе" Идеи первичныя и вторичныя Образованіе идей Аналогія изъ міра физическаго Идеи — остатки впечатлѣній Примѣры Сравненіе Историческое воспоминаніе

Законы ассоціаціи Локкъ и Юмъ „Внушеніе" Броуна Терминъ Тэйлора Число законовъ ассоціаціи по Юму и въ настоящее время

Стр 64 Формулировка закона смежности 9 билетъ Объясненіе ея Псаихическая свобода Воспроизведеніе идей ощущеній Ассоціаціи разнородныхъ ощущеній примѣры ассоціаціи зрительныхъ ощущеній съ ощу-

Психологія Листъ 20-й

щеніями осязательными, слуховыми, обонятельными. Примѣръ ассоціаціи однородныхъ впечатлѣній. Идеи матеріальныхъ вещей. Дополненіе текущихъ ощущеній идеями. Примѣры. Антиципація Иллюзіи.

Универсальность закона смежности. ассоціація по смежности ощущенія съ волненіемъ, волненія съ предметомъ; ассоціація волненія слѣдующая собственно состоитъ изъ моральнаго и эстетическаго чувствъ; ассоціація дѣйствій съ волненіемъ и идеями, какъ мотивація дѣйствій. Практичность навыка.

Стр 74 Законъ сходства. Формулировка его. Примѣръ Юма. Отличіе закона сходства отъ закона смежности (законъ смежности — законъ историческаго направленія мышленія, законъ сходства — логическаго направленія). Примѣры. Важность закона сходства, (Узнованіе) составъ его. Поэтическія сравненія; примѣры ихъ. Классификація отвлеченныхъ идей, образованіе классификаціи вещей по закону сходства. 10 билетъ

Стр 81 Сложныя формы психической дѣятельности. Преобразованность зрѣлыхъ ощущеній. Примѣръ этого на зритель- 11 билетъ

ныхъ ощущеніяхъ. Законъ ассоціаціи, какъ причины этого преобразованія. Преобразованіе дѣйствій въ навыкѣ. Дѣленіе сложныхъ формъ психическихъ дѣятелей на три порядка. Отличительная черта явленій ума. Замѣчаніе относительно историческаго развитія анализа умственныхъ явленій (Взгляды средневѣковыхъ писателей, Гоббса, Локка, Шотландской школы, Гюма, Гертли; крайность ученія послѣднихъ; Школа ассоціалистовъ; ученіе Канта, Гербарта и Бентли.

Стр 90 Дѣленіе умственныхъ явленій на 3 12 билетъ класса. Второй классъ умственныхъ явленій: а) различеніе и отождествленіе (сравниваемыя вещи, чувство сходства или разница; в) сравненіе невольное и произвольное; с) наблюденіе, какъ произвольное сравненіе; наблюденіе внѣшнее, внутреннее и умственное, д) перцепція; е) вниманіе, какъ продолженіе предыдущихъ процессовъ. Умственное явленіе съ преобладаніемъ идей; а) память, различныя опредѣленія памяти у Демокрита, Эпикура и въ средніе вѣка, опредѣленіе ея Гоббсомъ;

воспроизведеніе этого опредѣленія Гербартомъ; современная теорія, идущая отъ Плотина и разработанная Локкомъ и Юмомъ

Стр 100 Воспоминаніе скрытое, различіе его отъ памяти. Сознаніе, важность для него законовъ ассоціаціи. Воспоминаніе въ собственномъ смыслѣ. Отличіе его отъ воспоминанія скрытаго (дѣятельный элементъ). Достоинство воспоминанія. Припоминаніе. Забвеніе. Причина забвенія. 13 билетъ

Стр 108 Представленіе. Предпочтительность термина „идея" предъ терминомъ „представленіе". Воображеніе. Необходимость ограниченія смысла термина „воображеніе". Формула закона творчества. Творчество во внѣшнихъ ощущеніяхъ и въ области духовныхъ явленій. Созданіе изъ нѣсколькихъ идей новой идеи. Сложные виды воображенія (пониманіе рѣчи другихъ, представленіе о неизвѣстномъ цѣломъ по извѣстнымъ частямъ). Гипотезы (гипотезы причинной связи, гипотезы метафизическія) 14 билетъ

Стр 115 Эстетическія ассоціаціи. Аффекты, какъ принципы творчества, (гнѣвъ, нѣжность, страхъ). Ассоціаціи въ міровоззрѣніяхъ философскихъ и народныхъ. (Эмпедоклово ученіе, міровоззрѣнія перво- 15 билетъ

бытныхъ людей.

Три порядка умственныхъ явленій Явленія 16 билетъ
нія называнія. Явленія пониманія Образо-
ваніе словъ, именъ, понятій. Процессъ обобще-
нія именъ и понятій, аналогія этого про-
цесса у дитяти и первобытныхъ народовъ.
Природа общихъ понятій Общія понятія
существуютъ только рядомъ съ индивидуаль-
ными понятіями.

Предложеніе и сужденіе Сходство предло- 17 билетъ
женія съ называніемъ. Примѣръ. Различеніе
предложеній отъ сужденій въ психологіи
Сужденія сходства и разницы. Сужденія
сосуществованія, преемства и причинной свя-
зи Наведеніе, сравненіе его съ силлогизмомъ Сложныя
умственныя произведенія Ихъ символическій хара-
ктеръ Различіе искусства отъ науки Символика ве-
щей трансцендентныхъ

Душевныя волненія. Объясненіе этого термина Произ- 18 билетъ
хожденіе душевныхъ волненій (встрѣча или ощущеніе
или идей или тѣхъ и другихъ) Доказательство этого
на чувствахъ долга, красоты и гармоніи. Производныя
волненія а) переносное чувство в) волненіе сложное. Дѣйствіе за-
кона сходства на волненія Примѣры переносныхъ чувствъ Законъ смежности и его дѣйствіе
на волненія Примѣры. Преобразованіе переносныхъ чувствъ
Сложныя чувства. Примѣръ. Анализъ чувства красоты 19 билетъ
Образованіе сложныхъ чувствъ. Физическое выраженіе волне-
ній, какъ ихъ характерная черта. Качество и степень вол-
ненія Вліяніе качества волненій на нашу дѣятельность
сравнительно съ вліяніемъ идей. Примѣръ скрытнаго вліянія
идей. Возвращеніе волненій въ формѣ идей. Умственныя чувства
Взглядъ на нихъ Бэна (какъ на свойства ума) Мнѣніе профес-
сора относительно этого предмета (умственныя чувства, такія
же чувства, какъ и чувства гармоніи и разлада сходства и разницы.

Погрѣшности

Снизу или сверху	Строка	Страница	Какъ написано	Какъ должно
сверху	4	2	къ	какъ
сверху	13	2	но они	они
сверху	5	3	дальнѣйшихъ	дальнѣйшихъ работъ
снизу	13	3	духа	Духъ
снизу	9	3	остановится	остановиться
сверху	25	5	существа	существованія
сверху	4	18	чувство	образуется чувство
снизу	14	24	приходить	переходить
снизу	10	25	тотъ	тонъ
сверху	5	26	субъективнаго	объективнаго
сверху	9	26	субъективно	объективно
сверху	13	29	нервную систему	нервной системы
сверху	6	30	нѣкоторыя	на нѣкоторыя
снизу	16	30	всю	на всю
снизу	7	31	впечатлѣніе	впечатлѣніе двухъ точекъ
сверху	7	34	и чтобы	чтобы
сверху	12	34	парраллельно	параллельно
снизу	1	35	соствѣтствуютъ-ли	соотвѣтствуетъ-ли
сверху	4	37	опредѣлительности	опредѣленности
снизу	2	38	намеренно	намѣренно
сверху	6	38	впечатлѣніямъ	впечатлѣніями
снизу	10	40	ощущенія	движенія
сверху	3	41	не вызываютъ ощущеніи, свойственныхъ.	и вызываетъ ощущ свойственныя

Т. и рку	строка	страница	Какъ написано	Какъ должно:
рку	8	43	при ощущении	ощущение.
рку	2	44	Начиная съ того, что	Прежде всего..
рку	9	44	интенсивно	инстинктивно
рку	12, 13, 14	45	Что только тѣ чувства, вызванныя движеніями, имѣютъ способность вліять на наши движенія, которыя обладаютъ качествомъ пріятности или непріятности	Что только чувства, вызванныя движеніями и которыя обладаютъ качествомъ пріятности или непріятности, имѣютъ способность вліять на наши движенія
рку	6	49	никогда не исчезаетъ	есть
рку	4	50	вызываются	вызываемыя
рку	8	52	за какое нибудь	за какое нибудь дѣло
рку	16	52	какіе-нибудь	какіе нибудь другіе
рку	13	53	безтыжей	бестыжей
зу	5	54	вліянія	вліянія, какъ ощущен
рку	24	55	системѣ	системой
рку	13	56	Тэлора	Токкера (Toucker)
зу	15	58	слова слова въ томъ смыслѣ	слова въ томъ смыс
рку	4	59	- перемѣны	слѣ перемѣнъ
рку	9	59	Ощущеніе	ощущеніе
зу	5	62	должна	не должна
рку	5	65	Для дѣйствія по закону	закону

Снизу и сверху	Строка	Страница	Какъ написано	Какъ нужно
верху	17	73	заявять	волнени заявить
снизу	10	74	существованія	сосуществованія
снизу	7	75	теперь, чтобы	Чтобы
сверху	1	78	когда	Когда
снизу	9	87	по мнѣнію, котораго	по мнѣнію котораго
снизу	3	91	чувствамъ безразсуднымъ	чувствами безразсудными

Конецъ

Издатели Тюшковъ и Крыловъ